

Основан
в 1967 году
Выходит
6 раз в год
Издательство
"Наука"
Москва

Научно-популярный журнал
Института русского языка
Академии наук СССР

Русская 2 речь

1988 МАРТ · АПРЕЛЬ

В НОМЕРЕ:

ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

3 К. В. Наумов, В. И. Силина. Образное слово в ленинской публицистике

8 М. А. Артемьева. Об одной черте стиля В. И. Ленина

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. МАКАРЕНКО

12 В. М. Коротов. Педагогика завтрашнего дня

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Штрихи к портрету писателя

18 О. П. Попов. Перечитывая Лермонтова

22 Н. Н. Иванова. «Делом давай-ка с бедой управляться...» (О языке поэзии А. Т. Твардовского)

27 Н. В. Баландина. Слово, обращенное в сегодня (Образ и речь автора в рассказе В. Г. Распутина «Что передать вороне?»)

Слово в драматургии

34 Л. В. Поликовская. «Люди так и говорят»

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

41 К. В. Скворцов. Не боясь любви безответной

КУЛЬТУРА РЕЧИ

48 Н. И. Формановская. Беседы о речевом этикете

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

52 Л. И. Балазонова. Каждый словарь отражает свое время

ТРУДНЫЕ СЛУЧАИ ОРФОГРАФИИ

59 Л. К. Чельцова. Вы и Ваш

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

63 М. П. Кочерган. Л. А. Булаховский — ученый и педагог

Из научного наследия

68 Л. А. Булаховский. Энантосемия. Развитие противоположных значений

-
- 71 *Ф. П. Филин. Мой путь в науке*

СЛОВО МОЛОДОМУ ЛИНГВИСТУ

- 80 *О. И. Северская. О картине мира в поэзии Давида Самойлова*

- 83 *О. М. Анисимова. Лихо в «Поучении Владимира Мономаха» и в летописании*

СРЕДИ КНИГ

- 87 О культуре русской речи

- 88 Храм муз словесных

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

- 90 *А. А. Гогешвили. «Росте на кусту...»*

- 96 *А. П. Богданов. Литература и общество накануне Петровских преобразований*

- 103 *А. Н. Качалкин. Русский быт в деловой прозе допетровского времени*

- 111 *В. П. Козлов. Кружок А. И. Мусина-Пушкина*

- 116 *Е. А. Динерштейн. Русский издатель А. Ф. Маркс*

НА КАРТЕ РОДИНЫ

- 123 *Е. С. Отин. Осеред*

ОНОМАСТИКА

- 128 *В. А. Никонов. Как Вас зовут?*

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- 131 *З. А. Носкова. Портной и порт*

- 136 *У. Д. Эсанов. Службист*

- 141 *Л. Г. Фридгендлер. Стенное письмо — стенная живопись — фреска*

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

- 146 *Н. А. Каламова. Анализ слова*

- 152 Темы сочинений на вступительных экзаменах в Московский университет (1987 г.)

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

- 153 Как складываются топонимы?

- 156 А сам не плошай

- 158 От лягушника к водокрасу
-

На обложке рисунок В. Леонова

Образное слово в ленинской публицистике

К. В. Наумов,
доктор филологических наук,

В. И. Силина,
кандидат филологических наук

публицистике В. И. Ленина наряду с понятийными представлениями о классовой борьбе, политических действиях и выступлениях различных социальных сил, жизни трудящихся заметное место занимают образные описания действительности. М. Эссен, вспоминая доклад Ленина о Парижской коммуне, писала, что перед слушателями не только было раскрыто общественно-историческое значение Коммуны, но и предстала яркая картина ее жизни и борьбы: «...мы ощутили ее могучее дыхание, ее пафос, ее трагедию... Парижская Коммуна встала перед нами, как сверкающая заря новой жизни... Мы мысленно видели осажденный Париж, трусость и предательство господствующих классов, продажное правительство, сбежавшее в Версаль и предавшее родину, мы увидели героический рабочий класс, взявший на себя защиту отечества и задачу построения государства на новых началах» (Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В двух томах. Т. 1. М., 1956, с. 249).

Образы-картины придают публицистике не только живость, выразительность, эмоциональность, но и убедительность. Порой даже сложные теоретические вопросы Ленин переводил в конкретно-образный план, что содействовало повышению читательского восприятия, раскрывало новые стороны жизненных процессов. Однажды он заметил: «Бывают такие „случаи“ в политике, когда сущность известного порядка вещей обнаруживается с необыкновенной силой и ясностью как-то вдруг, по сравнительно мелкому поводу» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24, с. 184).

Так, вскоре после Октябрьской революции Владимир Ильич стал свидетелем незначительного, казалось бы, эпизода в вагоне железной дороги. Он обратил внимание на то, как несколько финнов слушали старушку, и попросил перевести ее слова. Старушка

говорила: «...теперь не надо бояться человека с ружьем. Когда я была в лесу, мне встретился человек с ружьем, и вместо того, чтобы отнять от меня мой хворост, он еще прибавил мне». На основе бытовой сценки В. И. Ленин делает глубокое социальное обобщение, устанавливая непосредственную связь между эпизодом, участницей которого явилась старушка, и большим миром общественных страстей и борьбы: «...пускай сотни газет, как бы они там ни назывались — социалистические, почти-социалистические и пр., пускай сотни чрезвычайно громких голосов кричат нам: „диктаторы“, „насильщики“ и т. п. слова. Мы знаем, что в пародных массах поднимается теперь другой голос; они говорят себе: теперь не надо бояться человека с ружьем, потому что он защищает трудящихся и будет беспощаден в подавлении господства эксплуататоров» (т. 35, с. 269).

Как никто другой, В. И. Ленин умел увидеть великое в малом, значительное в обыденном. Образы-картины в ленинской публицистике приобретают обобщающее социальное значение потому, что они включают в себя опыт пародных масс. Ленин-теоретик всегда учитывал конкретные факты действительности. В работе «Письма о тактике» он писал: «...марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни». И подкреплял свою мысль словами Гете: «Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни» (т. 31, с. 134).

В один из октябрьских дней тяжелого для молодой Советской республики 1919 года В. И. Ленин встретился с группой иваново-вознесенских рабочих. Незадолго перед тем почти половина ответственных партийных работников Иваново-Вознесенска отправилась на фронт. Ленину рассказали, «с каким энтузиазмом их провожали десятки тысяч беспартийных рабочих и как подошел к ним один старик, беспартийный, и сказал: „Не беспокойтеся, уезжайте, ваше место там, а мы здесь за вас справимся“» (т. 39, с. 246). И этот эпизод служит для важного обобщения. Передав его содержание, Ленин подчеркивает, что такое настроение, возникшее в среде беспартийных масс, свидетельствует о колоссальном росте авторитета Советской власти. Это происходит потому, что рабочие и крестьяне видят воочию героизм и беззаветную самоотверженность членов Коммунистической партии, идущих на фронт сражаться в первых рядах за счастье народа.

Ленину-публицисту присуще замечательное умение воссоздавать атмосферу действительности с помощью живых картин, эмо-

ционально-непосредственно воспринимаемых читателем. Можно с уверенностью сказать, что образная основа его публицистики восходит к произведениям Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, раннего Горького. Ленин относился к традициям творчески, используя их в целях служения современности. Традиционные образы он не перенимает, не стремится перекроить на новый лад, не меняет их существа, но они получают иное освещение, у них появляются другие краски, невозможные ранее, до начала массового рабочего движения.

Через всю ленинскую публицистику проходит сопоставление революции с искрами, огнем, пламенем, светильником, факелом, пожаром. Могучий революционный пожар запылал в октябре 1917 года. Он не оставил камня на камне от старых устоев и порядков, ликвидировал остатки крепостничества в деревне, уничтожил капитализм.

Название ленинской газеты — «Искра» — оказалось глубоко символическим. Пророчески прозвучал эпиграф: «Из искры возгорится пламя!»... Созданная Лениным партия разожгла искры народного возмущения в революционный пожар, опаливший своим огнем весь мир. Ипосказательные образы искр, огня, пламени, пожара, имевшие устойчивую традицию в русской литературе и публицике, Ленин использовал в условиях пролетарской революционной борьбы. И они вдохновляли миллионы самоотверженных борцов за справедливое устройство общества. В ноябре 1917 года Ленин говорил о том, что уже за месяц до Великой Октябрьской социалистической революции большевики предугадывали развитие событий, завершившихся установлением в России Советской власти: «Мы чувствовали в воздухе накопившееся электричество. Мы знали, что оно неизбежно разразится очистительной грозой» (т. 35, с. 61).

Но стихийно-природные образы в работах Ленина не только передают величие и торжество революции, — в ряде случаев они символизируют враждебные силы, угрожающие государству рабочих и крестьян. В первые годы после свержения власти помещиков и капиталистов в ленинской публицистике возникают образы острова и корабля, символизирующие молодую Советскую республику, которым приходится выдерживать натиск жестокой бури и сокрушительных волн разбушевавшегося моря, олицетворяющего империалистические державы, стремившиеся задуть революцию в России. «Мы присутствуем при таком положении, когда бунтующие волны империалистической реакции, империалистической бойни народов, бросаются на маленький остров социалистической Совет-

ской республики, которые готовы, кажется, вот-вот затопить его, но оказывается, что эти волны сплошь и рядом разбиваются одна о другую» (т. 36, с. 329). Зрелищно, образно передал Ленин мысль о прочности Советского государства, укреплению которого способствовали и противоречия между различными группировками империалистических хищников. Через два неполных года после победы Октября он сопоставил Советскую страну с кораблем, выдерживающим бурю в бушующем море. Восхищаясь и гордясь беззаветностью и отвагой, проявленными трудящимися в ходе пролетарской революции, В. И. Ленин пишет: «...рабочие, перенесшие неслыханные мучения голода, холода, разрухи, разорения, не только сохраняют всю бодрость духа, всю преданность Советской власти, всю энергию самопожертвования и героизма, но и берут на себя, несмотря на всю свою неподготовленность и неопытность, бремя управления государственным кораблем! И это в момент, когда буря достигла бешеной силы...» (т. 39, с. 234—235). Образные ассоциации и глубокие обобщения передают настроения бодрости, веры в свои силы и в грядущую победу, охватившие рабочий класс в ходе революции и гражданской войны.

В. И. Ленин признавался, что питает «большую слабость к военным сравнениям» (т. 8, с. 360). Метафорическое употребление военной терминологии органично для Ленина, который всю сознательную жизнь отдал борьбе за интересы рабочего класса. Он никогда не покидал поля боя, отстаивая дело коммунизма. В письме И. Арманд Владимир Ильич писал: «Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошlostей, оппортунизма и т. д. Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я все же не променял бы сей судьбы на „мир“ с пошляками» (т. 49, с. 340).

Ассоциативное мышление В. И. Ленина улавливало связь между революционным преобразованием общества и трудом строителя. Заботясь о прочности социалистического общества, он часто говорил о необходимости тщательной расчистки почвы от всего старого. Расчистив почву, нужно заложить солидный фундамент, который обеспечит устойчивость социалистическому зданию. На втором году революции Владимир Ильич отмечал, что рабочие «кладут камень за камнем фундамент *новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой власти профессиональных союзов рабочих над их членами*» (т. 37, с. 62). Закладка фундамента — особенно ответственное и важное дело, требующее расчетливости и осмотрительности, строгого соблюдения цикличности работы: «Было много случаев, когда мы брались за постройку с верхушек, с какого-нибудь флигелька, карниза, а на фундамент настоящего

внимания не обращали» (т. 39, с. 411). Символ фундамента социалистического здания проходит через многие ленинские произведения первых лет революции.

Не один раз на страницах ленинских работ возникает образ железнодорожного поезда, символизирующего век техники и промышленного развития. После победы революции, в первые годы Советской власти, когда рабоче-крестьянскому правительству приходилось менять тактику и перестраивать свою работу в зависимости от стремительного изменения политических, военных и экономических условий, Ленин создает иносказательную картину перевода поезда на другие рельсы. Трудности такого перевода состоят не только в том, что поезд «должен тащить десятки миллионов людей», но и в том, что «местами и рельс нет» (т. 42, с. 32).

Для ленинского искусства политической речи характерно сочетание сатирических рисунков с пафосно-геронческими картинами. Это дает возможность публицисту отразить жизнь во всем ее многообразии, раскрыть сложную общественную обстановку, нанести особенно сильные удары по контрреволюции. Первая глава «Заметок публициста» (1922) начинается иносказательным изображением строительства социалистического общества как необыкновенно трудного восхождения на очень высокую и не исследованную еще гору.

Аллегорически воссоздав картину штурма советским народом вершин нового общества, Ленин окарикатурирует тех, кто пазывал себя социал-демократами, клялся в верности трудящимся, но предал дело социализма: «Голоса же снизу несутся злорадные. Одни злорадствуют открыто, улюлюкают, кричат: сейчас сорвется, так ему и надо, не сумасшествуй! Другие стараются скрыть свое злорадство, действуя преимущественно по образцу Иудушки Головлева; они скорбят, вознося очи горе. К прискорбию, наши опасения оправдываются!» (т. 44, с. 416).

Подводя итог, Владимир Ильич пишет: «Пусть злорадствуют. Пусть выделывают свои клоунские упражнения. Каждому свое. А мы не дадим себя во власть ни иллюзиям, ни унынию. Не бояться признавать своих ошибок, не бояться многократного, повторного труда исправления их — и мы будем на самой вершине» (т. 44, с. 423).

У Ленина-публициста образное слово не только служит делу разоблачения и осуждения отжившего, контрреволюционного, но прежде всего используется для утверждения и прославления социалистического идеала. При этом он прибегает лишь к такой образности, которая близка и понятна широким народным массам.

Ровно

Об одной черте стиля В. И. Ленина

М. А. Артемьева

лингвистической Лениниане выделен ряд языковых черт, свойственных речи В. И. Ленина, — это активное привлечение эмоциональной лексики, демократизация книжных стилей речи, преобразование пословиц и поговорок, использование имен литературных персонажей, создание некоторых собственно ленинских речевых ново-

образований и т. д.

Особым источником выразительности языка В. И. Ленина является активное использование таких средств языка, которые можно условно и обобщенно обозначить, как средства интенсивности, увеличительности, максимальной степени выраженности признака и т. д. Их не следует смешивать с эмоционально-оценочной лексикой, так как это разные языковые средства.

Рассмотрим отдельные группы речевых средств интенсивности при выражении признака предмета.

Прежде всего, это имена прилагательные, высокая степень признака которых выражается их лексическим значением, — *большой, огромный, громадный, гигантский, колоссальный* и т. д. Сюда же можно отнести сочетания имен прилагательных с наречиями степени — *абсолютно добросовестный, первоклассно крупный, отменно умный, страшно длинный, ужасно неприятный, убийственно скучный, беззаветно смелый* и т. д. В таких сочетаниях выражение максимальной степени признака берут на себя наречия степени. Наконец, это различные словообразовательные средства — суффиксальные и приставочные прилагательные типа *большущий, здоровенный, огромнейший, премилый, архиважный, наивернейший, сверхлевый, ультрабуржуазный*, где значение высокой степени признака выражают суффиксы и приставки.

Средства интенсивности существуют объективно в самой системе языка, являясь ярким экспрессивно-стилистическим элементом. Ученые-языковеды неоднократно отмечали частные особенности стиля В. И. Ленина, которые касаются увеличительных средств языка, или средств интенсивности. В основном эти особенности исследовались отдельно, без связи друг с другом. Поэтому

их надо рассмотреть в совокупности как индивидуальную черту ленинского стиля, подтверждающую его экспрессивную насыщенность.

В первую очередь читателям ленинских произведений бросается в глаза употребление прилагательных с приставкой *архи-*. В чем причина этого? Прежде всего в том, что слова с *архи-* в общепародном языке малоупотребительны, а В. И. Ленин использует их довольно часто. Эта приставка может выступать даже в роли отдельного слова, типа наречия *очень*, причем самостоятельное употребление придает ей особую выразительность: «Пока, значит, копить силы и деньги, — быть сдержанным (архи!) — разуживать побольше» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48, с. 253) — экспрессивность в этом примере подчеркивается восклицательным знаком.

В ленинских текстах встречается и такое редкое языковое построение, как прилагательное *архи-будто бы-искровский*, образованное с помощью присоединения приставки *архи-* к словосочетанию. Для создания этого новообразования нужны были особые условия: оно встречается в работе Ленина, посвященной II съезду РСДРП, которая не предназначалась для опубликования и была насыщена словами, не встречающимися в других текстах (таково, например, *искряк*): «Таков был „инцидент с ОК“. Во-1-х, он окончательно подорвал у многих искряков политическое доверие к N (и укрепил доверие к Т), во-2-х, он не только доказал, но и *показал* воочию, как шатко еще искровское направление даже в таком центральном, архи-будто бы-искровском, учреждении, как ОК» (т. 8, с. 9).

Кроме *архи-*, Ленин часто употреблял приставку *пре-*, особенно в письмах — жанре, близком к разговорной речи: «Прекуръзна, с этой точки зрения, та задача, которую ставит себе партия социалистов-революционеров в программе-минимум...» (т. 9, с. 193).

Вообще увеличительные приставки и суффиксы занимают в речи Ленина значительное место. Об этом свидетельствует не только их частое употребление, но и использование в необычных случаях. Например, подобные приставки и суффиксы обычно присоединяются к качественным прилагательным, а у Ленина они иногда могут соединяться и с относительными. Это одно из частных проявлений общезыкового процесса развития категории качества, перехода относительных прилагательных в качественные. Например, это характерно для слов с суффиксом *-ейш-/-айш-*. Обычно прилагательное *цензурный* имеет значение «относящийся к цензуре», при присоединении суффикса *-ейш-* оно получает качественный оттенок: «Уважаемый редактор! Я так

запуган нелепой и невероятной пропажей *цензурнейшей* рукописи, что боюсь даже назвать Ваше имя» (т. 49, с. 275). К основам относительных прилагательных могут присоединяться и приставки со значением увеличительности: *архи-* (*архиинтеллигентский, архилевый, архилегальный, архицензурный, архичастный, архиюбединительный*), *наи-* (*наигосударственный, наиобщинный*), *ультра-* (*ультрабольшевистский, ультранароднический, ультрацентралистский*).

Не менее активны и характерны для языка В. И. Ленина наречия степени. Обычно это сочетание слов, где качество признака выражает прилагательное, а степень — наречие. В данной группе наречия выражают значение интенсивности. Кроме этого, они могут иметь и какое-либо качественное значение. Особенно выразительны наречия с положительной и отрицательной оценкой, а также со значением исключительности. Так, очень употребительно слово *замечательно*: «Это — замечательно верная и замечательно меткая оценка теперешнего политического положения с точки зрения интересов капиталиста и помещика» (т. 14, с. 14).

Наречия с отрицательной оценкой обычно характеризуют негативные явления действительности: «Годы действительно адски-трудные, и возможность сношений с старыми друзьями вдесятеро ценнее поэтому» (т. 47, с. 223). Характерны для языка Ленина наречия со значением исключительности типа *фантастически, феноменально, сверхъестественно*.

Помимо наречий степени и приставочно-суффиксальных прилагательных, в ленинском языке часто используются такие прилагательные, в которых значение увеличительности заключено в лексическом значении корня слова — *большой, великий, грандиозный, громадный, колоссальный, огромный*: «Идите в громадном числе в партийные организации. Сделайте из нашего IV съезда и из меньшевистской второй конференции внушительный и грандиозный съезд рабочих социал-демократов» (т. 12, с. 93).

В одном предложении могут использоваться два или несколько слов со значением интенсивности, употребляясь как синонимы и однородные члены: «И действительно, формы найма в этой местности очень оригинальны и весьма характерны для капиталистического земледелия» (т. 3, с. 239) — в данном случае это наречия степени *очень* и *весьма*. Характерно для языка В. И. Ленина употребление в одном предложении двух увеличительных средств с одинаковой приставкой. Чрезвычайно редки и знаменательны комбинации с трехчленным рядом увеличительных средств, где экспрессивное нагнетание прилагательных само по себе является средством интенсивности: «Это надо сказать прямо, точно, ясно,

ибо колебания насчет „открытого письма“ архивредны и архипозорны и архираспространены» (т. 52, с. 267).

Особенно характерны для языка В. И. Ленина и не встречаются в текстах других авторов соединения из нескольких средств интенсивности. Их концентрация связана с общей экспрессивной атмосферой речи, насыщенной различными выразительными средствами. «Наше рабоче-крестьянское правительство, вся Советская республика, все наше рождающееся социалистическое общество находится в состоянии самой тяжелой, отчаянной, бешеной, смертельной борьбы против капитализма, против спекуляции... Это — самая глубокая, самая коренная, самая повседневная, самая массовая борьба капитализма с социализмом» (т. 39, с. 169) — в данном примере не только синонимичное употребление увеличительных прилагательных *тяжелый, отчаянный, бешеный*, но и четырехкратный повтор превосходной степени прилагательных со словом *самый*, которая также выражает увеличительное значение, только грамматическими средствами.

Основной причиной большого количества средств интенсивности в произведениях В. И. Ленина, их богатства и разнообразия является прежде всего отражение в языке ленинской индивидуальности. Активность личности Ленина отражается и в активности его языка. Рассмотренные речевые средства полностью отсутствуют у других авторов. Это дает нам право говорить об их особом употреблении в работах В. И. Ленина как о характерной черте его языка и стиля.

Когда я на одном партийном собрании сказал, что революционная фраза о революционной войне может погубить нашу революцию, меня упрекали за резкость полемики. Но бывают моменты, обязывающие поставить вопрос в упор и назвать вещи их настоящим именем, под угрозой причинения непоправимого зла и партии и революции...

Революционная фраза есть повторение революционных лозунгов без учета объективных обстоятельств, при данном изломе событий, при данном положении вещей, имеющих место. Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие, — почвы под ними нет, — вот суть революционной фразы.

В. И. Ленин

Педагогика завтрашнего дня

В. М. Коротов,
член-корреспондент АПН СССР

Удивительный человечище! Так назвал Антона Семеновича Макаренко А. М. Горький. И действительно, нельзя не удивляться таланту этого человека: сотни беспризорных детей, чьи судьбы были исковерканы в силу разных обстоятельств па великом переломе истории, А. С. Макаренко вывел на дорогу новой жизни. Выдающийся педагог-практик, организатор учебно-воспитательных учреждений (колонии имени А. М. Горького и коммуны имени Ф. Э. Дзержинского), он вместе с Н. К. Крупской встал у истоков новой, советской, концепции воспитания. Автор «Педагогической поэмы», развивший лучшие традиции социалистического реализма, А. С. Макаренко одним из первых раскрыл неисчерпаемые возможности художественного обобщения и пропаганды педагогического опыта.

Судьба педагога А. С. Макаренко поначалу ничем не отличалась от судеб многих тысяч народных учителей. Педагогическую работу он начал в 1903 году в железнодорожном двухклассном училище поселка Крюково учителем начальных классов. Огромную роль в формировании личности молодого педагога сыграло творчество А. М. Горького. Впоследствии Антон Семенович вспоминал, что великий пролетарский писатель стал вдохновителем его марксистского мироощущения.

После Октябрьской революции А. С. Макаренко с головой окунулся в строительство единой трудовой школы. Переломным в его судьбе стал 1920 год. Тогда, осенью, Полтавский губернский отдел народного образования поручил А. С. Макаренко организацию колонии для несовершеннолетних правонарушителей. Хозяйственная разруха, голод и лишения, казалось бы, исключали возможность перевоспитания натерпевшихся человеческого горя детей. Но именно в этих условиях начинает Антон Семенович создавать новую школу в полуразрушенном здании старой колонии.

Усвоив ленинскую мысль о том, что воспитание коммунистов должно состоять не в усладительных речах о нравственности, а в коллективном труде, Макаренко настраивает своих воспитан-

ников на дружную совместную работу. В колонии начинает работать школа, организуется сельскохозяйственное производство, появился даже свой театр. И все это не просто дело рук самих воспитанников, но и реализация их собственных замыслов и планов. Особенно много внимания уделялось развитию самоуправления: действовали совет командиров, общее собрание, сводные трудовые отряды. И когда Антон Семенович вдруг ощутил могучую силу общественного мнения организованного детского коллектива, еще не осознав всего значения своего открытия, он понял, что колония на верном пути.

Жизнь детей становилась предметом их собственной заботы, общего самоотверженного труда. И это умножало коллективные усилия, порождало невиданные перспективы и энергию воспитанников. Главное — они все больше и больше ощущали себя хозяевами своей судьбы. Это была полная педагогическая победа. Завязалась оживленная переписка колонистов с А. М. Горьким, а в 1928 году писатель приехал в колонию. Чуть позже в очерках «По Союзу Советов» Алексей Максимович напишет о Макаренку: «...это, должно быть, новый тип педагогов, это люди, сгорающие в огне действенной любви к детям, а прежде всего — эти люди, которые, мне кажется, хорошо сознают и чувствуют свою ответственность перед лицом детей».

Но то, что сумел разглядеть в Макаренко и его опыте великий писатель, не смогли увидеть люди, руководившие тогда орга-

нами народного образования. Один из парадоксов того времени: система воспитания Макаренко была объявлена несоветской. И Антон Семенович перешел руководить трудовой коммуной имени Ф. Э. Дзержинского. Это воспитательное учреждение было создано на окраине Харькова как памятник Феликсу Эдмундовичу на отчисления из зарплаты украинских чекистов. Восемь лет жизни отдал А. С. Макаренко колонии имени А. М. Горького и столько же проработал в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. 50 воспитанников горьковской колонии составили костяк коллектива дзержинцев. Но дело не только в этом. В коммуну принес Антон Семенович богатейший опыт и новые замыслы. На заработанные коммунарами средства был построен завод, на котором производили электроинструменты и фотоаппараты. Самый популярный аппарат того времени марки «ФЭД», сделанный руками воспитанников, не уступал лучшим образцам мировой продукции фотопромышленности.

В 1932 году коммуна отметила свое пятилетие. Тогда был выпущен юбилейный сборник «Второе рождение». Для этой книжечки, вышедшей небольшим тиражом, Антон Семенович написал статью «Педагогижимают плечами». В ней он сформулировал цели воспитания, как они вставали перед ним в те далекие годы. Вот эта лаконичная программа:

«Мы желаем воспитать культурного советского рабочего. Следовательно, мы должны дать ему образование, желательно среднее, мы должны дать ему квалификацию, мы должны его дисциплинировать, он должен быть политически развитым и преданным членом рабочего класса, комсомольцем, большевиком. Мы должны воспитать у него чувство долга и понятие чести, иначе говоря, он должен ощущать достоинство свое и своего класса и гордиться им, он должен ощущать свои обязательства перед классом. Он должен уметь подчиняться товарищу и должен уметь приказывать товарищу. Он должен уметь быть вежливым, суровым, добрым и беспощадным — в зависимости от условий его жизни и борьбы. Он должен быть активным организатором. Он должен быть настойчив и закален, он должен владеть собой и влиять на других... Он должен быть веселым, бодрым, подтянутым, способным бороться и строить, способным жить и любить жизнь, он должен быть счастливым».

Теперь сравните все это с воспитательными задачами современной школы... Среднее образование, рабочая квалификация, политическая зрелость, организаторская активность... Не эти ли качества мы хотим видеть и в сегодняшних выпускниках средней школы? А. С. Макаренко добавляет к этой характеристике задачу

воспитать счастливого, любящего жизнь человека. Если вспомнить, что в те годы, когда писались эти строки, в стране еще не была решена задача семилетнего всеобщего, а вопрос о трудовой подготовке был временно снят с повестки дня, можно определить опыт коммуны имени Ф. Э. Дзержинского как дерзновенный порыв в будущее.

Надо, говорил А. С. Макаренко, писать педагогику завтрашнего дня. И он создавал и неустанно пропагандировал ее. Антон Семенович принадлежит к числу подлинных революционеров науки. Диапазон его творческого наследия охватывает практически все актуальные основные проблемы школы и педагогики, многие из которых поставлены им по-новому или выдвинуты впервые. Программа воспитания и педагогическое проектирование; соединение научного политехнического и профессионального образования с производительным трудом, диалектическое единство экономической и педагогической эффективности детского труда; формирование характера и воспитание на лучших традициях советского народа, на примере жизни и деятельности лучших его представителей... Этот перечень можно было бы продолжить. Многие идеи А. С. Макаренко давно уже стали самостоятельными разделами педагогической теории, но и сегодня в его трудах мы находим ответы на самые жгучие и актуальные вопросы, которые ставит перед нами практика.

Макаренко провозглашает свою педагогическую установку: создание настоящего коллектива и влияние его на личность. Такой коллектив Антон Семенович назвал воспитательным, тем самым подчеркивая главное его назначение.

Дети и педагоги являются товарищами, полноправными членами одного коллектива. Взаимопомощь и поддержка друг друга, высокая требовательность и доверие, становятся основой их отношений. Не случайно коммунары в приветственном адресе Антону Семеновичу в связи с четвертой годовщиной коммуны имени Ф. Э. Дзержинского написали: «Вы для нас — лучший друг и товарищ».

Сейчас, когда понятие «советский трудовой коллектив» закреплено в законодательном порядке, а его роль в развитии творческой инициативы и самой личности подчеркнуты в Программе партии, мы можем в полной мере оценить открытие А. С. Макаренко, сделанное им в 30-е годы. Создание теории воспитательного коллектива — главная заслуга Антона Семеновича в развитии мировой педагогики. Все другие его открытия обусловлены ею, вытекают из нее,

По-новому в этой связи раскрывается и роль педагога. Не моральные проповеди и поучения составляют главный предмет его забот, а сплочение дружного работоспособного коллектива и организация труда детей. Воспитательная работа, неоднократно подчеркивал Антон Семенович, есть прежде всего работа организатора. И поэтому думать, что может воспитывать один учитель,— заблуждение. Нужен коллектив педагогов, спаянный общими задачами и единством своих действий.

Отсюда и принципиально новый подход к методике воспитания в практической деятельности и теоретических трудах Макаренко. Оценивая этот подход, один из первых исследователей опыта выдающегося советского педагога И. Ф. Козлов в своей книге «Единство воспитания и жизни детей» (М., 1964) писал: «Смысл опыта А. С. Макаренко, да и всего дела коммунистического воспитания, сводится к тому, чтобы превратить сложные и трудные обязанности детей, которые предъявляются им задачами коммунистического воспитания в интересах их будущего и будущего всего общества, в источник и условие детской радости и в стимул их жизнедеятельности. В этом сущность методики воспитательной работы и в этом сущность настоящего мастерства педагогов».

Обратите на это внимание: превратить сложные и трудные обязанности в источник детской радости, в источник их счастья. Вот в чем подлинный гуманизм советской системы воспитания. И это тоже открытие А. С. Макаренко.

Еще в 1915 году Антон Семенович пишет рассказ и посылает его А. М. Горькому. Алексей Максимович ответил коротким письмом: «Рассказ интересен по теме, но написан слабо... Попробуйте написать что-нибудь другое». А в 1928 году он встретился с А. М. Горьким, и тот в конце беседы сказал: «Вы должны писать обо всем этом. Нельзя молчать. Нельзя скрывать то, к чему вы пришли в вашей трудной работе. Пишите книгу».

Можно сказать, что и в литературе Антон Семенович шел проторенными путями. Жанр, в котором он писал, условно можно назвать научно-художественной прозой. В этом плане особенно показательна «Книга для родителей»: в ней представлена галерея портретов типичных семей и дан анализ условий воспитания детей. Особенность метода А. С. Макаренко состоит в единстве художественного и научно-педагогического подхода к фактам описания. Педагогические «отвлечения» автора не воспринимаются как инородный текст: они уместны, естественны, скажем больше, необходимы в повествовании. И этому, конечно, способствует умение

Макаренко о самых сложных явлениях воспитания говорить доступным языком, одинаково понятным и специалистам-педагогам, и широкому кругу читателей.

В «Книге для родителей» мы встречаем такое определение воспитания (заметим сразу: одно из самых современных и актуальных): «Воспитание есть процесс социальный в самом широком смысле... Со всем сложнейшим миром окружающей действительности ребенок входит в бесконечное число отношений, каждое из которых неизменно развивается, переплетается с другими отношениями, усложняется физическим и нравственным ростом самого ребенка... Направить это развитие и руководить им — задача воспитателя». Книги А. С. Макаренко и сегодня являются образцом пропаганды педагогической культуры.

По-разному были встречены художественные произведения А. С. Макаренко современниками. Большинство читателей увидело в них жизненную правду, свои чувства и мысли. Но нашлись и литературные критики, упрямо, подобно чеховскому незадачливому герою, твердившие: этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Отвечая им, автор четко обозначил свое литературное (да и не только литературное) кредо: *«Моя тема. Образцовый воспитательный советский коллектив, давно сложившийся, растущий материально и духовно на основе больших концентрированных коллективных сил, обладающий традицией и современной формой, вооруженный тончайшей педагогической техникой...»*

Да! И это была не только тема, но и главный герой произведений А. С. Макаренко. Можно сказать, что это была тема всей его жизни!

Вершиной художественного творчества А. С. Макаренко стала «Педагогическая поэма», в которой описан процесс становления колонии имени Горького. Манифестом советской педагогики называют эту книгу, сыгравшую и до сих пор играющую исключительную роль в пропаганде прогрессивных идей воспитания в социалистическом обществе. «Педагогическая поэма» стала настольной книгой для молодых учителей. В советской литературе нет такой другой высокохудожественной истории детского коллектива.

«Мы научились быть счастливыми в работе, в творчестве, в победе, в борьбе,— писал А. С. Макаренко в статье «Счастье», приуроченной к 20-летию Великого Октября.— Мы познакомились с радостью человеческого единения без поправок и исключений, вызванных соседством богача. Мы научились быть счастливыми в знании...» Он и сам считал себя счастливым человеком. И по праву!

Штрихи к портрету писателя

Переигрывающая Лермонтова

О. П. Попов

Географию знал и любил

ообщая М. А. Шан-Гирей о своих успехах в пансионе, тринадцатилетний Лермонтов подробнее остановился на географии: «В географии я учу математическую по небесному глобусу, градусы, планеты, ход их и проч.» Это не случайно. Лермонтов любил природу, а географию в пансионе преподавал широко образованный, следивший за новейшими достижениями науки И. Н. Данилевский. В 1829 году в «Вестнике Европы» (№ 15–16) была напечатана его обширная статья о выдающихся путешественниках Асцелине, Карпини, Рубруквисе и Марко Поло (Бродский Н. Л. М. Ю. Лермонтов. Биография. М., 1945. Т. 1. С. 101). И, конечно, он рассказывал своим ученикам о крупнейшем путешественнике конца XVIII – начала XIX века шотландце Мунго Парке (вспомним попутно, что Шотландией Лермонтов особенно интересовался как родиной своих предков). Тогда много писали о путешествиях Мунго Парка по Северной Африке и о его таинственной гибели.

Интерес Лермонтова к географии сохранился и позже. В повести «Бэла» упоминается книга Гамба о путешествии по Кавказу. Описания природы у Лермонтова, его путевые зарисовки и картины всегда художественны, выразительны и точны. Недаром академик А. Е. Ферсман восхищался его пейзажными описаниями. Но есть и другие свидетельства того, что поэт не забыл уроков своего преподавателя.

Монго, или Мунго

Это прозвище Лермонтов дал своему родственнику А. А. Столыпину (1816–1858), и оно пристало к нему на всю жизнь. Даже и теперь, говоря о Столыпине, почти всегда добавляют: Монго. Про-

исхождение прозвища объясняется не вполне убедительно. Мемуарист А. М. Меринский утверждал, что Монго — имя героя французского романа, откуда оно и взято Лермонтовым (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972. С. 126). Биограф поэта Висковатый писал, что Лермонтов случайно увидел французский роман «Путешествие Монгопарка» — и взял первые два слога имени героя (Висковатый П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891. С. 201). Это объяснение принято и автором статьи о Столыпине в «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981). А ведь оно ничего не объясняет. Здесь не видно ни меткости, ни остроумия, и непонятно, почему случайно попавшееся слово сделалось вторым именем Столыпина. Да и не было романа с таким названием, как не было и «Монгопарка». Было историческое лицо — Монго Парк (сейчас принято писать — Мунго; кстати, так же писал в воспоминаниях и А. П. Шан-Гирей), человек необычной, богатой приключениями судьбы (БСЭ. Т. 32. 2-е изд. С. 115). Если действительно Лермонтову попала на глаза книга о Парке, то он знал, о ком и о чем в ней идет речь. Рискованные похождения молодого Столыпина, об одном из которых поэт рассказал в поэме «Монго», и дали ему повод назвать друга этим именем (вспомним: «Опасен подвиг дерзновенный, // И не сносить им головы!»).

Правда, М. Н. Лонгинов сообщал, что прежде Столыпина это прозвище получила его собака (Висковатый П. А. Указ. соч. С. 201). Если это верно, то основания были те же, ибо, как видно из рассказа Лонгинова, собака тоже отличалась рискованным поведением.

Страшный Аспелинд

В письме к А. А. Лопухину от 17-го июня 1840 года Лермонтов писал: «Завтра я еду в действующий отряд, на левый фланг, в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке (...) Пожалуйста, спусти его с Аспелинда; они там в Чечне не знают индейских петухов, так, авось, это его испугает» (Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1981. Т. 4).

В комментариях это место никак не объясняется. Тон письма шуточный. Нетрудно понять, что и Лермонтову, и Лопухину был известен индеек («индейский петух») по кличке Аспелинд, которым Лермонтов хочет поугадать «пророка». Воинственность индейцев известна. Многие любят их дразнить, и, очевидно, молодежь у Лопухиных тоже забавлялась этим. Но почему он — Аспелинд? Один из тех путешественников, о которых писал И. Н. Давилевский, — Аспелин. А ведь петух-то неместный, заморский! Видно,

и это прозвище было дано Лермонтовым. Почему *Асцелин* превратился в *Аспелинда* и с чего следовало его *спустить*, неясно. Возможно, что допущена ошибка при прочтении письма; проверить это нельзя, поскольку автограф не сохранился. Но имя могло быть переделано и для удобства произношения, как часто бывает с прозвищами.

О львах и барсах

Иногда можно встретить утверждения, будто Лермонтов, изображая природу, порою допускал грубые ошибки. Так, не раз специалисты отмечали, что в описании Терека в поэме «Демон» река у него сравнивается с львицей, имеющей гриву, тогда как грива бывает только у львов. Но ведь Лермонтов говорит о гриве Терека, косматой, с ключьями пены — такой, какую он сам наблюдал. Поэту приписывается бессмысленность: «Терек прыгает, как львица, имеющая на хребте косматую гриву». Причем тут львиная грива, какое отношение она имеет к прыжкам? Сама природа сравнения такова, что обычно сравнивается менее знакомый предмет (здесь — Терек) с известным, приметы которого указывать нет необходимости. Но достаточно поставить запятую после этой «львицы», и все станет на свои места:

И Терек, прыгая, как львица,
С косматой гривой на хребте,
Ревел (...)

Похожее описание находим в стихотворении Е. А. Баратынского «Весна, весна! как воздух чист!...»:

Взревев, река несет
На торжествующем хребте
Поднятый ею лед!

Здесь совершенно ясно, что речь идет о хребте реки. Непонятно, почему сохраняется ошибочное (!) написание в изданиях лермонтовской поэмы. А вот Б. Пастернак, отличный знаток Лермонтова, цитируя в «Детстве Люверс» эти строки из «Демона», запятую после «львицы» поставил (Пастернак Б. Л. Избр.: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 44).

А вот еще один пример обивления Лермонтова в незнании того, о чем он пишет. В книге «Лингвистические парадоксы» (М., 1982) можно прочитать: «Показав, что в поэме „Мцыри“ М. Ю. Лермонтова бой с барсом не выдерживает никакой критики с точки зрения зоографа, И. Сельвинский добавлял: „Но любопытно еще и другое: основная ошибка Лермонтова — переселения барса из Туркестана в Грузию, где барс никогда не водился“».

Сельвинский много путешествовал, охотился, и можно бы поверить первому его утверждению, хотя и в поведении лермонтовского барса нет чего-то неправдоподобного. Но второе его утверждение попросту неверно. Барсы на Кавказе водятся до сих пор, хотя осталось их там совсем немного. Вот что пишет зоолог И. Акимущкин: «В старые времена у нас барсом называли леопарда. И сейчас его так зовут на Кавказе» (Акимущкин И. И. Мир животных. Вып. 1. М., 1971. С. 210). Он же сообщает, что барсы любят поиграть и порезвиться, так что барс, играющий костью, не выдумка поэта. В книге А. Салганского «Птицы и звери наших лесов» (М., 1964. С. 356–357) читаем: «*Леопард, или пантера, или барс* (то есть название «барс» и для зоолога остается равноправным.— О. П.) (...) в небольшом количестве встречается на Кавказе (...) На человека обычно не нападает, но иногда бывает опаснее тигра». Словом, сам Сельвинский спутал обыкновенного барса (леопарда) с прибсом, которого просто барсом никогда не называют, а всегда уточняют: «снежный барс». Он действительно водится в горах Средней Азии и, между прочим, на человека не нападает.

Это, пожалуй, мелочи. Но когда снова и снова повторяют, что Лермонтов здесь напутал, а там присочинил, то это уже неприятные мелочи. Утаивать действительные ошибки писателя нет смысла, но приписывать ему чужие недопустимо. Тем более, что точность в описаниях — одна из характерных черт Лермонтова. У него был верный глаз художника, прекрасная память и умение вглядываться в природу, понимать и чувствовать ее. Еще Карл Маркс, владевший русским языком и знавший толк в русской литературе, писал, что «вряд ли кто из писателей превзошел Лермонтова в описании природы» (К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. Т. 2. М., 1983, с. 545).

п. Семибратово,
Ярославской области

Рисунок В. Мирошник

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Объясните, пожалуйста, значение слова *жуел*. Где поставить в нем ударение?»

Л. Иванова, Донецк

Жуел — первоначально «горячая сера или смола, уготованная в аду грешникам». Отсюда происходит и то значение, в котором слово употребляется: жуел — нечто, внушающее страх, отвращение; пугало.

„Делом давай-ка с бедой управляться...”

О языке поэзии А. Т. Твардовского

Н. Н. Иванова,
кандидат филологических наук

Секрет глубокого воздействия поэзии Александра Трифоновича Твардовского на читателя во многом раскрывает его высказывание о языке произведений А. А. Ахматовой. Он писал, что «язык ее (Ахматовой — Н. И.)... живой, часто будничныи и обиходно-бытовой, как бы даже нарочито прозаический язык» (Собр. соч.: В 5 т. М., 1971. Т. 5. С. 369). Это наблюдение поэта не случайно, оно, как нам представляется, в достаточной степени характеризует его собственную стихотворную речь. Для того, чтобы в этом убедиться, обратимся к двум стихотворениям Твардовского, язык которых, отличаясь неподдельным своеобразием, позволяет судить о специфике поэтического почерка автора, его индивидуальном стиле.

Обращение к этим двум стихотворениям объясняется тем, что, во-первых, перед нами поздние стихи поэта, стихи того периода творчества, когда мастерство Твардовского достигает своей вершины; во-вторых, оба произведения связаны между собой общностью жанра (лирическая миниатюра) и тематической близостью.

Первое стихотворение — «Некогда мне над собой измываться...» посвящено творческой деятельности поэта.

Некогда мне над собой измываться,
Праздно терзаться и даром страдать.
Делом давай-ка с бедой управляться,
Ждут сиротливо перо и тетрадь.

Некогда. Времени нет для мороки —
В самый обрeз для работы оно.
Жесткие сроки — отличные сроки,
Если иных нам уже не дано.

В первой строфе нагнетение близких по смыслу инфинитивов (*измываться* (над собой), *терзаться* и *страдать*) в соединении со словом *беда* открывает нам личную трагедию поэта. Однако этот мотив не становится преобладающим. Явственнее выступает другое

первостепенная необходимость, несмотря ни на какие жизненные невзгоды, трудиться: *Делом давай-ка с бедой управляться*. Работа, поэтический труд предстают как средство спасения от «беды» (*Ждут сиротливо перо и тетрадь*). Перо и тетрадь — символизируют здесь поэтическое творчество, деятельность поэта.

Анафорический повтор наречия *некогда* связывает две строфы и одновременно привлекает внимание к теме времени (*Некогда мне ...Некогда. Времени нет для...*), которая затем подхватывается текстом и получает развитие (*В самый обрез... оно... сроки... сроки... иных не дано*). Беда диктует свои сроки для работы — *жесткие сроки*.

Тема времени, как известно, неразрывно связана в поэтической традиции с темой жизни. Такую же взаимосвязь мы наблюдаем и у Твардовского. В его стихотворении своеобразно решаются несколько ключевых, изначально высоких в лирической поэзии тем — тема жизни — времени, тема беды — страдания и тема поэтического творчества — работы. Система поэтических образов стихотворения предстает обобщенно в следующем виде: поэтическое творчество — это работа, «дело», с помощью которого можно «с бедой управляться»; несчастье — это «морока», то, что в первую очередь требует траты времени, отвлекает от «дела»; время оставшейся жизни — «жесткие сроки». Из этих уподоблений и складывается образ автора, поэта-лирика, его общественная значимость, высокая личностная ценность при неизменной скромности и простоте.

Своеобразие стиля стихотворения заключается в том, что высокая лирическая тема и весь сюжет последовательно развиваются в разговорном ключе. Достигается это широким привлечением стилистически сниженных слов (*измываться, давай-ка, управляться, морока, в самый обрез*) в сочетании с характерной для разговорной речи синтаксической организацией текста. Твардовский явно отдает предпочтение бессоюзной связи предложений с причинно-следственным отношением частей: *Делом давай-ка с бедой управляться, Ждут сиротливо перо и тетрадь* и *Времени нет для мороки, — В самый обрез для работы оно*. Поэт также обращается к неполному предложению в начале второй строфы — *Некогда*, глубокой паузой расчленяющему стих на две части, что служит усилению его повествовательной интонации. Этому способствует и дактилический стих, его ритмическая протяжность.

Таким образом, перед нами разговорные речевые формы, стилистически сниженные бытовые слова, интонации прозаической речи, а за всем этим стоит глубинный смысл: победа дела, работы над личным горем или, иначе, выход из беды для поэта — в творчестве, которое и есть «дело» поэта.

В стихотворении «Не хожен путь...» также весьма существенна роль разговорных речевых форм.

Не хожен путь
И не прост подъем,
Но будь ты большим иль малым,
А только — вперед,
За бегущим днем,
Как за огненным валом,

За ним, за ним, —
Не тебе одному
Бедой грозит передышка, —
За валом огня.
И плотней к нему.
Сробел и отстал —
Крышка!

Такая служба твоя, поэт,
И весь ты в ней без остатка.
— А страшно все же?
— Еще бы — нет!
И страшно порой.
Да — сладко!

Развитие лирического повествования обнаруживает здесь постепенное нарастание экспрессии бытовой устной речи: от более поэтичной по тону первой строфы ко второй строфе с ее вставной конструкцией *За валом огня* и разговорной концовкой (присоединение с союзом *и*, а также бессоюзие при выражении причинно-следственной связи) и, наконец, к заключительной строфе, которая даже своим графическим обликом передает устный диалог, живой обмен репликами.

Лексика первой строфы (*путь, подъем, вперед, бегущий день*) отражает стремительное движение к цели, через преодоление трудностей (*Не хожен путь И не прост подъем*). Необходимость этого поэт утверждает в форме почти лозунгового призыва: *только — вперед, За бегущим днем*. Эмоциональность призыва усилена здесь выражением повелительного значения без участия глагольных форм. Во второй строфе она поддерживается с помощью повтора предлога *за* (*За ним, за ним и За валом огня*) и прямым предостережением от остановки в пути: *Бедой грозит передышка (...)* *Сробел и отстал — Крышка!*

В уподоблении движения по жизни движению за огненным валом видна позиция автора. Ассоциации, вызванные этим фронтовым образом, отсылают мысль читателя к военному быту, к будням пехоты: кто принимал участие в боях, тот хорошо знает смертельную необходимость плотно прижиматься к артиллерийскому

огневому валу во время наступления — *Сробел и отстал — Крышка!*

Последняя строфа с заключительным сравнением *Такая служба твоя, поэт* выдвигает основную тему стихотворения — размышление Твардовского о поэтическом творчестве, о деятельности поэта. Так осуществляется смысловая связь третьей строфы с центральным «военным» образом. Поэтическое творчество при этом приравнено не просто к военной службе, а гораздо конкретней — к участию в бою. В итоговой третьей строфе фокусируются и тема необходимости идти в жизнь с веком наравне, то есть в ногу со своим временем (1-я строфа), и тема опасностей и бед, возможных на этом пути (2-я строфа), и, наконец, тема неразрывной связи поэта с современностью, связи-необходимости, составляющей основу «службы» поэта.

Впечатление простоты, доверительность интонации достигается в этом стихотворении подбором лексико-синтаксических средств. Бытовая лексика (*передышка, сробеть* и др.), разговорные частицы *все же, еще бы*, союза *да* и рядом эмоциональное и смысловое выделение части предложения в самостоятельное высказывание (*И плоней к нему*), наличие бессоюзной связи в предложении с разговорной лексикой (*Сробел и отстал — Крышка!*). Все это сближает общее звучание стихотворения с бытовой разговорной речью.

Характер задушевной беседы с поэтом — или, в собирательном смысле, с поэтами вообще — придаст стихотворению использование диалогической речи. Диалог же в лирике является, как известно, ярким сигналом разговорности стиля: он привносит с собой в поэтический текст характерные особенности устной речи — эмоциональность и краткость реплик, простоту синтаксического строя и др.

Однако при всей простоте лексико-синтаксических средств этому произведению Твардовского присуща высокая гражданская приподнятость, которую определяет значимость рассматриваемой в нем темы, глубина личного отношения к изображаемому.

Знакомство с особенностями стиля произведений Твардовского убеждает в том, что в своем высказывании о поэтическом языке Ахматовой он выделил именно те черты, которые во многом свойственны его собственной языковой манере.

Оба стихотворения, как видим, роднит не только тема. Между ними много общего. Это общее и составляет особенность живого слова поэта. Сближает произведения Твардовского принципиальная установка на разговорный язык, на живое произносимое слово, что не исключает привлечения и традиционных средств. Однако поэтическая традиция в использовании речевых форм, как правило, уступает разговорности. На гармоничном соотношении разговорных и традиционных языковых средств строится неповто-

римось поэтического почерка Твардовского. Значительность сказанного, его внутренняя возвышенность сочетаются при этом с неизменной простотой изложения, задушевностью и искренностью тона.

Коротко о книгах

Интерес читателей к истории книжного дела определяется возрастающей ролью книги в жизни общества. Между тем до последнего времени у нас не было работы по всеобщей истории книжного дела, в которой достаточно подробно и в то же время доступно для широкого круга читателей излагались бы результаты научных изысканий в этой области. Этот пробел заполняет книга Е. Л. Немировского «Мир книги. С древнейших времен до начала XX века» (М.: Книга, 1986).

На основании собственных изысканий автор ведет рассказ о развитии книгопечатания в славянских странах, раскрывает значение деятельности первопечатников Франциска Скорины и Ивана Федорова. Первые книжные иллюстрации, первые книги с титульными листами, первые газеты и журналы, первые шаги новых книгопечатных технологий — обо всем этом рассказано в книге.

Автор нашел точные и емкие слова для рассказа об издательской деятельности В. И. Ленина как редактора и руководителя газеты «Искра».

Читатель узнает, как росло и совершенствовалось книжное дело, какую роль играла книга в политической и идеологической борьбе. Автор рассказывает о русских демократических издательствах, о полиграфической деятельности революционеров-демократов и революционных народников.

Библиографический обзор, сделанный в конце книги Е. Л. Немировского, будет весьма полезен тем читателям, которые пожелают продолжить ознакомление с историей книги и книжного дела.

*Я. Д. Исаевич,
доктор исторических наук
Львов*

Слово, обращенное в сегодня

Образ и речь автора в рассказе В. Г. Распутина «Что передать вороне?»

Н. В. Баландина,
кандидат филологических наук

Проблематика этого рассказа, впервые опубликованного в 1981 году, органично вписывается в общую концепцию Валентина Распутина, которую, на наш взгляд, можно обобщить так: прозрение человека как необходимая ступень познания самого себя. Писателя интересует процесс созидания человеком собственной души или разрушения ее. Таковы герои его последних рассказов, таков Иван Петрович Егоров в повести «Пожар». Человек, понимающий себя, живущий в согласии с самим собой, надежен и с точки зрения социальной, гражданской.

Герой рассказа предстает перед нами в начале нового для него пути: он осознал на собственном горьком опыте, что жил, не видя и не слыша тех, кто рядом, подчиняясь установившимся стереотипам. Трудно сказать, как сложится его жизнь в дальнейшем, сумеет ли он, обрета «теперь» духовную зоркость, находить в своей душе точки опоры, чтобы продолжать путь нравственного восхождения.

Для этого произведения выбрана форма повествования от первого лица, к которой Распутин обращался в разные годы: «Я забыл спросить у Лёшки...» (1967), «Мы с Димкой» (1968), «Уроки французского» (1973), «Наташа» (1982), «Не могу-у...» (1982). Ее выбор, как кажется, продиктован особенностями писательского дарования («я» как необходимая ступенька к «он»), а также присущим ей художественным эффектом. Кроме того, такая форма повествования, как известно, подчеркивает достоверность происходящего. В рассказах Распутина функциональное значение этой формы осложняется взаимоотношениями, возникающими между «образом автора» и «образом повествователя» (рассказчика), в которого перевоплощается автор.

Писатель использует общий художественный принцип развертывания действий — наличие временной дистанции между моментом рассказа и моментом события. Такая дистанция порождает разные «лики» повествователя, его точки зрения, и события, как мы это наблюдаем в рассказе «Что передать вороне?», описывают-

ся с трех точек зрения (автор и два «лика» рассказчика), а это создает многомерность повествования.

Фабула рассказа «Что передать вороне?» несложна: герой приезжает с Байкала в город по неотложным делам и повидаться с дочерью. Девочка просит отца не уезжать вечером, но он, вопреки ее просьбе, отправляется назад, а через день узнает, что дочь слегла с высокой температурой.

Повествователь, вспоминая случившееся, «предошущает» свою вину, и внешние события — лишь толчок к началу ее осознания. Автор же говорит нам со всей определенностью: «Все зависит от человека, от того, каков он. Все произошло именно так, а не иначе, потому что рассказчик не умел и не хотел услышать другого человека». Об этом рассказ. Приблизиться к пониманию замысла писателя помогает лингвистический анализ, выявляющий образ автора и его речевые воплощения.

Для речевой структуры этого произведения характерна непосредственность впечатлений, идущая от рассказчика; идейно-эстетическое начало, передаваемое автором, завуалировано. Образ рассказчика имеет два «лика» — «лик момента события» и «лик момента рассказа», которые заявлены писателем следующим образом: «И долго пил, окончательно возвращаясь в себя — каким я был вчера и стану завтра».

«Лик момента рассказа», передающий новое состояние души героя — начало духовного прозрения, — стилистически выявляется в описательно-повествовательных контекстах и в отступлениях, включающих в себя комментарии по поводу случившегося. Такая форма организации текста наилучшим образом передает стремление героя попить и осознать с ним происшедшее и делает его рассказ естественным.

В описательно-повествовательных контекстах «лик момента рассказа» обнаруживается благодаря целенаправленному подбору языковых средств, с помощью которых проявляется новое зрение героя «теперь». «Лик момента события» — сигнал душевной глухоты героя «тогда» — стилистически не выражен, о нем можно судить по сопоставлению с соотносительным «ликом момента рассказа».

Рассмотрим, какими речевыми приемами аргументируется «вынужденность решения», то есть попытка героя «теперь» оправдаться за «тогда». Пржежде всего с помощью средств языка, имеющих модальное значение, которое подчеркивает эту «вынужденность» («дал себе слово, что вечером обязательно вернусь», «потребовалось ехать в город» — безличный глагол *потребовалось* затушевывает субъекта действия; «не дай бог, не передумать и не

задержаться» — оборот со значением предостережения). Однако в цитируемом ниже фрагменте «проглядывают» и личные мотивы поступка героя: они в слове *наконец*, в экспрессивном повторе глагола *боялся*, в усилительной частице *даже*, в словосочетании *посторонняя жизнь*:

«Уезжая ранним утром, я дал себе слово, что вечером обязательно вернусь. Работа у меня наконец пошла, и я боялся сбой, боялся, что даже за два-три дня посторонней жизни растеряю все, что с таким трудом собирал, пастранивая себя на работу (...) кое-что получалось, я чувствовал это и потому без обычной в таких случаях охоты отрывался на сей раз от стола, когда потребовалось ехать в город.

(...) Чтобы, не дай бог, не передумать и не задержаться, я сразу проехал в городе на автовокзал и взял на последний автобус билет».

С точки зрения рассказчика «момента события», все, что не имеет прямого отношения к его писательству, — «постороннее». События рассказа подтверждают его заблуждение: отказавшись от «посторонней жизни» — возможности провести вечер с дочерью — в угоду стереотипно понимаемому «чувству долга», герой лишает себя способности писать, находясь в состоянии внутреннего разлада с самим собой.

Важную роль в рассказе выполняют вводные слова и предложения, обнаруживающие новое состояние души героя в его попытках корректировать с теперешних позиций, то есть спустя время, категоричность прежних собственных суждений: «С нынешней весны, когда ей исполнилось пять, она как-то сразу сильно изменилась — *по нашему понятию*, не к лучшему, потому что в ней проявилось незаметное так до той поры упрямство. (...) Мы с женой спорили, сваливая друг на друга, от кого из нас могло передаваться девочке столь дикое, *как нам представлялось*, упрямство» (здесь и далее курсив наш. — Н. Б.).

Стилистически окрашенная лексика сигнализирует обостренность восприятия повествователя, на что обращает внимание писатель, используя в речи героя для передачи его чувств и ощущений форму настоящего времени для обозначения прошедшего: «Сочтя себя, видимо, достаточно взрослой и самостоятельной, дочь не хотела, чтобы ее, как всех детей, водили за руку. С ней случилось вести борьбу даже посреди бушующего от машин перекрестка. Дочь боялась машин, но, отдергивая плечико, за которое мы в отчаянии хватали ее, все-таки норовила идти своим собственным ходом. (...)»

И вот теперь вдруг такие терпение, послушание, нежность...
Дочь расщебеталась, разговорилась (...)»

В приведенном отрывке текст, предшествующий фразе, выделенной нами курсивом, и следующий после нее, включает глаголы в форме прошедшего времени, указывающие, что действие происходило до момента рассказа о нем. Переносное употребление настоящего времени означает, что прошедшее событие (*терпение, послушание, нежность* девочкой были проявлены тогда!) оценивается и переживается в настоящем (теперь!) — оно вызывает удивление рассказчика, он начинает переосмысливать случившееся.

«Теперь» герой увидит по-новому состояние девочки, его передает разговорная лексика (*обмерла, вцепилась*). В восприятии рассказчика и проснувшаяся нежность к дочери (оценочное слово *ручонка*), и осознанное теперь самодовольство, которое тогда заслонило от него состояние ребенка (акцентирование притяжательного прилагательного *моя*), и теперь возникшее чувство раскаяния («но я-то видел»): «Дочь мне очень обрадовалась. Она спускалась по лестнице и, увидев меня, вся встрепелась, обмерла, вцепившись ручонкой в поручень, но то была моя дочь: она не рванулась ко мне, не заторопилась, а, быстро овладев собой, с нарочитой сдержанностью и неторопливостью подошла и нехотя дала себя обнять. В ней выказывался характер, но я-то видел сквозь этот врожденный, но не затвердевший еще характер, каких усилий стоит ей сдерживаться и не кинуться мне на шею».

Высокая поэтическая лексика у Распутина (*дарованная благодать, тревожная и умиротворяющая власть воды, осиянность вечающего дня*) акцентирует внимание читателя на гармонии вечающего сентябрьского дня: «Погода для конца сентября стояла совсем летняя, теплая, и стояла она такой без всякого видимого изменения уже давно, всходя с каждым новым днем с постоянством неурочной, словно бы дарованной благодати. В ту пору и в улицах было хорошо, а здесь, на набережной возле реки, тем более; тревожная и умиротворяющая власть вечного движения воды, неспешный и неслышный шаг трезвого, приветливого народа, тихие голоса, низкая при боковом солнце, но полная и теплая, так располагающая к согласию, осиянность вечающего дня».

Так воспринять природу мог человек, в душе которого не было разлада; его состояние ощущает и дочь, вот почему между ними возникает «редкое согласие»! Герой же в момент события («тогда») не придал этому значения и пренебрег просьбой дочери. «Тут бы мне и дрогнуть: это была не просто просьба, каких у детей на каждом шагу, — нет, это была мольба (...)» — понимает он теперь.

Контрастно использованы в рассказе разговорно-просторечные слова: *расхристанный*, *покорябанный* — так повествователь скажет об автобусе; «маленький, вертлявый, плутоватый мужичонка», который «смахивал на воробья» — о шофере; о команде катера, перевозившего рассказчика, — «распьянешенька». Употребление перенесенной лексики для негативной оценки обозначаемого, целенаправленный отбор реалий (неблагозвучие — «скрежет», «лязг»; «низкая» реалия — «наваленная на заднее сиденье в мешках картошка»; под ногами у шофера «лязгает» и «дрызгает» «адскими очередями»; на причале матросы кричат из темноты с катера, а герой скажет: «кричат из преисподней») акцентируют внимание героя на дисгармонии происходящего как внешнем проявлении внутреннего его состояния.

Мастерски использованные писателем метафоры-олицетворения свидетельствуют о новом зрении героя, который почувствовал свое родство с природой, и потому он видит, что «день (...) и не собирался нагреваться, занятый какой-то другой, более важной переменной»; потому герой жалеет «длинную полянку», которая «лежала как-то уж очень грустно и одиноко».

Сложность восприятия этого рассказа и авторской позиции объясняется тем, что автор здесь не обозначен, впрямую не выражен, его точка зрения отражена преимущественно в контекстах, которые формально принадлежат повествователю. А его речевой портрет прослеживается во фрагменте, где писатель дает символическое осмысление явления природы, субъективных ощущений, которые испытывает рассказчик. Описание физического состояния сна и пробуждения, идущее от рассказчика, символизирует процесс духовного пробуждения, без которого, по мнению автора, человек несостоятелен:

«(...) во сне меня *терзало* солнце, я *спал и не спал* под его натиском, мучаясь тем, что *хочу и не могу проснуться*. Беспомощность эта хорошо всем знакома: вот-вот, кажется, *продерешься* сквозь *тягостную плоть* к спасительному выходу, где можно очнуться, — нет, в последний момент какая-то сила сбрасывает тебя обратно. (...) кажется, для того, чтобы проснуться, может уйти вся жизнь. Изловчившись, я все же открыл глаза... Я открыл глаза и сразу, будто увидел перед собой, почувствовал свое нездоровье».

Символический смысл контекста возможен потому, что слово, употребленное в нем, одновременно обозначает реальные явления действительности (это точка зрения повествователя) и служит условным обозначением другого явления (точка зрения автора): *сон* как физическое состояние героя и как символ неосмысленной жизни; *солнце* как физический источник света и как символ света,

который освещает жизнь новым смыслом; *беспомощность* как физическое состояние спящего и как символ духовной несостоятельности; *открыл глаза* — это и физическое состояние пробуждения и символ духовного прозрения.

Во фразе «для того, чтобы проснуться, может уйти вся жизнь», используется иной принцип: *может уйти вся жизнь* воспринимается как фраза разговорная, ее значение — «потребуется много времени», в таком случае глагол *проснуться* имеет прямое значение; так эту фразу понимает рассказчик. Для автора же актуализируется ее буквальный смысл: человек действительно всю жизнь может посвятить духовному совершенствованию — в этом употреблении глагол *проснуться* получает значение «прозреть». Многозначный глагол *терзать* одним значением (мучить — физическое ощущение) повернут к повествователю, другим (причинять нравственные страдания) — к автору.

В рассматриваемом фрагменте используются средства языка, имеющие обобщающий смысл (*всем, всякий раз, в таких случаях; тебе надо преодолеть, надо угадать, можно очнуться*) — так писатель подтверждает значимость данного текста для всего рассказа.

Воспринятое рассказчиком редкое природное явление на Байкале: «Медленно и беззвучно продолжало кружиться небо, сходясь все ближе и ближе и набираясь сухо-дымчатой безоблачной плоти. За горой, за редкими на вершине деревьями его уже не было, там зияла серая и неприятная пустота, все небо стянулось и стало над Байкалом, точь-в-точь повторяя и цвет его, и форму. Но теперь и вода в Байкале, подчиняясь небу, начала движение медленными и правильными (...) кругами (...) И не дано было понять мне, чья была сила, чья власть — неба над водой или воды над небом (...) Где, в какой стороне высота и в какой глубина? (...) небо и вода, небо и земля, находящиеся в вечном продолжении и подчинении друг к другу» — для автора служит символом нерасторжимого единства. Родство личности и стихии — в этом слиянии неба и воды, неба и земли. Духовно прозревший человек острее ощущает собственную раздвоенность, и автор с помощью рассмотренного приема говорит читателю о необходимости внутренней гармонии для человека.

Речевое воплощение образа автора в этом рассказе Распутина происходит также с помощью метафорического словоупотребления. Автору принадлежит метафора *уроки природы*. Словосочетание это в тексте не названо, в речи рассказчика, вспоминающего события, появится слово *урок* без отнесенности к субъекту действия: «Припоминая потом обратную дорогу от начала и до конца, и особенно переправу, я думал о ней не как о чем-то ужасном или неприят-

ном, а как о неизбежном, происшедшем во всей этой последовательности и во всех обстоятельствах только из-за меня, чтобы преподать мне какой-то урок. Какой? — я не знал и не скоро, быть может, узнаю; да тут и не ответ важен, а ощущение своей вины. Это были не случайные случайности».

По мысли автора, субъектом этим оказывается природа. Человек — творение природы, ее дитя, и природа-мать «учит» человека, часто живущего в состоянии раздвоенности, цельности. Логическим завершением метафорического словосочетания *уроки природы* является метафора *наставительный хоровод*, голоса которого чуются рассказчику.

Из контекста рассказа вычитывается еще одна неназванная метафора — *уроки ребенка*. Девочка еще не утратила связи с природой: для нее все родное — ворона, гора, ключик, деревья. Герой же не ощущает этого. Как отстраненно рассказывает он: «У нас на Байкале была своя ворона. У нас там был свой домик, своя гора (...) из скалы бил свой ключик (...) Во дворе у нас стояли свои лиственницы, тополя и березы и свой большой черемуховый куст».

И последнее: в названии рассказа вопрос автора, обращенный к читателю: «Что нужно сделать, чтобы люди понимали друг друга?» Смысл этого заложен в контексте произведения. Для повествователя «ворона» ассоциируется с вещью птицей, она из мира чудес, в которые и верит и не верит герой. Поэтому его размышления о вороне получают ироническую окраску — это способ не выдавать свое тайное. Авторское понимание названия рассказа рождается в диалоге. Прощаясь с дочерью, повествователь спросит:

— (...) Что передать вороне? — и услышит в ответ:

— Ничего. До свидания.

Психологическая мотивировка реплики рассказчика — желание наладить отношения, ответ девочки — нежелание забыть разговору. Так для автора фраза «Что передать вороне?» наполняется смыслом, отличным от прямого значения этого вопроса.

Рассказ «Что передать вороне?» принципиально важен для творчества писателя: в нем сконцентрированы идеи, получившие развитие в последующих его произведениях. Центральную же авторскую мысль рассмотренного нами рассказа можно, пожалуй, сформулировать так: все в человеке, все зависит от него самого. А как должен жить человек — об этом и написал Распутин.

Иркутск

Слово в драматургии

„Люди так и говорят“

Л. В. Поликовская

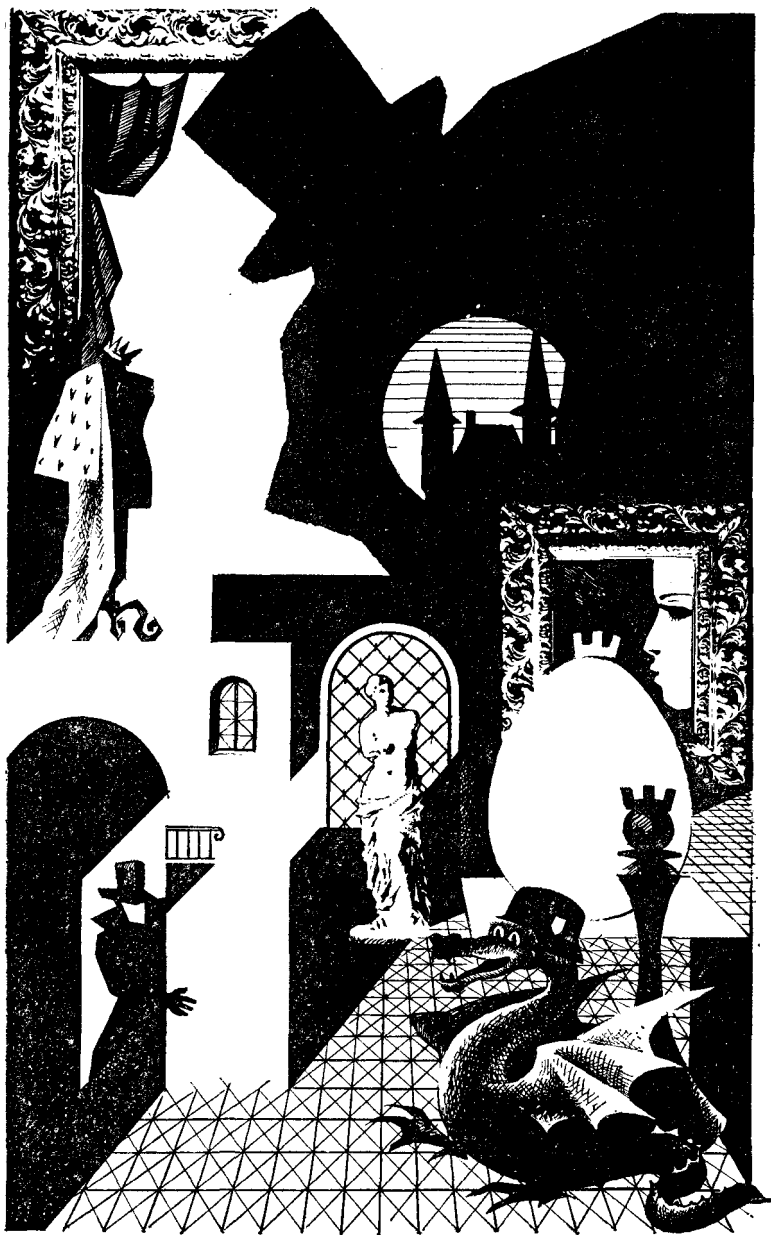
Евгений Шварц не любил рассуждений о том, «как делается искусство», не верил ни в какие литературные теории. Он был лично знаком со многими из опоязовцев, лефовцев, «серапионов», но, как только его друзья начинали «пускать в ход весь тогдашний арсенал наукоподобных терминов», он по его собственному признанию, «чувствовал себя беспомощным». «Разговоры о совокупности стилистических приемов как о единственном признаке литературного произведения наводили на меня уныние и ужас и окончательно лишали веры в себя. Я никак не мог допустить, что можно сесть за стол, выбрать себе стилистический прием, а завтра заменить его другим... Но что я мог противопоставить этому? Ну, что ли? Непосредственность? Душевную теплоту?» (Редактор и книга: Сб., вып. 4. М., 1963, с. 252).

В начале 20-х годов молодой «подступающий к литературе на цыпочках» Евгений Шварц еще несколько стыдится своей «неучености», хотя и к «ученым» теоретикам относится с почтительной иронией.

Шварц зрелый прекрасно отдает себе отчет в том, что без «непосредственности», «душевной теплоты» и правды, чистой правды, полной правды — создать подлинно художественное произведение невозможно... Поэтому он и стал писать сказки — «Правдоподобием не связан, а правды больше» (Из дневника 40-х годов. — В кн.: Встречи с прошлым: Сб., вып. 1. 1970, с. 231).

Он создал сказку, которой практически не знала вся предшествующая литература: сказка Евгения Шварца не проще и не наивнее своего времени, не пугает страхами, которыми в XX веке и младенца-то не испугаешь, не проходит мимо обстоятельств, страшных всерьез.

Почти все пьесы-сказки Шварца написаны по мотивам сказок Г.-Х. Андерсена. Как же удавалось Шварцу претворять старые сюжеты в остросовременные произведения? Дать исчерпывающий ответ не беремся. Одно ясно: помогло безошибочное чувство языка своего времени. В лучших пьесах драматурга едва ли не каждое слово звучит неожиданно, играет сразу многими значениями (не всегда отмеченными в словарях), бойко «перескакивает» из одного

стиля речи в другой, может быть одновременно смешным и грустным, полным самого злого сарказма и самого искреннего сочувствия.

Обнажение этимологии слова (излюбленный прием футуристов) не чужд и Евгению Шварцу. «Это вечный спутник припцессы, тайный советник... его советы меняются в соответствии с требованиями времени, и дает он их шепотом. Ведь недаром он *тайный*», — говорит Ученый, герой пьесы «Тень» (здесь и далее курсив наш. — Л. П.; цитаты даются по изданию: Шварц Евгений. Пьесы. Л., 1972). Но глубинный смысл каламбура раскрывается только в последующем рассуждении героя: «И если советы тайного советника оказываются гибельными, он от них начисто отрекается впоследствии. Он утверждает, что его просто не расслышали, и это очень практично с его стороны».

Если теоретик футуризма Виктор Шкловский призывал к «воскрешению» прежде всего образной природы слова: «Всякое слово в основе — троп» (Шкловский В. Б. Воскрешение слова. СПб., 1914, с. 3), то основная задача Шварца иная: очистить язык от речевых штампов, вернуть слову его прямую коммуникативную функцию, не позволить превратиться в маску, скрывающую подлинные мысли и чувства говорящего.

Не только короли, но и слова в его пьесах зачастую оказываются «голыми». Как, например, в коммюнике городского самоуправления во время боя Ланцелота с Драконом: «Бой близится к концу. Противник потерял меч. Копье его сломано. В ковре-самолете обнаружена моль, которая с невиданной быстротой уничтожает летные силы врага. Оторвавшись от своих баз, противник не может добыть нафталина и ловит моль, хлопая ладонями, что лишает его необходимой маневренности. Господин дракон не уничтожает врага только из любви к войне. Он еще не насытился подвигами и не налюбовался чудесами собственной храбрости».

В небольшом абзаце — самые разные приемы создания комического эффекта: сочетание газетных штампов (летные силы врага) и сказочной реалии (ковер-самолет); разрушение фразеологизма *чудеса храбрости* эпитетом *собственной*; смешение действительности и фантастики (моль уничтожает не обыкновенный ковер, а ковер-самолет). Логически несочетаемые слова и выражения при соединении «взрываются», обнаруживая свою полную бессмысленность.

Многозначность слова — сколько дифирамбов пропели ей поэты и ученые! — персонажи Шварца очень часто используют для того, чтобы схитрить, слухавить, а иногда и обмануть самих себя.

Слово *безумие* может употребляться как медицинский термин,

но «безумцем» называют и отчаянного храбреца. Когда Первый Министр, намереваясь погубить Ученого, просит его друга Доктора дать медицинское заключение, тот «с чистой совестью» отвечает: «Я давно говорил ему, что это безумие». Героиня той же пьесы «Тень» певица Юлия Джули в светлую минуту своей жизни признается: «В нашем кругу, кругу настоящих людей, всегда улыбаются на всякий случай. Ведь тогда, что бы ты ни сказал, можно повернуть и так и этак».

Реализация метафоры — один из самых распространенных речевых приемов Шварца, что, впрочем, связано со спецификой его жанра: условность, фантастичность сюжета создают благодатную почву для игры на прямом и переносном значении слова (благо — «правдоподобием не связан»). Если фразеологизм *умереть от омерзения* в общеязыковом употреблении метафоричен, то в сказке он самым естественным образом этой метафоричности лишается: девушки, которых берет себе в жены Дракон, «умирают от омерзения» в буквальном смысле.

Глагол *съесть* в русском языке, как известно, может употребляться в значении «погубить», «уничтожить», «устранить». Следовательно, фраза: «Человека легче всего съесть, когда он болен или уехал отдыхать» — метафора? Да, но только если не знать, что произносит ее оценщик ломбарда — людоед.

В реалистических текстах острота всегда рассчитана на небуквальное понимание, попадая же в сказку (во всяком случае, в сказку Шварца), она, напротив, зачастую утрачивает свое переносное значение.

«Подайте бедному немому!» — в произведениях, воспроизводящих жизнь в «прямых» формах (без фантастики и гротеска), такая фраза, если и возможна, то только как шутка. А теперь посмотрим, как звучит этот парадокс в пьесе «Тень»:

— Вода, вода, ледяная вода!

— А вот — ножи для убийц! Кому ножи для убийц?!

— Цветы, цветы! Розы! Лилии! Тюльпаны!

— Дорогу ослу, дорогу ослу! Посторонитесь, люди: идет осел.

— Подайте бедному немому!

— Яды, яды, свежие яды!

В мире, где ножи для убийц продаются наряду с тюльпанами и лилиями, где люди уступают дорогу ослам, почему бы и немому не заговорить?

Неожиданное соединение разных стилистических слов у Шварца не просто прием для создания комического эффекта, а средство психологической характеристики героя. «Мама, застрели-ка его!» — подчеркнуто бытовым тоном предлагает убить человека Малень-

кая разбойница из «Снежной королевы». Или: «Я друг вашего детства. Мало того, я друг вашего отца, деда, прадеда. Я помню вашего прапрадеда в коротких штанишках. Черт! Непрошенная слеза... Ты не ожидал от меня таких чувств? Ну? Отвечай! Растерялся, сукин сын», — грубое ругательство вставлено в высказывание, стилизованное в духе сентиментальной прозы, — так изъясняется Дракон, который «так давно живет среди людей, что иногда сам превращается в человека».

Некоторые парадоксы и каламбуры Шварца давно стали крылатыми выражениями: «Я не волшебник. Я только учусь» (Золушка); «Детей надо баловать — тогда из них вырастают настоящие разбойники» (Снежная королева). Но большинство его острот «играют» только в контексте, причем, как правило, в контексте, выходящем за рамки самого произведения. Так, и цитируемое нами коммюнике городского самоуправления и угрозы беснующегося Короля: «Всех переколю! Заточу! Стерилизую!» (Голый король) могут быть поняты до конца теми читателями, которые увидят здесь не просто юмор, но — беспощадную сатиру на действительность гитлеровской Германии. (Напомним: «Голый король» создается в 1934, «Дракон» в 1943 году).

Однако это не значит, что пьесы Шварца написаны на эзоповом языке, что здесь чуть ли не каждое слово с «двойным дном». Эзопов язык всегда обращен к «своему» читателю, рассчитан на неведение или глупость «профана». Такая установка принципиально чужда Шварцу. Лучшее тому доказательство — отсутствие сколько-нибудь заметной разницы между языком его детских и «взрослых» пьес.

Как правило, Шварц не прячет, не скрывает мысль, а, наоборот, стремится высказать ее словами самыми что ни на есть простыми, которые «в кругу настоящих людей» (вспомним признание Юлии Джули) считаются слишком примитивными и потому вышли из употребления.

«Это не от привычки к детским пьесам я заставляю героев говорить несколько наивно. Это результат уверенности моей в том, что люди так и говорят» (ЦГАЛИ, ф. 2737, оп. I, ед. хр. 257), — писал Шварц Н. Акимову, режиссеру, впервые поставившему все лучшие пьесы драматурга.

«Это можно — не обижать вдов и сирот. Жалеть друг друга тоже можно. Не бойтесь! Жалейте друг друга! Жалейте — и вы будете счастливы!» — эта тирада не банальность, а «воскрешение» забытых слов и забытых истин. Банальности не могут выполнить эстетических функций. Монолог Ланцелота впечатляет не меньше, чем самые изящные каламбуры, самые тонкие остроты.

На первый взгляд, могут показаться банальными и слова Шарлеманя, отца Эльзы — девушки, предназначенной в жертву Дракону: «Любовь к ребенку — ведь это же ничего. Это можно. А кроме того, гостеприимство — это ведь тоже вполне можно». Однако взволнованная интонация выдает Шарлеманя: он задыхается от собственной «дерзости». Как же иначе? Ведь он — из города, которым правит Дракон.

Это ему, Шарлеманю, принадлежит реплика: «Пожалейте нас, бедных убийц», которая звучала бы как злая ирония, сарказм, если бы была написана не Евгением Шварцем. Шварц в самом деле жалеет Шарлеманя, эту «дырявую» — разорванную Драконом! — душу. Ведь Шарлеманя «так учили». Не достоин жалости только бывший жених Эльзы — Генрих, который оказался «первым учеником».

Чем лучше знает читатель творчество Шварца, тем глубже он понимает значение каждой отдельной реплики, каждой остроты. Все написанное Шварцем — независимо от художественных достоинств — можно рассматривать как *единый текст*, пронизанный общей нравственной идеей.

Наверное, есть писатели, даже и неплохие, у которых «путро», «душа» и язык их творений находятся в какой-то очень сложной зависимости. Художественные произведения Евгения Шварца и его дневники, письма настолько похожи стилистически, что самый подробный лингвистический анализ вряд ли установит их жанровую принадлежность.

Садовник в «Драконе»: «...будьте терпеливы, господин Ланцелот. Умоляю вас — будьте терпеливы... Сорную траву удаляйте осторожно, чтобы не повредить здоровые корни. Ведь если вдуматься, то люди, в сущности, тоже, может быть, пожалуй, со всеми оговорками, заслуживают тщательного ухода».

Запись в дневнике Шварца: «Даже если ты ненавидишь нечто в мире и хочешь это нечто уничтожить — смотри. Иначе ты не то уничтожишь. Вот. Понятно?... нет чистых красок, полного счастья, ясно выраженных указаний» (Прометей, 1968, № 5, с. 382). Не только общность мыслей, но и общность интонаций — «антираторской», раздумчивой — объединяет эти функционально разные тексты.

Он и в жизни был мастером каламбура, иронии, парадокса. Его остроты повторял весь литературный Ленинград («Я не пишу больших полотен, для этого я слишком плотен». — ЦГАЛИ, ф. 2215, оп. I, ед. хр. 3). Весельчак, душа общества, блестящий импровизатор, имитатор — таким запомнили его все, кому выпало счастье личного общения со Шварцем, кто оставил нам свои воспоминания

о нем (см. книгу: Мы знали Евгения Шварца. М., 1966). Счастливый характер? Быть может. Но главное — убежденность в том, что без легкости и веселости «мир окончательно непонятен» (Прометей, 1968, № 5, с. 383).

Всякое слово, не только призыв, проповедь, правоучение, но и каламбур, парадокс, острота, чтобы найти отклик в душе читателя, должно быть обеспечено личными качествами автора и подкрепляться доверием к нему. Любимые герои Шварца — добрый, мудрый Сказочник из «Снежной королевы», наивно-простодушный Ученый, обдумывающий, как сделать всех людей счастливыми («Тень»), отважный благородный Ланцелот («Дракон») — наделены чертами, в высшей степени присущими самому автору.

И в заключение: в этой статье мы попытались рассказать о некоторых речевых приемах создания комического в пьесах-сказках Евгения Шварца. Но, думается, никакой, даже самый подробный, самый тонкий анализ не объяснит нам «обыкновенного чуда» его драматургии. Чудо вообще, как известно, объяснению не поддается — на то оно и чудо. В крайнем случае его можно объяснить понятиями столь же иррациональными: «нутро», «непосредственность», «душевная теплота».

Рисунок В. Захарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Один из рассказов О'Генри называется „Третий ингредиент“. Что это за слово, в тексте я его не встретил».

А. Т. Полещук, Черниговская обл.

Ингредиент [*лат. ingrediens (ingredientis) входящий*] — составная часть какого-либо сложного соединения или смеси. В рассказе роль третьего ингредиента для жаркого сыграла луковица (мясо и картофель у героинь, как Вы помните, были).

Не боясь любви безответной

Беседа с поэтом и драматургом, секретарем правления
Союза писателей СССР К. В. Скворцовым

— Константин Васильевич, Вы создали более пятнадцати пьес в стихах, идущих сегодня на сценах уральских театров, в Армении. Многие из них посвящены далекой истории. Драма «Смутное время» переносит нас в начало XVII века, «Ванька-Каин» — в XVIII столетие, «Кибальчич» — в XIX век. Изменяется ли речь ваших героев?

К. С. Конечно, работая над пьесами «Алепа Арзамасская» и «Смутное время», я консультировался с учеными-языковедами, с такими знатоками отечественной истории, как писатель Яков Владимирович Апушкин. Много новых слов пришло в наш язык после реформы Петра I, Отечественной войны 1812 года, и я стал особенно чутко прислушиваться к корням. Мне кажется, поэту очень важно настроиться на волну эпохи. Здесь помогает и знакомство с предметами быта. Кроме того, нужен точный камертон — например, частушка: всего несколько строк, но в них живет дыхание времени. Общеизвестно, вместе с языком менялось мышление, это процесс диалектический, двусторонний.

Помогла мне и книга «Русский народный театр XVI—XVII веков». Я старался вводить в пьесы элементы ярмарочных зрелищ и скоморошин. И не раз убеждался — современный зритель реагирует на них очень горячо.

— В исторической комедии «Ванька-Каин», идущей сегодня на сцене народного театра «Диалог» в Магнитогорске, Вы вспоминаете «умершие» сегодня звуки «ер» и «ерь». Зачем Вам понадобился этот неожиданный экскурс в историю языка, как это связано с общим замыслом пьесы?

К. С. Для писателя не может быть экскурсов. Настоящий художник живет на всю глубину исторической памяти. Все те эпохи, которые помнит сегодня человечество, должны существовать в сознании современного интеллигента. К сожалению, человек, принадлежащий к небольшой нации, часто гораздо лучше знает историю своего народа, чем его русский ровесник. Я с доброй завистью смотрю на своего товарища-грузина, который может проследить своих предков почти со второго века нашей эры. В пожарах и войнах, обрушивавшихся на нашу страну, погибло немало эстетических ценностей. А ведь к ним необходимо особенно

бережное отношение: утратить очень легко, а вот восстановить порой невозможно. Древние слова, даже буквы помогают пробуждать историческую память читателя, и в этом — долг литератора. Ведь, создавая современное здание, вполне возможно удачно вмонтировать в него старую плиту или фреску.

Я не считаю себя горячим поклонником творчества Бориса Слуцкого, но меня тронуло одно из его посмертно опубликованных стихотворений, в котором он, кстати, выражает свое отношение к предмету нашего разговора:

Знак был твердый у этого времени.
Поэтому, облегчившись от бремени
бжицы и фиты,
твердый знак оно сохранило
и грамматика не обронила
знак суровости и прямоты.
И грамматика не утерjala,
и мораль не отбросит никак
из тяжелого материала
на века сработанный знак.

— Как вы относитесь к тем языковым экспериментам, которые предпринимает группа современных поэтов-метафористов?

К. С. Хотелось бы, чтобы в молодых литераторах побеждал не экспериментатор, а поэт. Многие метафористы напоминают мне алхимиков, но я верю, что их поиски в чем-то обогатят язык. К сожалению, в их творческой судьбе неизбежен момент жертвенности. Конечно, они могут пойти другим путем, более легким, но предпочитают трудный: это вызывает уважение. Хуже, когда за новациями стоит дешевое желание рекламного эпатажа или элементарное невежество и скудость мысли. Поэтому каждый новатор должен знать старые формы и традиции значительно лучше, чем «традиционалист». Главное, не переступать в своих поисках границу эстетического. Велемир Хлебников это умел.

— Книга узбекского поэта и переводчика Хаида Исмаилова, знающего многие европейские и восточные языки, представляет для лингвистов особый интерес. Сборник стихов «Сад» перенасыщен метафорами, но за ними чувствуешь одновременно и восточную традицию (Навои, Машраб, Хайям), и уроки французской и испанской поэзии (Верлен, Элюар, Лорка). В то же время Хамид остро ощущает такую опасность, как вторичность:

Все плохое — хорошее сказано.
И осталось оставить слова,
Словно выйти из этой мазанки,
Где словами больна голова.

К. С. Книга «Сад» действительно очень интересна. В Хамиде Исмайлове живет талантливый переводчик самого себя на русский язык. Читая ее, думаешь: какое точное попадание в автора! Я не оговорился. Есть писатели, которые всю жизнь как-то не попадают в себя. Эти люди гораздо более талантливы и интересны, чем то, что они пишут. Хамид в достаточной степени владеет русским языком, чтобы быть одновременно русским поэтом и развивать национальную узбекскую традицию. В стихах он легко переходит границы привычного, смело разрушает устоявшиеся словесные связи: «И в смолкшем фойе при неоновом свете совсем по-иному пустуют глаза».

— Наверное, на стилистику молодой поэзии и прозы влияет и то, что в литературу в последние годы пришло очень много людей с техническим образованием: это физик Владимир Соколов из Ташкента, автор трех книг прозы, инженеры Игорь Бяльский и Александр Варакин, выпускники политехнических институтов Важа Отарашвили и Мурат Телибеков, выступающие с интересными стихами...

К. С. Ваш список легко продолжить... Думаю, современный писатель обязательно должен обладать и техническими знаниями, чтобы точнее попадать в биоритмы современников, часто помимо своей воли активно задействованных научно-техническим прогрессом. Конечно, технические знания расширяют наш словарь (хотя это и очень медленный процесс), но вводить терминологию в литературное произведение надо очень продуманно. Необходимо чувство меры. Приведу пример из повести Виктора Посопшкова «Неподвижная точка»: «Если только мое предположение, что триангуляции соответствуют функциональным областям простых групп Ли, верно, то я могу взять не ту группу...»

— Каков же основной критерий проникновения технической, узко профессиональной лексики в нашу живую разговорную речь?

К. С. Время. Оно нередко наполняет слова иным смыслом, давая им эстетическую окраску. Вспомните, как современно звучат сейчас многие стихи Маяковского, легко вводившего в свои поэтические строки непривычную тогда техническую терминологию, не боявшегося бытовизмов. Ведь слова *водопровод* или описания крапов с холодной и горячей водой не встретишь в стихах Есенина, а в поэзию Маяковского они вписались достаточно органично. Двадцатитрехлетний инженер Евгений Волков из Гомеля явно продолжает эту традицию: «медным купоросом тянется архипелаг». Слово *компьютер* сегодня встретишь и на страницах «Мурзилки».

Слова приживаются в языке, если они попадают в его мелодию, получают какие-то ассоциации. Новое слово может не вызы-

вать эмоций у современников, а вот уже следующее поколение, помнящее его с детства, относится к этому слову совершенно иначе. В 20-е годы некоторые слова казались «инородными» и не воспринимались как изобразительные средства. Прошло время — и все изменилось: изысканное «авто» Игоря Северянина стало никчемным вульгаризмом.

— Константин Васильевич, Вам довелось жить и работать в разных республиках. Какую роль это сыграло в Вашей творческой судьбе? Как Вы смотрите на проблему национальных взаимоотношений в нашей стране, о чем сейчас так много говорится в прессе?

К. С. В последнем вопросе я исхожу из своего личного опыта. В войну наша семья из Тулы была эвакуирована в Златоуст, где жили люди из самых разных республик. Я все время слышал многоязыкую речь — поволжских немцев, украинцев, татар... В моем классе за соседними партами сидели русские и башкиры, а рядом со мной — девочка-латышка. С детства для меня не имело значения, какой национальности мои товарищи, я привыкал судить о людях по их личным качествам.

После окончания института работал в Туве. Прежде чем поехать туда, я считал своим долгом выучить сто — двести элементарных слов из тувинского языка. И не только потому, чтобы мне было легче общаться и решать рабочие вопросы с тувинскими коллегами, тем более, что все они говорили по-русски. Главное в другом: хотелось с первых шагов, встреч и знакомств общаться с тувинцами на их родном языке, делом доказать искренность своего внимания и интереса к другому человеку, народу в целом. Каждый, кто уважает другой народ, живет на его земле, обязан хорошо знать его традиции и национальную культуру. Это всегда расширяет кругозор, проясняет краски, обогащает человека другой национальности, способствует взаимопониманию и укрепляет дружбу.

— Скажите, пожалуйста, как отразилось знакомство с тувинской культурой на Вашем творчестве?

К. С. Живя в Туве, я читал «Ученые записки Тувинского института языка и литературы», встречался с тувинскими шаманами, со сказителями из древнего рода Хомушку, изучал их представления о трех мирах. Я работал над поэмой по мотивам тувинского эпоса «Алдан мадыр» — сказания о шестидесяти богатырях. Отдельные фрагменты я даже написал на тувинском языке (через несколько лет пришлось самому переводить со словарем).

— А какие еще национальные культуры повлияли на вас как поэта?

К. С. Я вырос на Урале, где есть речка Ай, что в переводе означает «Лунная река». Так называется моя вторая книга стихов. Мои любимые реки, озера и горы почти все носят татарские и башкирские названия, имеющие поэтический перевод. Например, гора Таганай — «подставка Луны», озеро Зюраткуль — «сердце-озеро», река Бирсуат — «дай воды лошади», город Карабаш — «черная голова». Вблизи Златоуста протекают реки Киалим — «брат» и Тесьма — «сестра». В некоторых названиях звучит как бы предупреждение опрометчивому путнику: гора Юрма — «не ходи», озеро Тургойк — «не ступи нога». К осторожности призывают путешественника и названия таких гор, как Янгайтау — «горящая гора» и Ямантау — «злая гора». Восток, растворенный в названиях и легендах, как бы органично присутствует в самой природе, в культурном этносе Урала. Отразились в его топографии и подвиги бывалых уральских казаков. Участники Отечественной войны 1812 года, русско-турецкой войны, прошедшие почти всю Европу, вернувшись в родные места, называли свои маленькие селения Лейпциг, Париж, Берлин, Варна, Чесма, Фершампенуаз.

Несколько тюркских легенд (башкирских, тувинских) легли в основу моей драмы в стихах «Легенда о белом древе», одноактной пьесы «Береги чудо». По мотивам старинной лопарской легенды, возникшей в Чердынском государстве (в начале нашего тысячелетия существовавшем на Урале), написана и моя драматическая поэма «Ментуш». В музеях Перми можно увидеть «сульде» — литые металлические фигурки, изображающие героев национального эпоса. Например, фигурка удивительного человека с головой лося — Ментуша, ставшего главным героем этой пьесы, изображение Тьермоса, лопарского бога грозы.

Легенда о белом древе была популярна среди русского населения и в XIX веке: она записана В. И. Далем в Западной Сибири. В четвертом томе его «Толкового словаря живого великорусского языка» читаем: «Чудь... народ дикарь, живший, по преданию, в Сибири, и оставивший по себе одну лишь память в буграх (курганах, могилах); испугавшись Ермака и внезапно явившейся с ним белой березы, признака власти белого царя, чудь или чудаки вырыли подкопы, ушли туда со всем добром, подрубили стойки и погибли». Я услышал эту легенду в Туве, профессор А. И. Лазарев нашел ее на Южном Урале. Именно из его записи, приведенной в книге «Поэтическая летопись заводов Урала», я взял эпиграф к пьесе.

— С каждым годом в республиках появляется все больше молодых литераторов, пишущих на русском языке. Как Вы оцениваете это явление?

К. С. Этот процесс начался не сегодня. Вот прозаик Фазиль Искандер — родом из Абхазии, но пишет по-русски. Критика не раз отмечала его особый язык, насыщенный вкраплениями, воспринимающимися как неправильности, по-своему привлекающими читателя. Они-то и придают повествовательной манере писателя особую выразительность.

— Но русскоязычный автор в своей республике зачастую испытывает трудности с публикациями...

К. С. Вы правы: к сожалению, людям, пишущим на русском языке, в республике порой приходится не очень легко. А ведь именно их очень важно использовать как мостик для единения наших национальных культур. Из таких литераторов и получают самые квалифицированные переводчики, знающие быт и обычаи края изнутри. Хотя я уверен, что если человек родился писателем, то он состоится на любом языке. Так, татарин Федор Камалов живет в Ташкенте, пишет по-русски, создал уже десять книг для детей, многие из которых изданы в Москве, Ленинграде и высоко оценены критикой, а самое главное — маленькими читателями. Сорокалетний прозаик Леонид Шорохов из небольшого узбекского городка Бекабад должен выпустить в этом году сразу несколько книг. Правда, хотелось бы, чтобы к переводу своих узбекских коллег эти талантливые писатели были бы более внимательны и не жалели на него времени и сил.

— Недавно в Алма-Ате проходил XIV Всесоюзный фестиваль молодых поэтов. Казах Мурат Телибеков и таджичка Гулбахор Мирзоева из Душанбе, татарин Валерий Трофимов из Казани пишут на русском языке. В периодике нередко встретишь и русскоязычные стихи Рифата Гумерова из Ташкента, их ровесника. В чем, на ваш взгляд, особенность творчества этого поколения поэтов?

К. С. Молодые поэты опираются на огромный опыт предшествующей им поэзии и поэтому особенно смело распоряжаются формой. Они раскованнее, профессиональнее начинают. Многовековой опыт русской и зарубежной поэзии, публикации полубытовых самобытных поэтов прошлого — все это приводит к более широкому взгляду на поэзию, на мир, на человека. Поэтому так важна для сегодняшних молодых тема времени, истории.

Демократичность жизни привела к демократизации формы. Но здесь есть и свои опасности. Мне часто вспоминаются строки Василия Федорова:

Я за искусство левое. А ты?

— За левое, но не левее сердца.

Любое явление, где форма становится самоцелью, сродни дереву, из которого ушли соки: оно красиво особой, мертвой красотой, но ему не суждено дать плодов. Поэзия умирает, когда форма начинает разрушающе действовать на содержание. Тревожит явный упор молодых литераторов на интеллектуальность: рационалисты, отрицая чувство, в конечном итоге совсем забывают о душе.

— Скажите, Константин Васильевич, а что делается сегодня для расширения писательских связей между республиками, для консолидации молодых литературных сил?

К. С. Фестивали, семинары... Чем-то они напоминают мне брачные объявления: «Одинокий молодой драматург нуждается в наставнике...» Литераторы, чтобы стать друзьями и соратниками, должны сами найти и открыть друг друга. Так, Николай Тихонов и Борис Пастернак нашли Тициана Табидзе, Константин Симонов — Абдуллу Каххара, Зульфия — Сильву Капутикян, Давид Кугультинов — Юлию Нейман, Арташес Погосян — Александра Твардовского.

Убежден — любовь к другому народу не может остаться безответной. Она обогащает творческого человека нравственно и эстетически, делает шире его эмоциональное познание мира. А без постоянного расширения познания мира не может расти художник.

Беседу вела Л. Звонарева

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Прочел в журнале „Театральная жизнь“ слово *аллюзия*. Наверное, надо было бы — *иллюзия*? Или это не опечатка и такое слово существует?»

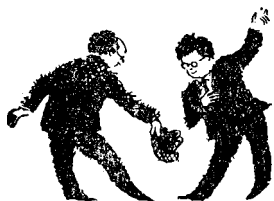
С. В. Бойко, *Ленинград*

Несмотря на сходство со словом *иллюзия*, *аллюзия* — не опечатка.

Аллюзия [<фр. *allusion* намек < лат. *alludere* подшучивать намекать] — стилистическая фигура, которая представляет собой соотнесение описываемого или происходящего в действительности, сейчас с устойчивым понятием или словосочетанием литературного, исторического, мифологического порядка (напр.: «Не хочу я... растекаться мыслью по древу»; отсылка к «Слову о полку Игореве»).

Беседы о речевом этикете

Н. И. Формановская,
доктор филологических наук

Р

усский язык, как и другие языки мира, в процессе развития выработал множество способов выразить вежливое отношение к собеседнику; дело только за тем, чтобы правильно ис-

пользовать эти богатства. Вежливость проявляется в общении, то есть во взаимодействии людей при обмене информацией, следовательно, и рассматривать ее надо с позиции по крайней мере двух человек, партнеров по общению. Со стороны говорящего вежливость — это внешнее проявление воспитанности, уважительное отношение к собеседнику. В общении человек всегда демонстрирует собственные черты. «Какой симпатичный человек — всегда поздравляет меня с праздником»; «Хорошая у вас дочка — всегда со мной здоровается», — говорят о вежливых и хорошо воспитанных людях.

Вежливость — понятие нравственное. «Моральное качество, характеризующее человека, для которого уважение к людям стало повседневной нормой поведения и привычным способом общения с окружающими» — так определяет это понятие «Словарь по этике» (М., 1975). Язык отражает все, что нас окружает, — Землю, мир человека, как предметный, так и духовный, его социальную жизнь. Язык отразил и вежливость. Некоторые национальные языки, например японский, корейский, выработали особую грамматическую категорию глагола: с помощью суффиксов, присоединяемых к разным основам, и других форм слов выражается определенная тональность общения — торжественная, официальная, нейтральная, дружеская, фамильярная. В русском языке такой грамматической категории нет, но есть множество средств, позволяющих нам в определенной ситуации проявлять знаки внимания и уважения. Первое место среди этих средств занимает речевой этикет — система устойчивых формул общения, применяемых в соответствии с социальными и национальными правилами.

О речевом этикете написано немало, в том числе и на страницах журнала «Русская речь». Расскажем еще раз о том,

что же такое вежливость, почему нас обижает, если с нами не поздоровались, не поздравили, не извинились, не поблагодарили; если к нам обратились, назвав, с нашей точки зрения, неуважительно. Для этого полезно рассмотреть прежде всего, какие типы информации несет текст в нашем общении и какая информация отражается в речевом этикете. Проанализируем такой диалог:

— Ты не хочешь сходить завтра на выставку?

— Завтра приезжает брат.

В каждом из этих высказываний заключено определенное содержание. Однако мы чувствуем, что в диалоге есть и другой важный смысл: соединение реплик рождает свою, особую информацию. В самом деле, мотив и цель автора первой реплики — вовсе не вопрос, а предложение, выраженное в мягкой, некатегорической форме. Во второй реплике мы распознаем отказ, который отражен в аргументирующей части: «приезжает брат». А «невыраженный» текст составляют наши предварительные знания, которые в ответной реплике имели бы такое содержание: «Ты знаешь, что у меня есть брат, а когда приезжает брат, я бываю занята только им». Следовательно, общие знания рождают общность восприятия, благодаря которому часть текста оказывается скрытой.

Этот диалог может быть выражен и прямым путем: «Я предлагаю тебе пойти завтра в кино.— Я отказываюсь, потому что завтра приезжает брат». Однако чаще всего в реальных диалогах говорящие предпочитают косвенные способы выражения как более краткие — в нашем случае и отказ, и аргумент одновременно. Заметим, кстати, что отказ без аргументации (*отказываюсь*) звучал бы невежливо.

В анализируемом диалоге отражено немало и иных смыслов. Тот, который нас интересует, условно назовем социальным, имея в виду, что в общении людей любая передаваемая информация имеет социальную природу. Во-первых, из данного диалогического текста ясно, что общаются равные и близкие люди, а поскольку адресат в первой реплике назван на «ты», то отсутствуют и специальные формы вежливости — в данной ситуации это является нормой. Из второй же реплики мы делаем и конкретный вывод, что эта близость, скорее всего, дружеского, а не семейного характера. Кроме сведений о непринужденных, дружеских отношениях говорящих, мы информированы и о неофициальной обстановке общения, в результате чего складывается текст обиходно-бытового стиля.

Рассмотрим иной пример. Вот синтаксический фразеологизм «Мне не до кино». Преподаватель предложил слушателям сле-

дующую учебную ситуацию: «Я, преподаватель, приглашаю Вас, стажера, в кино; ответьте отказом, употребив данный фразеологизм». Стажер сказал, что одним сочетанием «Мне не до кино» он не может выразить отказ, и ответил так: «Спасибо большое за Ваше приглашение, оно мне очень приятно, но, к сожалению, я должен отказаться, так как очень занят: завтра сдаю экзамен и сегодня мне не до кино». Как видим, текст стал пространным, наполненным этикетными формулами, потому что обстановка общения официальная (семинар), роль ученика ниже роли преподавателя, и поэтому должна быть выражена уважительность к партнеру. Примерно то же получается и в обратных отношениях — стажер пригласил преподавателя, и тот отказывается. Когда же задание выполняли приятели: стажер и его коллега, то возник диалог: «— Сбегаем в кино! — Мне не до кино».

Сделаем вывод. Речевой этикет наряду с информацией — приветствовать, извиняться, благодарить, поздравлять, предлагать, приглашать, соглашаться, отказываться и мн. др. — несет и социальные сведения о говорящем, о его партнере, об их отношениях в официальной или неофициальной обстановке общения.

Насколько важна вежливость в общении, ясно каждому, но покажем это на такой ситуации. Вам нужно обратиться к кому-то с просьбой. В этой сфере употребляется целый ряд стереотипных высказываний-просьб, составляющих синонимы. В транспорте, например, можно сказать: «Я прошу вас подвинуться». Однако если мы скажем: «Подвиньтесь», то такая форма воспринимается как грубое требование и вряд ли будет выполнено, скорее всего, именно по причине его грубости. Поэтому лучше сказать: «Подвиньтесь, пожалуйста», или *будьте добры, будьте любезны, если вам не трудно, если вас не затруднит*. Можно выразить просьбу и так: «Прошу вас, подвиньтесь, пожалуйста». Вежливость просьбы обеспечивается в русском языке и вопросительными формами: «Вы можете (не можете) подвинуться?»; «Вы могли бы (не могли бы) подвинуться?»; «Вам не трудно подвинуться?». Просьба-вопрос может иметь и несколько нелогичное оформление: «Я могу попросить вас подвинуться?», «Мне хотелось бы попросить вас...» Заметим, что в данном случае подчеркивается не только степень вежливости, но и важность просьбы: о пустяке (передать монетку, оторвать билет) мы предпочитаем просить иначе. Следовательно, вежливость в общении и в языке орнетирована двояко — на адресата и на важность того, о чем просят, за что благодарят, извиняются и т. д.

Наконец, бытовая просьба, не требующая подчеркивания вежливости, нередко выражается и вопросом о наличии или отсут-

ствии какого-либо предмета, вещи у того, к кому обращается говорящий: «У вас есть двушка?» (у телефона-автомата); «У вас нет ручки?»; «У тебя есть белая катушка?»; «У тебя нет луко-вицы?» и т. д.

Как видим, для выражения просьбы существует множество форм и сочетаний, по-разному ориентированных на вежливое общение и потому принадлежащих речевому этикету. Каждые из них мы выбираем в зависимости от того, официально или неофициально общаемся, в нейтральной, высокой или дружеской тональности, со знакомым или незнакомым адресатом и т. д. Культура речи заключается и в том, чтобы уметь в той или иной ситуации употребить такие слова и выражения, с помощью которых говорящий смог бы проявить вежливое, уважительное отношение к своему собеседнику.

Рисунок Н. Беланова

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Радиомост, телемост. Развитие и расширение международных контактов в различных сферах деятельности обусловило применение космических спутников для таких форм сотрудничества, общения и взаимопонимания народов нашей планеты, как *телемост* и *радиомост*. Вот примеры их употребления: «Впервые жители Киева и американского города Милуоки, расположенного на берегу озера Мичиган, смогли разговаривать между собой с помощью перекинутого через Атлантику радиомоста» (Известия. 1987. 15 марта); «В эфире радиомост Москва — Дели» (ТВ, программа Время. 1987. 22 авг.); «Телемосты сегодня не только новая популярная телевизионная передача, но и новая форма общения советских людей с гражда-

нами других стран» (Телевидение и Радиовещание. 1987. № 7).

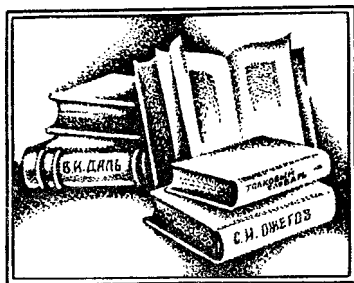
Новообразования *радиомост* и *телемост* — сложные существительные, созданные способом сложения. Первое слово состоит из несклоняемого слова *радио*, второе — из компонента *теле* (усеченная форма от *телевизионный* и *мост*).

Несмотря на активизацию существительного *мост*, входящего в состав сразу двух неологизмов, по-видимому, еще рано говорить о новом словообразовательном ряде. Однако частотность употребления слов *радиомост* и *телемост*, социальная обусловленность их появления позволяет считать, что оба слова прочно вошли в лексическую систему русского языка.

Г. Г. Тимофеева

Каждый словарь отражает свое время

Л. И. Балахонова,
кандидат филологических наук

Когда хотят узнать точное значение какого-нибудь слова или выражения, проверить, правильно ли они употреблены в той или иной ситуации, обращаются к словарям, чаще всего к толковым — В. И. Даля и под редакцией Д. Н. Ушакова. Ссылки на эти словари мы можем встретить в газете, журнале, книге, услышать по радио и телевидению. Это говорит об их широкой известности и авторитетности. Действительно, и Словарь В. И. Даля (созданный в середине XIX в.) и Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова (созданный в 30-е годы XX в.) являются вершинами нашей отечественной лексикографии. И все-таки, когда речь идет о словоупотреблении наших дней, 80-х годов XX века, эти словари ответят не на все вопросы или ответят неточно, неполно, а иногда и неправильно с современной точки зрения. Естественно, что в них нет многих слов (или значений), которые мы сейчас употребляем, поскольку они являются названиями предметов, понятий, вещей, возникших или ставших актуальными только в последние десятилетия, это такие, например, слова: *автовокзал, аквалангист, бензопровод, затовариваться, компьютер, космонавт, космодром, круиз, лесовоз, луноход, осовременить, планерка, подсобка, попутка, поролон, почасовик, программировать, прогрессивка* и многие другие.

Лексика последнего времени, включающая, с одной стороны, терминологию очень широкого диапазона, а с другой — разговорно-просторечные новообразования, нашла отражение в последующих словарях. В советское время уже после Словаря под ред. Д. Н. Ушакова вышли три толковых словаря русского литературного языка: 17-томный, 4-томный (выходит третье издание) и однотомный — С. И. Ожегова (выдержавший с 1949 г. 18 изданий),

В Словарном отделе Института языкознания АН СССР (Ленинград) готовится второе (исправленное и дополненное) издание 17-томного Словаря.

Именно к последним по времени словарям мы прежде всего и должны обращаться, когда возникают вопросы о современной жизни того или иного слова: о его значении, употреблении, отношении с другими словами, стилистической оценке. Принципы нормативно-стилистической оценки лексического состава в толковых словарях русского литературного языка советского периода в общих чертах едины. Традиционно эта оценка, то есть характеристика особенностей, условий употребления слов, сводится к указаниям (в виде помет) па время (*устар.*, *нов.*, *стар.*, *истор.* и т. п.), на функционально-стилевую сферу (*разг.*; *прост.*, *спец.* и т. п.) и на экспрессивно-эмоциональную тональность (*шутл.*, *неодобр.*, *ирон.*, *высок.* и т. п.).

Составители изданных в советское время словарей исходили из понимания современного русского языка как языка от Пушкина до наших дней, стремясь при этом характеризовать различные стороны слова (грамматическую, стилистическую, орфографическую, акцентологическую) с позиций норм того десятилетия, в которое создавался словарь. Сопоставляя словари, разделенные даже сравнительно коротким промежутком времени, мы видим изменения не только количества слов, но и их оценок, отношения к ним. Некоторые теперь общенародные слова еще в 20–30-х годах XX века считались диалектными. С пометой «областное» даны в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова *балка* (овраг), *бахча*, *бублик*, *буран*, *вилок*, *зимник* (дорога), *половник*, *рыбалка*, *чащоба* и др., а в более поздних словарях они квалифицируются как нейтральные, разговорные или специальные.

В предисловии к девятому изданию Словаря С. И. Ожегова сказано: «За истекшее десятилетие многие просторечные слова вошли в разговорную речь носителей литературного языка...» Произошли функциональные и стилистические изменения и в других пластах лексики, что привело к переоценке и изменению в Словаре стилистических помет. В частности, вместо «устарелое» появилась в ряде случаев помета «высокое»: *грядущий*, *десница*, *дерзновенный*, *доньне*, *живописать*, *чужеземный* и т. п. Это изменение отразило четко наметившуюся тенденцию к употреблению некоторой части устарелых слов в качестве высокой лексики, характерной для контекстов с оттенком приподнятости, торжественности, а также для поэзии. На этом основании во II издании 4-томного Словаря также была заменена помета «устар.-поэт.» на «традиц.-поэт.» (напр.: *брань* в значении «война»).

Устарелые слова могут употребляться также для создания комического эффекта. В этом случае они приобретают иронический, саркастический или шуточный оттенок (пометы «устар. и ирон.», «устар. и шутол.»). В Словаре С. И. Ожегова с такими пометами даны слова: *брадобрей, зверинец, лицемерье, зелье, грамотей, бражничать, отрок, сородич* и др.

Эти примеры показывают, что нельзя оценивать многие языковые факты наших дней на основании их характеристик в Словаре Ушакова и даже в лексикографических изданиях 50–60-х годов. Однако нельзя также считать, что при расхождении характеристик, оценок слов в этих словарях имеет место ошибка. Для того чтобы опровергнуть те или иные стилистические оценки слов в старых словарях, нужно проводить специальные исследования каждого конкретного слова.

В языке происходит постоянное движение отдельных единиц лексического состава: многие разговорные слова становятся нейтральными, просторечные – разговорными, нейтральные начинают восприниматься как устаревающие и т. д. Это не значит, конечно, что все слова рано или поздно переместятся в иной пласт, но какая-то часть лексики изменяет стилистическую окраску, степень употребительности и т. д. Мы начинаем по-иному воспринимать слово, относиться к нему иначе, чем раньше. Так, слова *боле, вдругорядь, давеча, далече, наемдн, нониче* и т. д. воспринимаются лицами, владеющими литературным языком, как элементы неправильной, малограмотной или диалектной речи. А в XIX и даже начале XX века многие из них были обычными, нейтральными. Вот примеры: «Я к вам пишу – чего же боле?» (Пушкин. Евгений Онегин); «...Упал вдругорядь – уж нарочно» (Грибоедов. Горе от ума); «Я буду иметь честь прислать к вам нониче моего секунданта» (Лермонтов. Княжна Мэри). Прилагательное *бордовый*, заимствованное из французского языка в форме неизменяемого слова *бордо*, в Словаре Ушакова сопровождалось пометой «просторечное», что говорит о допустимости его употребления в 30-е годы только в ненормативной обиходной речи. В 4-х томном Словаре *бордовый* уже рассматривается как разговорный синоним слова *бордо*, и, наконец, в Словаре Ожегова дается без указаний на стилистические ограничения в употреблении. Словари отразили весь процесс нейтрализации слова *бордовый*.

Изменение стилистической оценки слова, значения, формы и т. п. в общей системе языка получает отражение в нормативных, рекомендательных указаниях словарей. К этим указаниям обращаются, когда хотят узнать, как квалифицируется тот или

инной факт с точки зрения современных норм. Например, в парах *зал — зала, рельс — рельса, санаторий — санатория* вариант слова в женском роде воспринимается сейчас как устарелый (в Словаре Ушакова *зала* сопровождается пометой «разг.», *рельса* — «прост.»); приветствия *здравствуй! привет! здорбво!*, совпадая по значению, различаются стилистически: первое слово — нейтральное, второе — разговорное, а третье — просторечное; глагол *занять* в литературном языке означает «взять займы»: «Надо занять денег, потому что будет много расходов» (Л. Толстой. Анна Каренина), и употреблять его в значении «дать займы» в нормированной речи недопустимо (данное значение является диалектным, распространенным в южных говорах); многие из таких продуктивных для последних лет образований, как *попутка, самоходка, неотложка, раздевалка, читалка, электричка, зачётка, курилка* и т. д., перемещаются с периферии языка в нормированное словоупотребление (в этих случаях помета «просторечное» заменяется на «разговорное»).

Рекомендации академических нормативных словарей являются определяющими для всей отечественной лексикографии, для специализированных словарей разных типов и исследований по русскому языку. Это налагает на их составителей большую ответственность. Составление словарей — дело очень сложное.

Большую трудность представляет отбор слов, ограниченных определенным стилем речи или какой-либо областью применения: устарелых, просторечных, специальных, новообразований ненормированной речи и т. п. Могут возразить: а зачем, скажем, в словаре современного языка помещать устарелые слова? Действительно, вопрос об этом поднимался еще в 30-е годы при обсуждении Проекта 17-томного Словаря, в котором принимали участие корифеи нашей отечественной лексикографии Д. Н. Ушаков, Л. В. Щерба, В. И. Чернышев и другие. Все были едины в убеждении, что словарь нормативно-справочного характера должен включать не только слова, которые активно употребляются, но и те, которые встречаются при чтении текстов XIX в. (наш пассивный запас). В доказательство необходимости этого Д. Н. Ушаков рассказал, как «хороший студент» не понял пушкинской фразы, где поэт советует прислушиваться к говору московских просвирен: «Студент не знает, что такое *просвирня*. Он думает, что это, очевидно, какая-то мастерская: *столярня, слесарня* и т. п.»; *просвирня* — женщина, занимающаяся выечкой просвир, т. е. белых хлебцев, используемых в православном богослужении (Стенограмма выступлений 26 мая 1939 г. на заседании ОЛЯ АН

СССР, публикация А. М. Бабкина // Современная русская лексикография. 1981. Л., 1983).

Одна из задач составителей словарей — помочь читать литературу, а для этого необходимо отобрать ту часть лексики XIX века, которая связана с наиболее существенными сторонами жизни той эпохи и отражена в лучших образцах художественной, публицистической, научно-популярной и т. п. литературы.

Ссылки на примеры употребления служат подтверждением правильности определения и стилистической оценки любого слова, а в необходимых случаях подтверждают само существование слова. Особенно важно это при включении в словарь литературного языка слов из устной речи. Например: *вѣлик, вкуснятина, воздушка, гаишник, двушка, киношка, потрясно, телик* и т. д. Вот несколько примеров употребления таких слов: «[Мишель:] Ну, как? [Алеша:] Вкуснятина!» (Арбузов. Счастливые дни несчастливого человека); «— Сиди себе весь день! Хочешь, телик смотри» (Крутилин. Старая скворечня); «[Зоя:] Ты не ушел? Вот мы двушек тебе набрали» (Рощин. Спешите делать добро); «[Дедушка:] Я горжусь своим внуком... Он потрясно играет. Потрясно! [Надежда Львовна:] Папа! Слова «потрясно» нет ни в одном словаре!» (Алексин. Мой брат играет на кларнете). В последнем примере даже выражено отношение к слову, его оценка аргументируется позицией словарей. Несмотря на то, что эти и подобные им слова мы часто встречаем в художественной литературе, они не включены в современные словари общенародного языка, так как с позиций культуры речи они находятся за пределами литературного словоупотребления. Сейчас некоторые из них постепенно приобретают права общеупотребительных слов; включают ли их лексикографы на основании широкого употребления в устной речи и письменных источниках в словники будущих словарей, все ли они долговечны, гадать не будем.

Появление новых слов, изменение стилистического положения словарных единиц языка — явление объективное и закономерное. Многие из таких слов, однако, — слова «однодневки», быстро устаревающие и исчезающие из языка, и включать их в словарь нет оснований. В то же время лексикограф, конечно, не должен быть пуристом. Составителям словарей в каждом конкретном случае приходится решать, имеет ли здесь место массовая и устойчивая речевая ошибка, слово «однодневка» или новообразование, соответствующее тенденциям развития языка.

Лексикографы сталкиваются и с многими другими трудностями, например, разграничения разговорных и просторечных слов. Не всегда легко отделить так называемое внелитературное про-

сторечие от собственно диалектной лексики среди таких, например, слов, как *завсегда*, *давеча*, *сморода*, *сродственник* и т. п. Данный разряд слов в специальных исследованиях нередко рассматривается нерасчлененно, как просторечно-диалектная лексика. В то же время в нормативных словарях каждое слово должно получить собственную характеристику, отражающую его положение в системе общего языка.

В заключение напомним: словари — необходимые пособия для разного рода справок о словах, а большие словари (и старые и новые), кроме того, просто полезные и увлекательные книги для чтения. Перед читателями проходят тысячи разных слов со своим особым внутренним миром. Словари отражают свое время, и когда оно проходит, они остаются его языковым памятником. Новое время требует новых словарей.

Ленинград

Рисунок В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что такое *видеоклип*?» — спрашивают учащиеся техникума Ю. и Д. Волковы (Москва). В последнее время они часто слышали это слово по телевидению.

Видеоклип (лат. *video* — вижу, англ. *clip* — отрезать) — это новый музыкальный жанр, который можно охарактеризовать как мини-фильм на несколько минут, «иллюстрирующий» песню. Например: «Видеоклип, который называется „Прогулка“, был представлен нашей программе Госконцертом СССР» (ТВ. Программа «До и после полуночи». 1987. 22 авг.); «Последние видеоклипы, новейшая музыкальная информация — все это снабжено в передаче серьезным комментарием...» (Правда. 1987. 7 дек.).

Многие образования с компонентом *видео-* широко употребляются в русской речи: *видеофильм*, *видеотелефон*, *видеоинженер*, *видеозал*, *видеокафе*, *видеотека* и другие.

Компакт-диск. В связи с дальнейшим совершенствованием технических средств, относящихся к бытовой радиоаппаратуре, появились новые звукозаписывающие аппараты и грампластинки с использованием лазерной техники. Так, создана пластинка нового типа, на которой запись наносится, не расшифровываясь, в виде закодированных сигналов.

Первые цифровые пластинки, получившие название *компакт-диск*, были выпущены фирмой «Sony» в 1982 году. Новая пластинка (диаметром около 12 см), примерно в три раза меньше нынешнего «гиганта», вес ее 10 г («гигант» — 140 г). Запись на ней выполняется только на одной стороне, длительность звучания достигает одного часа. Вот что написала «Неделя» об этой пластинке:

«Микроэлектроника не обходит милостями и такую свою

традиционную вотчину, как бытовая радиоаппаратура. Речь идет прежде всего о „компакт-диске“, который сегодня стремительно теснит обычную пластинку, а значит, и обычный проигрыватель: ничего особенного — на покрытый слоем металла пластиковый кружок нанесена комбинация из микроскопических черточек — понятная компьютеру запись звуков. А считывает ее луч лазера. А дальше, как говорится, голая техника» (1986, № 22); «Предстоит также освоить выпуск новых акустических систем ...лазерно-цифрового проигрывателя для компакт-дисков» (1986, № 9).

По происхождению это слово является заимствованием (англ. compact disk).

С. И. Алаторцева,
кандидат филологических наук,
Ленинград

Л. К. Чельцова,
кандидат филологических наук

«Уважаемая редакция,— обращаются к нам сотрудники одного из учреждений г. Горького.— У нас возникают споры по поводу написания *Вы* и *вы*, и мы не всегда можем их разрешить. Объясните, пожалуйста, когда нужно употреблять большую (прописную) букву, а когда маленькую (строчную)».

В современном письме прописную букву в местоимениях *Вы* и *Ваш* принято использовать при вежливом обращении к одному лицу (см.: Розенталь Д. Э. Прописная или строчная? М., 1984; Справочная книга редактора и корректора. Сост. и общая редакция А. Э. Мильчина. 2-е изд. М., 1985). Однако ее применение свойственно не всем типам письменной речи: например, такую форму вежливости не используют в художественной литературе (обращения в поэзии, диалоги в пьесах и т. д.).

Наиболее последовательно прописная буква в местоимениях *Вы* и *Ваш* пишется в официально-деловых документах. Такие документы многочисленны и различны по форме — это письма, телеграммы, заявления, заявки, обращения, ноты, меморандумы и т. д. и т. п. Они носят строго кодифицированный характер: предписаны определенные правила оформления бумаг, расположения в них материала, применения формулировок-шаблонов, формул обращения, способов выражения вежливости и т. п. При

обращении к одному лицу употребление прописной буквы в местоимениях *Вы* и *Ваш* является обязательным: Согласно *Вашей* просьбе., Направляю *Вам* для исполнения., В ответ на *Ваш* запрос., Вверенный *Вам* институт., Сообщаем *Вам*., Поздравляем *Вас*... и т. п. Такое употребление рекомендуется в учебных пособиях по деловой речи (см., например: Демидова А. К., Смирнов Э. А. Русская коммерческая корреспонденция. М., 1985).

Прописная буква употребляется и в деловых бумагах, которые осуществляют связь между отдельными учреждениями или между учреждениями и частными лицами, а также в текстах адресов, поздравлений, реклам, объявлений и т. п.: «Уважаемый тов. А. П. Сергеев! С благодарностью подтверждаем получение Вашего письма и сообщаем, что по интересующему Вас вопросу мы запросили наши компетентные организации. Результаты рассмотрения мы сообщим Вам дополнительно» (пример взят из книги А. К. Демидовой и Э. А. Смирнова); «Межконтинентальный лайнер Ил-62 доставит Вас из Нью-Йорка в Москву всего за девять с половиной часов, из Вашингтона — за десять. Комфорт и традиционное русское гостеприимство сделают Ваш полет приятным» (рекламное объявление // Новое время. 1986. № 35); «Уважаемый товарищ! Просим Вас своевременно забирать готовые вещи из чистки» (из объявления в химчистке).

Однако и в деловой переписке есть случаи, когда употребление прописной буквы можно считать ошибочным. Например: «Уважаемые товарищи! В соответствии с подписанным дополнительным Протоколом на 1977 год направляем Вам для подписания контракты...» (из книги А. К. Демидовой и Э. А. Смирнова); «Дорогие товарищи! Горячо поздравляем Вас с Днем советской науки. Желаем Вам доброго здоровья, больших творческих успехов в научной, педагогической и общественной деятельности» (из календарного плана Дома ученых АН СССР. 1986, апр.) В случаях, подобных указанному, когда в тексте имеется обращение к группе лиц, к редакции, дирекции и т. п., следует использовать написание со строчной буквы: «Дорогие товарищи, просим вас., поздравляем вас», «Уважаемая редакция, обращаемся к вам с просьбой...»

Личная переписка допускает гораздо больше свободы в выборе языковых средств, а также и в оформлении текста. Степень близости — отдаленности отношений в личной переписке, как правило, выражается в форме обращения — на «ты» или на «вы». Если корреспонденты друг с другом на «вы», то это обращение обычно пишется с прописной буквы: «Милый, хороший Боря! Огромное спасибо Вам за Ваши чудесные письма. Ваше большое

письмо я и сама перечитывала много раз и читала его вслух друзьям. Дай бог Вам, всем нашим героям сил, здоровья и дальнейших побед» (Пашенная В. Письмо Б. Эрину. 1944. 21 янв.); «Дорогой Георгий Константинович! От всей души поздравляю Вас со славным днем Вашего семидесятилетия. Людям моего поколения, бывшим свидетелями Вашей военной деятельности, никогда не забыть того, как много Вы сделали для Родины в годы такого тяжелейшего за всю нашу историю испытания, как Великая Отечественная война» (Симонов К. Письмо Г. К. Жукову. 1966. 30 ноября). Свидетельством того, что прописная буква в письмах оценивается как характерная черта этого жанра, является использование ее в фельетоне, написанном как личное письмо: «Уважаемая Валентина Ивановна! Скажу сразу: Вы правы. В деле насыщения галантерейного рынка корсетными изделиями высокого качества мой фельетон „Дарите любимым тюльпаны!“ оказался, говоря Вашими словами, яловой коровой» (Известия. 1986. 6 дек.).

Естественно, что требования к личной переписке не могут быть такими же жесткими, как к официально-деловой. В личных письмах может отражаться характер отношений корреспондентов, «личная» орфография автора письма. Поэтому в личных письмах, наряду с написанием *Вы* и *Ваш* с прописной буквы, возможно и написание со строчной. Если пишущий связан с адресатом деловыми отношениями или недостаточно близок к нему, то предпочтительно написать *Вы* и *Ваш* с прописной буквы, если же адресат — близкий, родной человек, то вполне возможно писать обращение *вы* со строчной.

В интервью, напечатанных в газетах и журналах, как правило, пишется строчная буква, подобно диалогам художественной литературы. Однако при изложении бесед на высшем уровне печать использует написание с прописной: «*У. Айтматов*. В развитие сказанного Вами, еще раз хочу вернуться к тому, что именно побудило нас собраться. Одной из причин явилось Ваше Заявление от 15 января 1986 года... *А. Кинг*. И задача группы состоит в том, чтобы подобная ассимиляция идей произошла с Вашей помощью, с помощью Ваших коллег, возглавляющих правительство. Мы высоко ценим Вашу открытость, то, что Вы пригласили нас сюда» (из беседы М. С. Горбачева с участниками «Иссык-Кульского форума» // Коммунист. 1986. № 16).

Особый вид письменного обращения к читателю представляют собой анкеты. В них местоимения *Вы* и *Ваш* пишут и с прописной, и со строчной: «Если Вас заинтересовал наш материал и Вы хотели бы продолжить разговор на тему личного счастья,

семьи, одиночества, то просим Вас ответить на несколько вопросов анкеты. — Связываете ли Вы время вступления в брак с какими-нибудь определенными обстоятельствами жизни: окончанием института, получением жилья, повышением зарплаты?» (из анкеты в журн. «Сельская молодежь». 1986. № 9); или: «— Часто ли вы нуждаетесь в друзьях, которые вас понимают, могут ободрить или утешить? — Задумываетесь ли вы перед тем, как что-нибудь предпринять? — Часто ли у вас бывают спады и подъемы настроения?» (из анкеты в журн. «Наука и жизнь». 1986. № 10).

Очевидно, что единообразного написания в анкетах нет, и выбор прописной или строчной буквы определяется различными факторами: характером анкеты, ее адресатом и т. п. (в анкетах возможно обращение и на «ты»).

Итак, рассмотрение некоторых случаев употребления прописной или строчной буквы в местоимениях *вы* и *ваш* (не учитывались, естественно, поэтические тексты, в которых поэт обладает полной свободой выбора) позволяет сделать следующие выводы: в официально-деловых документах при вежливом обращении к одному лицу местоимения *Вы* и *Ваш* пишутся с прописной буквы; в остальных случаях (личная переписка, интервью, анкеты и т. п.) в зависимости от ряда факторов (характер адресата, близость — отдаленность отношений и т. п.) возможно использование и прописной, и строчной буквы.

Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Откуда пришло в русский язык выражение *притча во языцех* и что оно означает?»

Б. Ф. Марцыщенко, Харьков

Притча во языцех в современном русском языке значит: то, о чем все говорят, предмет пересудов. Это выражение заимствовано из старославянского языка, из текста Библии. Слово *притча* имело первоначальное значение «случай», которое перешло в значение «рассказ о каком-либо случае». *Во языцех* — форма местного падежа множественного числа существительного *язык*. Слово *язык* здесь употреблялось в значении «народ, племя». Таким образом, *притча во языцех* буквально — «притча, известная у разных народов» (См. Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., 1987).

Л. А. Булаховский — ученый и педагог

М. П. Кочерган,
доктор филологических наук

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося советского языковеда, специалиста по русскому, украинскому, славянскому и общему языкознанию, первого председателя Украинского комитета славистов, действительного члена АН УССР и члена-корреспондента АН СССР Л. А. Булаховского.

Леонид Арсеньевич Булаховский родился 14 апреля 1888 года в Харькове в семье мастера-механика. Учился в гимназии, затем в Харьковском университете, который окончил в 1910 году с золотой медалью (присуждена за научную работу «Вопрос о Зеленогорской и Кралецкой рукописи»).

Харьковский университет в то время был одним из крупнейших научных центров страны. Традиции основоположника Харьковской лингвистической школы А. А. Потебни развивали работавшие в университете известные ученые-филологи Д. Н. Овсяннико-Куликовский, М. С. Дринов, Н. Ф. Сумцов, С. М. Кульбакин, Г. А. Ильинский, Я. М. Эндзелин и др. В 1916 году Л. А. Булаховский

сдал магистерские экзамены в Петроградском университете (среди принимавших экзамен был А. А. Шахматов), после чего работал приват-доцентом Харьковского, затем профессором Пермского университета, а с 1931-го вся его научная деятельность связана с Украиной: он преподавал на рабфаке и различных курсах в Харькове, заведовал кафедрой русского языка в университете, кафедрой украинского языка, затем славистики — в Киевском университете и одновременно с 1944 года до конца жизни возглавлял Институт языковедения имени А. А. Потебни АН УССР. В 1939 году Л. А. Булаховский был избран академиком АН УССР, а в 1946-м — членом-корреспондентом АН СССР.

Л. А. Булаховский — языковед широкого профиля: в поле зрения его интересов были вопросы истории и теории языкознания; фонетика и лексика, морфология и синтаксис, стилистика и история русского, украинского и других славянских языков, методика препода-

вания языков, в частности вопросы параллельного обучения русскому и украинскому языкам в школах Украины. Для трудов ученого характерен синтез истории, языкознания и литературоведения. Он написал около 400 научных работ; первый печатный труд «К вопросу славянского количества и ударения» появился в 1910 году, когда Л. А. Булаховский был еще студентом.

В журнальной статье нет возможности осветить всю его многогранную деятельность, поэтому остановимся на наиболее крупных работах ученого (см. также: Русская речь. 1968. № 4).

«Курс русского литературного языка» Л. А. Булаховского (V изд. 1952) является первым в СССР учебником по русскому языку, соответствующим вузовской программе, и вместе с тем оригинальным трудом как по

способу изложения, так и по повизне трактовки проблемных вопросов и по представленному в нем материалу. Впервые в вузовской практике здесь введен раздел лексики, выделено в отдельную главу словообразование, приводится обильный материал по ударению разных частей речи, в разделе о синтаксисе излагается учение о сверхфразовых единствах. Можно сказать, что именно Л. А. Булаховский заложил основы синтаксиса связной речи, раздела языкознания, ставшего сейчас таким актуальным. Высокий научный уровень в сочетании с доступностью изложения, богатство иллюстраций сделали этот труд на протяжении более чем двух десятилетий настольной книгой всех, кто интересовался вопросами русского языка. Многие идеи Л. А. Булаховского, изложенные в «Курсе русского литературного языка», продолжают жить в вузовских учебниках и сегодня.

«Исторический комментарий к русскому литературному языку» Л. А. Булаховского (V изд. 1958), являющийся пособием по исторической грамматике русского языка, оригинален тем, что автор избрал ретроспективный способ анализа языковых явлений: факты современного русского языка получают свое объяснение в близком и далеком прошлом. По сравнению с подобными пособиями, изданными ранее,

здесь включены разделы по словообразованию, акцентологии и синтаксису. «Исторический комментарий» способствовал уяснению исторического развития русского языка, осмыслению закономерностей развития всех сторон языковой структуры. Академик В. И. Боровский в статье о Л. А. Булаховском отметил, что эта книга сохранила свою ценность, «несмотря на то, что после 1958 г. по исторической грамматике русского языка появились учебные пособия других авторов» (Русский язык за рубежом. 1972. № 3).

«Русский литературный язык первой половины XIX века» в двух томах (II изд. 1954—1957) Л. А. Булаховского — серьезное исследование стилистических средств (лексических, фонетических, морфологических и синтаксических) разных жанров русского литературного языка. 113 страниц книги посвящены ударению. В то время такого большого и интересно представленного материала по ударению, пожалуй, не было (см.: Русский язык в школе. 1968. № 6). Этот труд способствовал формированию курса русского литературного языка как отдельной научной дисциплины.

Л. А. Булаховский занимался также исследованием языка выдающегося памятника древнерусской литературы «Слова о полку Игореве», посвятив ему

шесть статей. В них убедительно доказано, что этот шедевр восточнославянской культуры написан в XII веке. Интересными и сохраняющими свою ценность и в настоящее время являются хорошо аргументированные объяснения темных мест в «Слове».

Серию статей посвятил Л. А. Булаховский изучению русской лексики и явлению деэтимологизации, то есть утрате словом смысловой связи с производящей основой, забвению внутренней формы слова. Автор проанализировано большое количество существительных (например: *булавка, вилка, латка, коньки, блюдо, крыльцо, деревня* и др.), прилагательных (*голубой, червонный, горячий, подлинный, точный*), глаголов (*верстать, волновать — волноваться, красить, остепениться, посвятить — посвящать*) и других частей речи. Эти работы представляют большой научный интерес для исследований исторической лексикологии. Вопросы усовершенствования русской орфографии и пунктуации представлены в журнале «Русский язык в школе» статьями «К реформе русской пунктуации» (1930. № 4) и «Заметки по вопросу об усовершенствовании русского правописания» (1954. № 6).

Труды Л. А. Булаховского в области изучения украинского

языка занимают особое место в мировой украинистике. Ученый посвятил этим вопросам многие работы по лексике, морфологии, синтаксису, стилистике, акцентологии, орфографии, пунктуации, исторической грамматике и истории литературного языка. Часто на материале украинского языка Л. А. Булаховский решал общевосточнославянские, а иногда и общеславянские проблемы. Его «Питання походження української мови» (Вопросы происхождения украинского языка. 1956), отличающиеся энциклопедичностью сведений, до сих пор считаются самым солидным и надежным источником по данной теме. Двухтомный «Курс сучасної української літературної мови» (Курс современного украинского литературного языка. 1954) под редакцией и с участием Л. А. Булаховского, исследование языка украинских писателей-классиков (Т. Г. Шевченко, М. Ф. Рильского и др.) дали основание считать ученого создателем лингвистической школы истории литературного языка и лингвостилистики на Украине.

Л. А. Булаховский исследовал и другие славянские языки: польский, чешский, болгарский, сербохорватский, словенский и македонский. Широкое признание получили такие его работы, как «О некоторых вопросах и задачах изучения славянских языков», «К исто-

рии взаимоотношений славянских литературных языков», «Исследование в области грамматической аналогии и родственных явлений в славянских языках», «Общеславянские наименования птиц» и серия публикаций по акцентологии польского, чешского, болгарского и др. языков. Л. А. Булаховский «завершил построение традиционной славянской акцентологической концепции...» (Иллич-Свитыч В. М. Сравнительная грамматика славянских языков. — Советское языкознание за 50 лет. М., 1967). Применяя сравнительно-исторический метод, он стремился охватить языковые явления всесторонне, во всей их сложности.

Большой популярностью среди студентов-филологов и преподавателей пользовались его учебники «Введение в языкознание» (II изд. 1954) и «Нариси з загального мовознавства» (Очерки по общему языкознанию. II изд. 1959). Тонко ощущая запросы времени, ученый-теоретик не пренебрегал и чисто практическими проблемами преподавания языка. В 20—30-е годы, когда только лишь начиналось становление советской методической науки, он опубликовал ряд статей, лекций, программ и разработок по методике преподавания русского и украинского языков, принимал участие в написании

учебников по русскому и украинскому языкам для школ и различных курсов.

Функциональный подход при изучении языковых фактов, рекомендуемый Л. А. Булаховским, созвучен методической мысли наших дней. Главное при изучении грамматики, утверждал ученый, раскрыть содержание, функцию грамматического правила в речи. По мнению члена-корреспондента АН СССР С. Г. Бархударова, для нас у Булаховского особенно ценен «общий научный подход к методическим вопросам: широкий, лингвистически обоснованный взгляд на проблемы, пытливое искание нового, живого, нетрафаретного» (Русский язык в школе. 1962. № 2).

Л. А. Булаховский отличался исключительным трудолюбием. Значительная часть его исследований не опубликована: архив рукописей насчитывает 18 тысяч страниц. После смерти ученого (скончался Л. А. Булаховский 4 апреля 1961 г.) вышло пятитомное издание его

«Избранных трудов» (1975–1983) в украинском академическом издательстве «Наукова думка», куда включены лишь некоторые из неопубликованных работ и важнейшие статьи, напечатанные ранее в разных журналах и сборниках (не вошли учебники, большие книги, труды по методике преподавания языка).

У Л. А. Булаховского было много учеников, среди них известные лингвисты: академик И. К. Белодед, член-корреспондент АН СССР А. С. Мельничук, профессор А. А. Белецкий и другие. Вся жизнь Л. А. Булаховского — пример самоотверженного служения науке. Ученый был глубоко убежден, что наука о языке вносит достойный вклад в сокровищницу духовных ценностей человечества.

Ивано-Франковск

Рисунок С. Жагина

Из научного наследия

Предлагаем вниманию читателей главу «Энантисемиа» (с некоторыми сокращениями) из книги «Нариси з загального мовознавства» (Очерки по общему языкознанию) Л. А. Булаховского. Книга была опубликована на украинском языке (Киев: Радянська школа. I изд. 1955; II изд. 1959). На русский язык текст перевел М. П. Кочерган.

Энантисемиа

Развитие противоположных значений

Значения могут изменяться в языке к прямой своей противоположности. В стилистическом аспекте это мы встречаем в широко распространенных явлениях иронии, то есть насмешливого употребления слов или выражений положительного значения — в противоположном понимании. Это такие выражения, как укр. *гарненька історія!*, русск. *хорош голубчик!*, *хорош!* и т. п.

Русское *честить* первоначально обозначало «оказывать честь, чествовать». Так оно еще иногда употреблялось в первой четверти XIX века. Но рядом уже выступает в том единственном значении, которое оно приобрело после, — «отчитывать, срамить»; ср. и промежуточный оттенок «обращаться»: «Не очень вежливо честил свой гурт гусиной...» (Крылов. Гуси)...

Слово *пресловутый*, первоначально обозначавшее «прославленный» (ср. еще у Ф. И. Тютчева: «Там, где горы, убегая, В светлой тянутся дали, Пресловутого Дуная Льются вечные струи...»), теперь у нас употребляется только в значении пейоративном — насмешливо-отрицательном — «имеющий известную плохую репутацию».

Хваленый (исторически — причастие прошедшего времени, страдательное, от глагола *хвалить*) теперь обозначает только «незаслуженно расхваливаемый»; ср.: «...Так вот хваленый ум его И к смерти гордое презренье» (П. Якубович. Сократ).

Принципиально явление того же порядка имеем и при смягчении иронии — добродушной шутке.

Другой вид намеренного переключения значения в его противоположность представляют случаи употребления отрицательных наименований как ласкательных. «*Ах ты, разбойник!*» — говорит, например, мать шаловливому мальчику, резвость которого ей приятна.

Однако явления превращения значений в противоположные (энантиосемия) известны не только как факт нарочитого употребления их с противоположной оценкой или эмоциональной окраской; слово может приобрести противоположное значение и по смыслу, принадлежащему ему в постоянном, прямом, точном употреблении. Так..., слово *бесценный* «очень дорогой» и *бесценный* «не имеющий никакой цены» (устар.); в русском литературном языке первой половины XIX века *презрительный* «гадкий, противный, мерзкий» и современное *презрительный* «относящийся с презрением» и т. п.

С определенной условностью к явлениям этого порядка можно отнести и следующее. В ряде случаев наблюдается, как слова, обозначавшие вначале уверенность, заверение, точность, со временем начинают обозначать ослабление первичного смысла и становятся носителями значений вероятности, приблизительности, неуверенности. На это указывает, например, история слов: *навверное* (теперь значит «вероятно; может быть»), *почти* (сначала — «сосчитай»; ср. областное *почитай* с тем же значением приблизительности); *должно быть* «вероятно», укр. *мабуť* (буквально «имеет быть, должно быть»); ср. также союз *точно* (обл. *ровно*) со значением «как, подобно тому как, будто».

Чем вызвана возможность сдвига значений, которые в конечном итоге становятся противоположными? Здесь прежде всего приходится принимать во внимание природу чувств, способных по-разному окрашивать те же самые или близкие представления в зависимости от установки, которую получает слово в своем употреблении. Ласковость, симпатия могут находить свое выражение в шутливом применении и бранных слов, употребленных в соответствующем контексте и с соответствующей интонацией; прочно отложиться может ироническое употребление слова; сдвиг значения до его противоположности может быть вызван эмоциональностью выражения и т. п. *Бедовый* (разг.) «бойкий, смелый», первично связанное с «бедой, несчастьем», приобрело значение положительной окраски — молодцеватости, удали и т. п. Русск. *лихой* «приносящий беду, злой» (устарелое фольклорное) — укр. *лиха година*, русск. *на лихой конец*, др.-русское *лихие люди* «преступники» — приобрело в применении к всадникам положительное значение «молодцеватый, отважный, удалой»; напр.: «Приготовь же, Дон за-

ветный, Для наездников лихих Сок кипучий, искрометный Виноградников твоих» (Пушкин. Дон).

Противоположные значения могут стать конечным результатом развития какого-либо третьего, промежуточного значения, недостаточно определенного самого по себе и допускающего в тех или других контекстах разные смысловые оттенки, которые позже превратились в стойкие представления (понятия). Укр. *уродливий*, *уродлива*, польск. *urodliwy*, *urodliwa* имеют значения, противоположные русским *уродлив*, *уродливый*, *уродливая*. Этимологическое, исходное значение слова — «родившийся», но оно не было тем положительным или отрицательным значением, которое позже развилось из первичного...

Уроженцы Украины, говорящие по-русски, обычно и сейчас, подобно Н. В. Гоголю, не различают в слове *занимать* значений «одалживать кому» и «брать у кого-либо в долг» (укр. *позичати* обозначает и то, и другое), и смысл, который имеет в виду говорящий, обнаруживается только в синтаксической конструкции: *кому и у кого...*

Иногда дает о себе знать наличие в языке энантиосемических фактов. В русском языке первой четверти XIX столетия это имело место, например, относительно слова *должник*. В понимании «кредитор, заимодавец» его употребляли, например, К. Н. Батюшков в «Переводе 1-й сатиры Буало» (приблизительно 1805 г.); А. С. Грибоедов — в «Горе от ума» (1825 г.). Такие случаи, впрочем, как явно опасные для точности мысли, обычно держатся в языках недолго и быстро устраняются из них — одно из противоположных значений исчезает из употребления...

Очень много энантиосемических фактов дают слова, значения которых зависят от префиксации, поскольку некоторые приставки лишены достаточной выразительности значения, и образованные с ними слова в своем развитии могут легко претерпеть сравнительно значительные изменения направления смысла. Чаще других случаев противоположное направление значений наблюдается с приставкой *за-*. Так, техническое выражение *задуť домну* значит «разжечь домну», тогда как обычное *задуť*, например, в сочетании с *лампю*, *свечку*, обозначает «потушить»; слово *заговорить* может иметь значения: 1) «начать говорить» и 2) «утомить многословными разговорами». Ср. еще функцию приставки *про-*: *просмотреть* — 1) «ознакомиться с чем-либо, быстро читать» и 2) «смотря, не заметить, пропустить»...

Таким образом, элементы энантиосемичности заложены в особенностях применения слова.

Мой путь в науке

В марте 1988 года известному ученому-языковеду, члену-корреспонденту АН СССР Федоту Петровичу Филину исполнилось бы 80 лет. На страницах «Русской речи» неоднократно печатались его статьи. Читателям журнала также знакома и публикация о жизненном и творческом пути Ф. П. Филина (см.: Русская речь, 1983, № 2).

Ф. П. Филин известен как автор монументальных трудов по истории и диалектологии русского языка. Важное место в работе ученого занимали проблемы этногенеза и языковой истории древних славян, теория и практика исторической (диалектной) и современной русской лексикографии, создание словарей. Под его руководством завершилось издание академического «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах, было начато и успешно продвигалось издание сводного «Словаря русских народных говоров», более богатого по материалу, чем знаменитый Словарь В. И. Даля. Масштаб этих лингвистических предприятий говорит сам за себя.

Ф. П. Филин разрабатывал вопросы не только русского и славянского, но и общего языкознания. Значительный интерес представляет одна из его последних книг — «Очерки по теории языкознания» (1982), где проводится принцип последовательного и конкретного историзма по отношению к словарному составу языка. Как один из руководителей отечественной науки о русском языке, Ф. П. Филин находился в центре борьбы идей и направлений в нашем языкознании.

Мы впервые публикуем воспоминания Ф. П. Филина, с которыми он выступил в 1975 году перед молодыми сотрудниками и аспирантами Института русского языка АН СССР. Ученый был директором этого Института с 1968 года до последнего дня жизни.

Я начинал свой лингвистический путь здесь, в Москве. Было такое учреждение: II Московский государственный университет, отличавшийся от I Московского государственного

университета, потом реформированный, уже после того, как я его закончил, на три учреждения: II Медицинский институт, Химико-фармацевтический институт и Педагогический ин-

ститут имени В. И. Ленина. Главное здание Пединститута известно, на Новодевичьем поле, а наше отделение русского языка и литературы помещалось вот тут недалеко, в Курсовом переулке, за бассейном [имеется в виду бассейн «Москва», напротив которого расположено здание Института русского языка АН СССР и ОЛЯ АН СССР], в старинном трехэтажном здании, где я и приобщился к науке о языке.

Это был конец 20-х годов. В то время зарождалась и формировалась Московская фонологическая школа. В Москве были прекрасные кадры ученых, педагогов. Назову некоторых из них: это А. М. Пешковский, лекции которого мне приходилось слушать, Д. Н. Ушаков, А. М. Селищев, это недавно скончавшийся кавказовед профессор Н. Ф. Яковлев, профессор Л. И. Жирков (тюрколог), это член-корреспондент АН СССР Н. М. Каринский, профессор М. Н. Петерсон, юный в те годы профессор Г. О. Винокур, начинающие Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров и некоторые известные вам фамилии, в те времена — молодые ученые. Мне пришлось учиться прежде всего на этом отделении у Н. М. Каринского, ученика академика А. И. Соболевского, у профессора М. Н. Петерсона. У первого я познавал начатки истории русского языка и диалектологии и сравнительного славянского исторического язы-

кознания. Второму, Михаилу Николаевичу Петерсону, я чрезвычайно признателен тем, что он своим строгим методом и тренировкой обучил меня владеть фонетической транскрипцией, что потом, в дальнейшем, очень пригодилось.

Кроме этих педагогов, были и другие, которые также оказывали на наше поколение серьезное воздействие: литературоведы, такие, как фольклористы братья Соколовы, Н. К. Гудзий, член-корреспондент АН СССР Н. К. Пиксанов и многие другие. А напротив, на Берсеневской набережной, в старинном московском здании помещался Институт народов Востока, куда часто приезжал проводить семинары с аспирантами и сотрудниками академик Н. Я. Марр.

Два года я посещал эти семинары. И после окончания университета Н. Я. Марр дал мне характеристику, рекомендацию для поступления в аспирантуру Яфетического института Академии наук СССР в Ленинграде (само наименование какое: Яфетический институт — так он тогда назывался). Впрочем, иначе я поступить и не мог. В 1931 году положение было такое, что в Москве по лингвистике аспирантуры не существовало. Совсем. Вся аспирантура находилась в Ленинграде. Там был центр, там была Академия наук СССР. И я, естественно, воспользовался рекомендацией академика Н. Я.

Марра и поехал в Ленинград, где (об этом я буду говорить) встретился со своими молодыми товарищами и друзьями, из которых уже многих нет в живых (но есть и ныне живущие). Это была первая аспирантура вообще в Академии наук, которая началась в 1929 году.

С. Г. Бархударов, аспирант поступления 1929 года (я немного позже поступил в аспирантуру), В. Н. Ярцева, С. Д. Кацнельсон, М. М. Гухман, Р. А. Будагов, В. И. Абаев... Тогдашние молодые, юное поколение лингвистов. В Ленинграде были сконцентрированы очень большие лингвистические, филологические силы. Прежде всего, сам директор Института — Николай Яковлевич Марр.

Что нас, молодежь того времени, привлекало к этому ученому? Н. Я. Марр был фигурой исключительной. Сын шотландца, переехавшего в Россию в XIX веке, и грузинки, он с юных лет оказался в разноязычной среде. И уже в гимназии проявил исключительные способности к изучению различных языков. Когда я его знал, он владел примерно 60—70-ю языками. И не только теоретически. При нас он свободно переходил (приезжали иностранные ученые) с турецкого на персидский, с персидского на армянский. Не говоря уже о западноевропейских языках, которыми он владел, как русским

языком. Но дело не в его полиглотизме. Знаний у нас тогда было очень немного. Нас привлекал гигантский масштаб его идей.

Какую задачу он перед собой поставил? А также и перед нами? Традиционное сравнительно-историческое индоевропейское языкознание ограничивалось, да, впрочем, и теперь ограничивается изучением небольшого в истории человечества среза языкового — 4—5 тысяч лет. Для истории человека это очень немного. Тогда, во времена Марра, считалось, что человек, человеческое общество существует примерно миллион лет. Теперь, по данным современной антропологии, выясняется нечто другое: предки человека, их останки, которые находим в Африке сейчас, насчитывают уже 2,5—3 миллиона лет.

И вот стал вопрос, вечный вопрос лингвистики: когда, с какого времени начинается язык. Н. Я. Марр попробовал дать общую картину развития языков мира, начиная от самого становления человеческого общества до нашего времени (по тогдашним временам миллион лет). С его точки зрения, все началось с кинетической ручной речи. Затем появились звуковые языки. Их было множество. Они проходили определенные стадии развития, пока не дошли до теперешнего состояния. Это было необычайно увлекательно. Такая идея, кстати говоря, сохраняет свою силу и будет сохранять ее долго, потому что, несмотря на бесконечное разнообразие и специфику каждого языка, между языками всего мира есть нечто общее — какие этапы они проходили.

Чем это все кончилось — вы знаете. Попытка Н. Я. Марра была неудачной, потерпела крах. Средства, которыми он пытался достичь своей цели, оказались непригодными. Но так или иначе воздействие его идей было на нас, молодежь, и на многих немолодых тогда людей очень значительным. Чтобы мы не ограничивались рамками своих языков, нам, тогдашним аспирантам (аспирантура тогда была не три, а пять лет), предлагали изучать и языки неродственных систем. Мне, в частности, достались грузинский язык и суоми [фин-

ский]. Когда-то я изучал их, теперь забыл, хотя какие-то представления, элементы остались. Когда я ездил отдыхать в Эстонию несколько лет, то довольно быстро научился понимать [финский, эстонский], обмениваться мнениями, разговаривать. Что-то осталось. Другие аспиранты брали другие языки. Это считалось принципиальным: брать языки других семей или, как тогда называлось, систем.

Кроме Н. Я. Марра, в Ленинграде был чрезвычайно мощный коллектив ученых, академиков. В 1931 году Академия наук по сравнению с теперешней Академией была маленькой. Всего было около 80 действительных членов Академии наук, из них свыше 20 филологов. Вот таково было соотношение. Очень мощной, сильной была группа филологов в широком смысле слова и языковедов-восточников, востоковедов. Я назову некоторые фамилии, но, вероятно, не всех сейчас вспомню. Это академик И. Ю. Крачковский, Б. Я. Владимирцов, П. К. Коковцов; замечательнейший филолог, специалист по буддизму, Ф. И. Щербатской, индолог А. П. Баранников, китаист В. М. Алексеев и ряд других.

Классические языки были представлены академиками С. А. Жебелёвым, И. И. Толстым. Романо-германские языки — академиком В. Ф. Шипма-

ревым, членом-корреспондентом АН СССР В. М. Жирмунским, который впоследствии стал также академиком. Славянская филология была представлена академиками Б. М. Ляпуновым, которому во многом я очень признателен и обязан, С. П. Обнорским, Л. В. Щербой, Н. С. Державиным. Видите, сколько я вам называю фамилий... Это люди, с которыми мы были вместе.

Коллектив небольшой (в Институте было всего человек 60—70), но вот из каких сотрудников он состоял. И мы, небольшая группа аспирантов, — среди них. Кстати говоря, в 1931 году, насколько я помню, в Академии наук СССР по всем специальностям было 180 аспирантов: по естественным, техническим, всем, всем, всем — целиком.

Крупные ученые выступали с докладами, с лекциями, и, таким образом, в очень сложной, я бы сказал, противоречивой обстановке формировалось наше лингвистическое сознание. Я не назвал Ивана Ивановича Мещанинова. Он потом, после Н. Я. Марра, стал директором Института. Тоже оказывал воздействие на формирование нашего мировоззрения.

У меня было два научных руководителя. По общему языкознанию — Н. Я. Марр, по русскому языку — С. П. Обнорский. Ученые не очень соединимые, но, как говорится, из песни сло-

ва не выкинешь. Так было. Занятия также проводил И. И. Мещанинов. Специальный семинар, собиравшийся каждую неделю один раз. Причем очень характерным для метода преподавания, скажем, С. П. Обнорского было то, как он к нам подходил. К кому это, к нам? Нас всего было два аспирантура-русиста. Это я и Иван Кириллович Зборовский, фамилия малоизвестная, вам ни о чем не говорящая. С. П. Обнорский не давал нам никаких вступительных лекций, а делал следующее. Он брал шахматовское издание Северодвинских грамот XIV—XV веков и предлагал: «К такому-то сроку вот эту грамоту, пожалуйста, напишите так, как будто она была в XI веке. И объясните, почему Вы так считаете, эта грамота могла бы быть написана в XI веке». Прежде всего, конечно, в фонетико-морфологическом отношении, синтаксис и лексика не затрагивались. Сначала это было чрезвычайно трудно и получалось плохо. А потом стало постепенно получаться. Тут познавалась фактическая сторона истории русского языка и русской диалектологии. Не умозрительно, а вот так: сам должен сделать. Я считаю, что это было очень хорошей школой. И я очень благодарен Сергею Петровичу Обнорскому, основателю нашего Института, его первому директору, моему учителю.

Б. М. Ляпунов вел занятия

очень своеобразно. Мы с ним читали два года Остромирово евангелие. Читали, разбирали. Правда, больше он сам делал комментарии, чем мы. И за эти два года мы не продвинулись далее трех страниц, хотя занятия были очень частыми. Борис Михайлович был человеком необычайных, энциклопедических знаний в области славистики. На память — гигантское количество библиографии, всякого рода изданий, все, что связано с возникновением письменности, с возникновением евангелий, с редакциями разного рода евангелий и т. д., и т. п. Так что если мы проходили с ним 2—3 строки текста в одно занятие, это было очень хорошо.

Были и другие сотрудники, которые оказывали на нас серьезное влияние. Это в те времена совсем еще молодые профессора В. В. Виноградов, Л. П. Якубинский, Б. А. Ларин. Думаю, русистам нечего пояснять эти фамилии, что они собой представляют. Мы были вовлечены непосредственно и тесно в самую жизнь Института, в те проблемы, которые вставали в то время. На наших глазах развернулась, в частности, острая, оживленная дискуссия об истоках, происхождении русского литературного языка. С. П. Обнорский свой доклад о языке Русской Правды, который он опубликовал в 1934 году, сначала прочитал на общем собрании Института языка и мышле-

ния (так стал называться Яфетический институт). И этот доклад уже тогда выявил все те разногласия, которые по этому вопросу существуют и теперь. Были сторонники Сергея Петровича, прежде всего Л. П. Якубинский, с некоторыми вариациями, правда. Были и противники точки зрения С. П. Обнорского, во главе которых стоял Л. В. Щерба, придерживавшийся шахматовской концепции, считая ее важной и убедительной, а доводы Сергея Петровича убедительными не считал. Дискуссии эти проходили несколько дней. Потом они затухали, вновь вспыхивали. В конечном счете в 1946 году вышла книга С. П. Обнорского «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода», которая получила Государственную премию.

В 1935 году впервые возникла мысль о лингвистическом атласе русского языка. Инициатором этой мысли был ваш покорный слуга, тогда еще аспирант, хотя я уже защитил диссертацию. (Получилась такая вот, очень интересная вещь. За два с половиной года я написал диссертацию, защитил ее. И еще два с половиной года после этого находился в аспирантуре. Потом уже перешел в разряд старших научных сотрудников.) Сначала эта мысль была очень горячо поддержана: и Л. В. Щербой, и С. П. Обнорским, и Б. М. Ля-

пуновым, и В. И. Чернышевым, который тоже работал в нашем коллективе, и В. М. Жирмунским, одним из первых наших лингвогеографов, и Д. В. Бубрихом (известным финноугроведом), работавшим у нас. Была подготовлена чрезвычайно обширная программа, анкета. Значительно больше той, которая известна вам, по которой вы работаете. Программа собирания сведений... Она состояла из нескольких тысяч пунктов. Но когда мы ее опробовали на практике, то убедились в том, что если работать по этой обширной программе, то нам нужны, вероятно, многие-многие десятилетия, чтобы завершить эту работу. Если не больше. Сил вообще не хватило бы. После наступила реакция на это. И был составлен известный вопросник Института языка и мышления, очень сокращенный вариант, по которому предполагалось подготовить атлас в сравнительно короткие сроки. Атлас типа того, который сейчас закончен публикацией в Польше, Малый атлас gwag польских, — по небольшой программе, но он тоже все равно вышел многотомный — 13 томов [1957—1970]. И эта работа по составлению диалектологического атласа русского языка до войны была полностью сосредоточена в Ленинграде. В Москве ее не было.

Военный период. 22 июля 1941 года началась война.

В первый же день я как секретарь партийной организации Института языка и мышления АН СССР ушел добровольцем на фронт. И возвратился в Ленинград в сорок шестом году. В 1944-м, как известно, состоялась Вологодская диалектологическая конференция, на которой была подготовлена теперешняя программа, так как программный вопросник Института был сочтен неудовлетворительным, ввиду отрывочности сведений, которые в нем заключались. Я не знаю, если говорить по существу, кто тут прав, кто виноват. Я еще думаю. Вероятно, вопросник был неудовлетворителен, но все же лучше было бы (я тогда выступал с этой позиции; меня с фронта отпустили на Вологодскую конференцию на несколько дней) составить новую анкету, более ясную, более продуманную, более научно квалифицированную, но тоже краткую, с тем, чтобы охватить всю территорию русского языка и сравнительно быстро подготовить атлас. Эта точка зрения принята не была. Каковы итоги — мы с вами все хорошо знаем. Атлас у нас пока не опубликован, когда он будет опубликован, я не знаю (Диалектологический атлас начал выходить; см.: Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Карты, вып. 1. Фонетика. М., 1986). Вся европейская территория была разделена на один-

надцать томов, одиннадцать участков. Все мы тогда были идеалистами, думали, что все пойдет хорошо. На самом деле оказалось гораздо сложнее...

Послевоенный период вам должен быть более известен. В 1947 году я был назначен заместителем директора Института русского языка АН СССР, а также ученым секретарем Президиума Академии наук СССР, по совместительству. Директор С. П. Обнорский был очень тяжело болен, фактически в работе Института принимать ему [участия] не приходилось. Так что я фактически директором этого учреждения являюсь сейчас второй раз. Перед 1950 годом обстановка в советском языкознании была очень напряженной. Происходила острая борьба мнений. Положения «нового учения о языке», правда, трансформированные, без четырехэлементного анализа, главным образом положения школы И. И. Мещанинова, пытались насаждать и административным путем, что вызвало известные события 1950 года.

Как можно расценивать эти события? Я высказываю свою, личную точку зрения. Думаю, что здесь было много положительного, но были и свои отрицательные моменты. Положительными были две вещи. Во-первых, была показана методологическая несостоятельность «нового учения о языке». И оно было, так сказать, выве-

дено из строя действующих теорий и перешло в историю языкознания. Положительным было также то, что было восстановлено в правах сравнительно-историческое языкознание, которое было в то время в загоне. Это очень большое положительное явление.

Что было отрицательного? Это то, что та большая работа, которая проводилась в советском языкознании, пусть со срывами, пусть с ошибками, но получившая международное признание, по социальному изучению языка — социалингвистика, была практически прекращена. Отрицательным было также то, что начались серьезные репрессии по отношению к ряду сотрудников. Многие были вообще лишены работы. Всем нам было (я говорю нам — представителям «нового учения о языке» того времени) категорически запрещено вести педагогическую работу. Мы были лишены аспирантов. Все материалы, ленинградские, по атласу были забракованы и, значит, признаны недействительными...

Я не буду об этом говорить подробно. Не считаю, что это было украшением нашего языкознания, как не считаю, что были украшением языкознания и до того попытки административным путем насаждать «новое учение о языке». Вообще путь администрирования в науке — это путь не наш.

Только лишь позже, при

мерно с 1953—1954 года, положение начинает более или менее нормализоваться. Начинают развиваться самого разного рода направления. И их было очень много. В этом тоже была положительная сторона, но была и отрицательная. В чем я вижу отрицательные моменты того периода, которые доходят, можно сказать, до нашего времени? Ряд лингвистов, из молодежи, не только стал усваивать методику, методические приемы структурно - математического языкознания, которое должно иметь свое место в нашей науке и должно поощряться, но и пересаживать в очень, я бы сказал, широких объемах сами философские корни различных направлений, существующих на Западе. Эта проблема остается нерешенной и до сих пор, в наше время. Но я думаю, она будет решена.

Несмотря на то, что советское языкознание прошло такой нелегкий, я бы сказал, противоречивый путь — и больших достижений, и больших ошибок, и взлетов, и падений, срывов, — я лично глубоко верю в то, что наше языкознание достигнет огромных успехов в будущем.

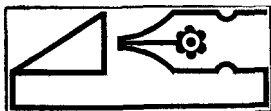
На базе единственной прогрессивной методологии — марксистско-ленинской философии, творчески претворяемой в лингвистические исследования, в науку о языке как специфическом, особом явлении в обществе. Но это уже будущая история. И эта будущая история ляжет на плечи, прежде всего и главным образом, вот тех, которые сейчас являются комсомольцами и которые, как я надеюсь, доживут до такого возраста, когда им придется выходить на трибуну и делиться своими воспоминаниями из истории советского языкознания. Я думаю, что вам будет все-таки легче, потому что, я надеюсь, к этому времени будет написана, создана настоящая, научная, теоретически обоснованная история нашего многообразного советского языкознания, где без всякого рода личных, субъективных моментов все будет оценено должным образом. Все течения и направления займут свои места, те, которые заслуживают.

*Публикация подготовлена
С. В. Ильинским*

Рисунок С. Жагина

О картине мира в поэзии Давида Самойлова

О. И. Северская

Поэтический мир — одна из важнейших категорий лингвистической поэтики, отражающих своеобразие индивидуально-го стиля стихотворца. Как язык в целом соотнесен с неязыковой действительностью и дает определенное видение мира, так и поэтические тексты одного художника создают картину мира, в котором одни реалии и отношения присутствуют, а другие исключаются из рассмотрения, и художественное видение мира проявляется через отбор, оценку, установление существенных для автора отношений.

Слово во всех его связях, словесный образ становятся не только кирпичиком поэтического мироздания, но и средством его познания.

В фокусе внимания Давида Самойлова мир природы и человека. Его привлекают первоначала природного и человеческого, истоки красоты и одухотворенности, сама суть живого. Поиск существенных связей находит свое отражение в выявлении «созвучий смыслов», в столкновении словесных образов, рождающих дополнительные смысловые ассоциации.

Если допустить, что поэтический мир может быть описан в словаре, фиксирующем связи наиболее часто встречающихся в текстах знаменательных слов, следует признать, что «дерево» — один из излюбленных словесных образов в поэтике Самойлова, а отношения между миром деревьев и миром людей — едва ли не центральные в его «картине мира».

Дерево воспринимается как живое существо, младший брат человека, его друг: «А *дерево* опять ко мне с *поклоном*» (Самойлов Д. Избранное. М., 1980. С. 115; далее все цитаты приводятся по этому изданию); «*Дева* иль *дерево*? /И переплетаются *руки* и *кроны*,/ И *лиственное* неотделимо от *девяго*»; «Забудем заботы о детях,/ Об их беспричинных слезах. /Вспомним заботы об этих/ *Оси-нах* в *осипших лесах*». Одушевленным кажется даже мертвое дерево: «Старик с мороза вносит в дом/Охапку *дров* *продрогших*». В словесных рядах перекрещиваются смысловые комплексы имен реалий из мира природы и человека, а звуковые соответствия (*осипшие осины, продрогшие дрова, дерево и дева*), цементируя образ, подчеркивают внутреннее родство, природные связи этих реалий.

Среди деревьев человек чувствует себя в безопасности — под сенью дерев он дома: *«Не верь домам, зовущим поселиться./Верь дереву и мне»*. Дерево (вообще все деревянное) и есть символ дома, как мы это наблюдаем, например, в стихотворении «Позднее лето»:

*Вы меня берегите, подмосковные срубы,
Деревянные ульи медового лета.*

У деревьев, как и у людей, есть свой жизненный путь: весна — рождение, осень — старость, зима — безжизненность (но не смерть, а всего лишь замирание); в жизни дерева повторяется жизнь человека. Словесные образы постоянно пересекаются: *«Апрельский лес спешит из отрочества в детство. /И воды вспять текут по талому ручью./ И птицы вспять летят... Мы из того же теста — /К начальному, назад, спешим небытию...»*; *«Промелькнет паутинка, как первая проседь (...)*»; *«И когда, словно с бука лесного, /Страсть слетает — шальная листва, /Обнажается первооснова./ Голый ствол твоего существа. (...)* Эй, листва! *Постарей, постарей! /И с меня облетай поскорей!»*; *«Ленивы мы думать о том, /Что, может,/ Последняя осень последним листом /Тревожит»*; *«Когда замрут на зиму/ Растения в садах, /То невообразимо,/ Что превратишься в прах. /Ведь можно жить при снеге,/ При холоде зимы. /Как голые побеги,/ Лишь замираем мы»*; *«А потом /от тебя/ останется — (...) Что-то вроде сухого листочка (...)»*. То, что эти смысловые связи существенны для данной картины мира, показывает такое стихотворение Самойлова:

Наверное, слишком уверенно
Считаю, что прожил не зря.
Так думает старое дерево,
Роняя в конце декабря
Веселые желтые листья
И зорям на память дая.
«Наверное, слишком уверенно...»

Поэту интересен мир чувств деревьев, их душа. В словесных рядах, раскрывающих этот мотив, лексическая сочетаемость слов, входящих в смысловой комплекс «дерево», расширяется, как их контекстуальные синонимы употребляются слова, входящие в комплекс «человек»: *«Внезапно в зелень вкрался красный лист, /Как будто сердце леса обнажилось,/ Готовое на муку и на риск»*; *«Уши — словно чуткие листья (...)*»; *«...Деревья-память целый день лепечут»*; *«Весь лес листвою переполнен»*. Удачно найденные словесные образы олицетворяют родство природы и человека: *шальная листва, шальная крона, лес отирает слезу, потрясенное растение, березняк беспечен и др.*

Главное в мире живого, как он предстает в поэзии Самойлова, — постоянное рождение нового, способность к творчеству в самом широком смысле. Не случайно возникает мотив «дерево — поэт» (см.: «Смерть поэта», «Михайловское» и другие стихотворения). Лес — это целый мир звуков: *вещий шум; лесов деревянные трубы, деревянные дудки скворещен, отпевающие поэта; лес поет, лепечет, шелестит*, в нем *ветер пернатый щебечет*; *деревья поют и качаются, как сердце поэта*; лес — *певун, в муках рождающий звуки*, то есть поэт.

В мире человека происходящее в природе осмысливается в категориях эстетики, в художественном творчестве видится проекция творчества природы: «Дай выстрадать стихотворенье! / Дай вышагать его! Потом, / Как потрясенное растение, / Я буду шелестеть листом. (...) Большую повесть поколенья / Шептать, нащупывая звук (...)».

Итак, в словесных образах реалий мира человека и мира деревьев тесно переплетаются смысловые комплексы понятий *дерево* и *человек*: *осины могут быть осипшими, дрова — продрозшими*, у *леса есть сердце и уши*, *листва стареет*, *человек же шелестит листом*, его *на бегу держат корни*, с него *слетает листва страстей*, обнажая *ствол существа*. Поддержанные синтаксическим или ассоциативным параллелизмом, звуко-смысловыми соответствиями, необычные сочетания отражают связи, выявляемые «по слуху природному» (выражение М. Цветаевой). Паронимические соответствия (сближения близкозвучных слов) становятся «компасом», позволяющим ориентироваться в поэтическом мире, поскольку они выделяют либо существенные реалии мира живого (например, *шелест листьев, безлистный лес*), либо отношения между ними (*вера — дерево, беречь — деревянное, зима — замирание*). Такое видение мира, в частности образ мира деревьев, созвучно поэтике М. Цветаевой (стихи о Сивилле, цикл «Деревья» и другие произведения). Художнику присущ пантеистический взгляд на мир.

В поэзии Самойлова природный мир получает «второе рождение», иную форму бытия. Вчитаемся в строфу из стихотворения «Пройти вдоль нашего квартала...»:

Но внешний мир — он так же хрупок,
Как мир души. И стоит лишь
Невольный совершить проступок:
Встряхни — и ветку оголишь.

Лихо

в «Поучении Владимира Мономаха» и в летописании

О. М. Анисимова

В поэтике древнерусских памятников XII—XIII веков особое место занимают эпитеты и существительные, обозначающие горестные душевные состояния человека и зло, несчастье, случившиеся с ним. Интересно, что в отличие от слов *радость*, *веселие*, *добро*, очень скупо описываемых, *печаль*, *скорбь*, *туга*, *уныние*, *зло*, *лихо* стилистически чрезвычайно разнообразно выражены. Например, к слову *добро*, обозначающему положительное, светлое начало, имеются антонимы *зло*, *пакость*, *лихо*. Из них *лихо* имеет особый смысловой оттенок и своеобразно употребляется в летописи и в таком древнем памятнике письменности, как «Поучение Владимира Мономаха».

В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского дается, в частности, толкование: *лихо* — «зло», «худо». А. Преображенский в «Этимологическом словаре русского языка» добавляет еще — «несчастье», а для *лихой* — «печальный, дурной, плохой». В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» сообщает, что в северных говорах встречается слово *лихо*, объясняемое как «тошно», «дурно», «мутит». Все эти значения лишь очень обобщенно отражают тот смысловой оттенок, который приобретает это слово в древнерусских текстах конца XI — начала XIII веков. Его можно было бы приблизительно определить так: *лихо* — это высшая степень несчастья и очень горестного душевного состояния (близкое к современному «мне очень горько»). Этим смысловым оттенком *лихо* отличается от слова *зло*, которое используется чаще при описании бедствий и разорений во время войн, битв.

Если в косвенной речи летописи, других памятниках встречаются различные сочетания с существительными *туга*, *скорбь*, *пе-*

чаль, то в прямой речи летописца вместо всех этих выражений используется слово *лихо* (иногда в сочетании со словом *сердце*). «А ныне яко на мя еси не думал и не ищещи мне лиха, целуй ми крест», «Ростислав же не хотяше пустити его от себе любовью, занеже не имевше лиха в сердци, но злии человеци не хотяче добра межи братьею видити, тако створиша...», «сдумавше, сами рекоша: любо лихо, любо добро всим нам...», «а на нас лиха сердца не держи, поеди к нам» и другие (Летопись по Ипатьевскому списку. СПб. 1871).

Заметим, все эти высказывания встречаются в трагических ситуациях: за приведенными словами обычно следуют либо клятво-преступления, предательства, либо войны, убийства.

Использование в прямой речи в летописи из всего ряда синонимов только слова *лихо*, тогда как для описания трагических состояний в литературе уже существовали сложные и разработанные способы поэтического отображения зла и скорби, — очень интересно. Важная функция прямой речи в письменности XI—XIII веков исследована академиком Д. С. Лихачевым. Он заметил, что она отражает широкую практику посольских речей в реальной жизни, которые без изменения занесены в летописание. Следовательно, мы можем предположить, что слово *лихо* пришло в летописи из устной речи и представляет собой художественный способ выражения несчастья, зла, скорби в какой-то богатой устной поэтической традиции. Это наблюдение подтверждается и бытованием слова *лихо* в таких архаических жанрах фольклора, как былины и сказки.

Устойчивым, почти традиционным выражением становится в фольклоре противопоставление *добро* — *лихо*:

Уж ты гой-еси, да ты крестьянин!
Ты не мог добра нам ведь задумать.
Еще лиха ты бы нам не сказывал
Былина «Вавила и скоморохи»

Или: «Барин на ней женился, и стали они в добре поживать, лиха не знаять» (Сказка «Крошечка-Хаврошечка»).

Интересные поговорки приводит В. И. Даль в своем Словаре: «Лихо помнится, а добро забывается», «не делай людям добра, не увидишь от них лиха», «на лихо лихо, на добро добро», «на лихо жди лиха, на добро добра», «добром-лихом, а добыть надо».

Лихой (лихая) встречается в фольклоре и как единичный эпитет: «Пошел Шабарша по батракам жить, да година настала лихая: ни хлеба никакого, ни овощей ни родилось» (Афанасьев А. Н. Народные русские сказки).

Со словом *лихо* связана и удивительная персонификация, олицетворение в фольклоре человеческого горя, злого начала в сказках «Лихо одноглазое» и «Лихо».

Начало сказки «Лихо одноглазое» представляет собой мотив испытания судьбы и поисков горя-лиха. «Жил один кузнец. Что — говорит — я горя никакого не видал. Говорят, лихо на свете есть, пойду поищу себе лихо». Последствия встречи с ним всегда трагические. В сказке «Лихо» оно представлено как «громадный и тучный великан», «ложе под ним — людские кости», а «само лихо — слепо».

Олицетворение, одушевление «лиха» можно наблюдать и в поговорках: «Лихо не лежит тихо: либо катится, либо валится, либо по плечам рассыпается» (В. И. Даль).

Возможно, подобными же архаическими представлениями объясняются в белорусском языке «лихий — дьявол» (А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910), а также «лихой-злой дух, сатана» у Даля: «Кто лихо думает, с тем лихой думает», «враг, зложелатель», «Пропади, мой лихой, не изведши меня, а изведши меня, хоть три века живи».

Бытование слова *лихо* в фольклорной традиции, где оно отражало какие-то древние представления о страшном, и в прямой речи летописи, где за ним непременно следует клятвопреступление или убийство, привело к художественно яркому и значительному использованию его в «Поучении Владимира Мономаха». Здесь употребление слова *лихо* дает возможность решать задачи иного поэтического уровня.

В начале повествования описывается драматическая ситуация: Владимиру Мономаху его братья предлагают клятвопреступление против Ростиславичей. Заканчивается памятник письмом Владимира Мономаха к Олегу Святославичу, в котором он отказывается мстить Олегу за убийство Изяслава, своего сына. Мы видим, что реальные трагические события, лежащие в основе произведения и во многом побудившие Мономаха к его созданию, были, безусловно, злом и лихом, типичным для XII века. Попытка возвыситься над ним является одной из нравственных задач памятника, поэтому противопоставление добра злу — важнейший лейтмотив «Поучения». Естественно поэтому, что в произведении слово *добро* (*добый*) встречается двадцать три раза (из них — восемь в письме к Олегу Святославичу), а *зло* (*злоба*) и *лихо* — соответственно шесть и четыре раза.

Если слова *добро* и *зло* употребляются в памятнике традиционно, то *лихо* помогает Мономаху достичь художественного своеобразия.

Связь с устной традицией в «Поучении Владимира Мономаха» проявилась в использовании фольклорного противопоставления «лихо — добро»: «Речь молвяче, и лихо и добро, не кленитесь богом, ни хреститесь, нету бо ни нужда никоея же».

Особую значимость приобретает слово *лихо* в письме к Олегу Святославичу, где необычные для древнерусской литературы этого периода задачи — непосредственное изъяснение своей скорби о смерти сына, убеждение его убийцы, предложение ему мира — весь этот сложный комплекс чувств очень лично и трагично передается не при помощи риторической традиции (как, например, в «Сказании о Борисе и Глебе»), а с опорой на иную, устную традицию, свидетельством которой и является слово *лихо*.

Словом *лихо* заканчивается письмо к Олегу Святославичу, и в последнем абзаце, наиболее сложном по настроению, оно встречается три раза. С его помощью Мономах пытается передать душевное состояние Олега, предостерегает от возможности нового убийства и предлагает не лихо, а добро: «...понеже не хочу я лиха, но добра хочу братьи и Руськой земли. ...И не створила есве лиха ничто же, ни рекла есве: сли [пошли] к брату, дондеже уладимся».

Итак, слово *лихо*, широко употребляемое в фольклоре и прямой речи в летописи, где оно несет в себе глубокий эмоциональный и нравственный смысл, отразилось и в «Поучении Владимира Мономаха». Это подтверждает, с одной стороны, близость памятника к устной традиции. С другой — использование слова с такой яркой семантикой, как *лихо*, позволило Мономаху художественно своеобразно и лирично отразить драматическое состояние души человека во всей его психологической сложности.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Есть в русском языке слово *нашкодил* — откуда оно произошло?»

В. П. Кочетков, Москва

Нашкодить — глагол просторечный, и смысл его, думаем, ясен всем: наозорничать, набедокурить; совершить неблагоприятный поступок. Он образован от глагола *шкодить*, а тот в свою очередь восходит к существительному *школа* в значениях: 1) убыток, изъяс, вред, порча. 2) шалость, озорство, проделка. 3) тот, кто наносит вред, убыток, злонамеренно или из озорства. Слово *школа*, зафиксированное уже в древнерусском языке и известное украинскому и белорусскому, заимствовано через польское *szkoda* из древневерхненемецкого *scado* «вред» (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка).

ХРАМ МУЗ СЛОВЕСНЫХ

Академия наук СССР — штаб советской науки, высшее научное учреждение СССР, объединяющее наиболее выдающихся ученых страны: физиков и математиков, химиков и биологов, историков и философов, лингвистов и литературоведов и т. д. Одни научные отрасли имеют давние традиции, другие сравнительно молоды. К числу старейших относится область изучения языка и литературы.

В XVIII веке в Петербурге была образована Российская Академия, в задачу которой входило изучение русского литературного языка, разработка грамматик и словарей. Ее первым президентом стала княгиня Е. Р. Дашкова.

О создании и более чем полувековой научной, просветительской и общественной деятельности этой Академии (1783—1841) — колыбели отечественного славяноведения — рассказывается в книге В. В. Коломина и М. Ш. Файнштейна «Храм муз словесных (Из истории Российской Академии)» (Л.: Наука, Лен. отделение, 1986). Она вышла в серии «Страницы истории нашей Родины» и рассчитана на филологов, историков, а также широкий круг читателей.

Российская Академия не ограничивалась исследованиями по языкознанию и литературе, она

поощряла также работу по отечественной и всеобщей истории, географии. Авторы, изучив большой круг источников, в том числе и архивные, в живой и увлекательной форме рассказывают о деятельности президентов Российской Академии Е. Р. Дашковой, А. А. Нартова, А. С. Шишкова, об истории создания Словаря Академии Российской — первого нормативного словаря русского языка, других академических словарей и русских грамматик. Своими трудами в области лексикографии и грамматической практики Российская Академия внесла важный вклад в русскую филологию.

Авторы подробно рассказывают о работе А. С. Пушкина в составе Академии; эта сторона деятельности поэта недостаточно изучена и почти не известна широкому кругу читателей. Интересны страницы о формировании фундаментальной библиотеки Российской Академии, о собрании монет и портретов.

Учреждение особого научного центра в России с энтузиазмом было встречено учеными всего мира. Российская Академия способствовала установлению научных и деловых связей с зарубежными учеными-славистами и разными обществами, осуществляла специальные поездки русских ученых в сла-

вянские земли, содействовала знакомству читателей России с наиболее популярными писателями других стран.

Особый интерес имеют два приложения к книге: это Список награжденных медалями Российской Академии и Список членов Российской Академии (1783—1841).

В. В. Коломинов и М. Ш.

Файнштейн в книге «Храм мз словесных» убедительно показала, что возникновение Российской Академии было обусловлено лучшими просветительскими традициями русской культуры, а также требованием отечественной науки.

В. Н. Сергеев,
кандидат филологических наук
Ленинград

О КУЛЬТУРЕ РУССКОЙ РЕЧИ

Вот уже четверть века по Всесоюзному радио идет передача «В мире слов». На ее материале московское издательство «Знание» в серии «Народный университет. Факультет литературы и искусства» выпустило несколько книг (информации о них были опубликованы в «Русской речи»).

В 1987 году вышла новая книга этого цикла «О культуре русской речи», авторы — постоянные ведущие передачи «В мире слов» З. Н. Люстрова, Л. И. Скворцов, В. Я. Дерягин.

Читатель узнает много интересного о русском языке прошлых эпох и о культурном наследии (часть I — Старое и новое в слове), о его современном развитии (часть II — Русский язык советской эпохи).

В книге представлен разнообразный материал об истории старых слов и выражений, таких, например, как *былина*, *песня*, *Кутафья башня*, «*Края Москвы*», *ехать зайцем*, о фразеологизмах *плетение словес*, *перековать мечи на орала*, *утро года*; о лексике и фразеологии советской эпохи: *трехлинейка*, *маевка*, *интенсификация*, *ареал*,

престиж, *человеческий фактор*, *календарный год*, *кавалер ордена* и многие другие.

Авторы дают рекомендации по употреблению некоторых слов и словосочетаний. Как правильно сказать: *он закончил школу* или *он окончил школу*? Чем отличаются в значениях и употреблении слова *исполнительный* и *исполнительский*? Как правильно: *пойти на дискотеку* или *в дискотеку*? В каких случаях используют в речи слово *убеждение*, а в каких *убежденность*? Каковы особенности в употреблении близких по своим значениям слов *шофер* и *водитель* в русском литературном языке наших дней?

В ответах на вопросы радиослушателей авторы нередко обращаются к материалам научно-популярных публикаций, в том числе журнала «Русская речь».

Книга «О культуре русской речи» обращена ко всем читателям, интересующимся историей русского языка, современными нормами культурной речи, выразительностью родного слова.

Ю. Ф. Хаустова

Из книги «О культуре русской речи»

КАЛЕНДАРНЫЙ ГОД

Можно ли употреблять такое словосочетание? Основное значение слова *год* — это значение, если можно так выразиться, «календарное». *Год* — значит период времени, который астрономически соответствует одному обороту Земли вокруг Солнца; содержит он, как установлено по принятому у нас календарю, — 365 или 366 суток, 12 месяцев начиная с 1 января.

Однако в определенных сферах деятельности нам приходится вести счет времени несколько иначе. Например, *финансовый год* совсем не обязательно должен начинаться с 1 января. *Отчетный год*, то есть год, за который кто-то отчитывается, как правило, начинается не с 1 января. *Учебный год* в нашей высшей и средней школе начинается с 1 сентября

и содержит 10 месяцев. Два летних месяца в учебный год не входят.

Именно для того, чтобы выделить, подчеркнуть указанное нами основное значение слова *год*, в некоторых случаях и следует применять сочетание *календарный год*. Например, если мы скажем, что наш комитет профсоюза отчитался о работе за год, это совсем не обязательно означает — от 1 января до 31 декабря. А если мы скажем, что представлен финансовый отчет за календарный год, это значит обязательно — от 1 января до 31 декабря.

Конечно, выражение *календарный год* обычно применяется ограниченно, только в деловой речи, в официальных документах, то есть там, где требуется особая точность.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В газете встретила незнакомое слово „скелетон“. Как правильно его произнести и что оно значит?»

З. С. Бугрова, *Мураши*

Скелетон (от англ. skeleton — «скелет», «каркас») — специальные спортивные сани без рулевого управления, а также скоростной спуск на таких санях с гор. Спортсмен, лежа лицом вниз, управляет скелетоном с помощью пипов на носках ботинок.

«Ростре на кусту...»

А. А. Гогешвили,
кандидат технических наук

Три слова — «ростре на кусту» — из «Слова о полку Игореве», повествующего о гибели молодого переяславского князя Ростислава, до сегодняшнего дня не получили однозначного толкования и устойчивой интерпретации. Судя по написанию и пунктуации в издании 1800 года («Не тако ли, рече, река Стугна худу струю имея, пожръши

чи чужи ручьи, и стругы ростре на кусту? Уношу Князю Ростиславу затвори Днепръ темне березе»), первоиздатели видели в *ростре* сказуемое при подлежащем *Стугна*, в выражении *на кусту* — обстоятельство места, что отразилось в параллельном переводе: «Она пагубными струями пожирала чужия ручьи и разбивает струги у кустов...»

М. А. Максимовичем была предложена поправка — «рострена к усту», поддержанная Н. С. Тихонравовым, А. А. Потебней и прочно утвердившаяся во всех современных подготовках и реконструкциях древнерусского текста (Д. С. Лихачев, В. И. Стеллецкий, Н. А. Мещерский и др.). Против этой поправки выступал Вс. Миллер (Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877), указывавший на незарегистрированность в древнерусском языке слова *усто* или *усть* в значении «устье» и считавший, что глагол *ростре* (*растрела*) может быть искажен из *простре*: «...простерла волны (протоки) на кустарник». Под *стругами*, в отличие от первоиздателей, а также В. В. Капниста, В. А. Жуковского, А. И. Майкова и некоторых других последующих комментаторов и переводчиков, Миллер понимал не тип речного судна, лодки, а весенние протоки, потоки полои воды. Немотивированной считал эту поправку Н. К. Гудзий: «Трудно принять давно уже предложенную конъектуру «Стугна... растрена к устью» (в переводе — «Стугна... расширенная к устью»): во-первых, каждая река к устью расширяется, и ничего тут характерного для Стугны нет, во-вторых, в тексте дается не безразличная, а отрицательная характеристика Стугны» (Гудзий Н. К. Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве»).

К имеющимся логическим и филологическим соображениям против поправки Максимовича присоединим еще одно. Дело в том,

что предложенная им конъектура требует добавления к предлогу *к* твердого знака: «...рострена къ усту». Л. П. Жуковская в результате исследования орфографии издания 1800-го года пришла к выводу, что «в той мере, в какой им не препятствовали возможности послепетровской гражданской графики, издатели мусин-пушкинского кружка передавали текст в соответствии с написаниями его в самом Мусин-Пушкинском списке» (Жуковская Л. П. О датировке списка «Слова о полку Игореве»). Соглашаясь с этим, надо признать весьма маловероятным, что первоиздатели не заметили или сознательно опустили *ъ* после буквы *к*, если бы он был в составе текста списка. А он должен был быть, если в тексте действительно содержался причастный оборот *рострена к усту*, поскольку написание предлога *къ* с твердым знаком перед гласной было обязательным от времени возникновения русской письменности и вплоть до реформы 1917—1918 гг. Отсутствие твердого знака после буквы *к* в сплошном тексте Мусин-Пушкинского списка *ростренакусту* и заставило первоиздателей предложить наиболее оправданную и, судя по всему, верную разбивку: «ростре на кусту».

Возникает вопрос: что или кого Стугна «ростре на кусту»?

Допустим, что в роли объекта выступают *струи* в значении «лодки». Несомненно, разлившаяся в половодье Стугна была проходимою для небольших речных судов-стругов, тем более в устье или близко к нему. Но данные Ипатьевской летописи свидетельствуют, что во время оперативного рейда Святополка, Владимира и Ростислава к Треполю для отражения половецкого нападения переправа через Стугну осуществлялась вброд, а не на лодках. Трижды в летописи указывается: «... и придоша Стугну реку...»; «И прибегоша къ реце Стугне, и вбред Володимир с Ростиславом...»; «Володимир же перебрел реку с малою дружиною...». У слова *бродити*, кроме значения «переходить вброд», есть и другое — «плавать», «уметь плавать», которое определенно вытекает из контекстов: «И яко приближися к реце, отрок сверг порты сунуся въ Днепр, и побреле. Видевше же печенежи, устремившася на нь, стреляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Они же видевше соноя страны, и приехаша в лодыи противу ему, и взяша ѿ в лодью...» (Повесть временных лет. В лето 6476 [968 г.]). Ясно, что отрок не мог перейти Днепр напротив Киева вброд, он мог только переплыть его.

Другой пример — разгневанный Ростислав говорит блаженному Григорию: «Мне ли поведаеши съмерть от воды, умеюще бродити посреди ея?» (Киево-Печ. Пат. Слово 28). И здесь из контекста следует, что Ростислав имеет в виду свое умение *плавать*, а не *ходить вброд*. Для нас важно, что при обоих значениях речь идет о

движении в воде не с помощью каких-либо плавсредств, а путем перехода реки вплавь или вброд. Следовательно, вариант дополнения *струи* в значении лодок не подкрепляется ни историческими реалиями, ни филологическими соображениями, не говоря уже о том, что картина «растрения», т. е. раздробления стругов-лодок о кусты, представляется совершенно нереальной. Стугна могла унести, раскидать, затопить струги меж кустов в речной пойме, но «растреть» их о кусты или на кустах... — нет оснований предполагать такое неточное, неадекватное действительности словоупотребление гениальным художником.

Другой вариант, когда под *стругами* понимаются «полые воды, протоки», выражение «струи ростре на кусту» также не поддается приемлемому осмыслению. Как Стугна могла *простереть* многочисленные протоки на единственный куст? Можно подвергнуть сомнению само написание *кусту*, но оно весомо поддерживается звукописью всего этого участка текста: *СТУгнУ — хУдУ — СТРУю — чУжи — РУчи — СТРУгы — кУСТУ — УношУ*. Таким образом, и этот вариант стругов-протоков в роли дополнения к сказуемому *ростре* ни с логической точки зрения, ни стилистически неприемлем.

Тогда остается единственное решение: в качестве дополнения к *ростре* может выступать только слово *уношу*. В этом случае текст без всяких поправок становится непротиворечивым в стилистическом, синтаксическом и орфографическом отношении: «Не тако ли рече река Стугна, худу струю имея, пожръши чужи ручьи и стругы, ростре на кусту уношу — князю Ростиславу затвори Днепръ темне березе». Заметим, что одновременно снимается надежное несогласование, имеющее место в традиционном представлении участка текста: «уношу князю Ростиславу затвори Днепръ темне березе». Метафоры «затворив Дунаю ворота», «отворяеши Киеву врата» являются прямыми параллелями обороту «князю Ростиславу затвори Днепръ темне березе». Правомерность такого сопоставления подтверждается тем, что для «Слова» характерна отчетливо выраженная экономичность в «расхождении» художественных образов, неоднократное использование стилистически устойчивых формул и оборотов: «Тогда вѣступи Игорь князь вѣ злат стремень» — «стучает вѣ злат стремень вѣ граде Тьмуторокане...»; «Донец рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия...» — «Игорь рече: «О Донче! Не мало ти величия...»; «Ничить трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонилося» — «Уныша цветы жалобою и древо съ тугою къ земли преклонило».

Здесь мы не касаемся проблемы частицы *ли*, обуславливающей непонятное уподобление враждебной Стугны вроде бы друже-

ственному Донцу. Эта задача требует отдельного рассмотрения. Поясним только пунктуацию приводимого фрагмента текста «Не тако ли рече река...», где мы отказываемся от выделения слова *рече* запятыми, считая, что реминисценция о Стугне принадлежит Автору, а не Игорю, для которого более чем странным было бы в живом диалоге с Донцом воспоминание о событии почти столетней давности, да еще о гибели именно Ростислава — родного брата Владимира Мономаха, злейшего врага Ольговичей. Такое воспоминание уместно только в устах Автора, высоко стоящего над княжескими счетами и расприами и оценивающего события с исторических и гражданских позиций (ср. также «Игорь рече», «Донец рече», «рече река Стугна»).

О том, что прямой объект «Днепрь темне березе» следует относить к сказуемому *затвори*, говорит еще одна стилистическая особенность «Слова», подмеченная Д. С. Лихачевым при анализе его художественной системы: «Слово о полку Игореве», с его стремлением к конкретности образов, никогда не употребляет выражения «отворить» или «затворить» без прибавления «врата». Автор «Слова» не пользуется этими сокращениями и ходовыми выражениями. Он прибавляет «врата» и тем конкретизирует термин, возвращает ему наглядность и художественную силу: «затворив Дунаю ворота», «отворяеши Киеву врата» (о Ярославле Осмомысле), «отвори врата Новуграду» (о Всеславе Полоцком)».

Неясно, правда, при этом, почему в своей подготовке древнерусского текста Д. С. Лихачев счел возможным принять как раз в рассматриваемом месте редакцию «унопу князю Ростиславу затвори» и поставить после *затвори* точку. Несомненно, верно подмеченное тяготение Автора к конкретизации образа должно и здесь проявиться в завершенности оборота — «князю Ростиславу затвори Днепрь темне березе». В пользу такого прочтения говорит и четкость ритмического рисунка фразы, если расставить в ней акценты в соответствии с результатами (В. В. Колесова) реконструкции ударения в «Слове о полку Игореве».

Как известно, события на Стугне развернулись 26-го мая, когда уж распустились цветы и когда вешние воды в Днепре, а тем более в такой небольшой и лежащей целиком на широте Киева речке, как Стугна, должны были схлынуть. Не следует упускать из виду, что по существу надо говорить не о мае, а об июне: 26 мая по старому стилю соответствует (с учетом поправки для XI века в 6 суток) 2-му июня григорианского календаря. Сведения о половодьях на Днепре фиксировались в летописях, начиная с X-го века, а регулярные гидрологические наблюдения ведутся с 1839 года. Данные этих наблюдений говорят, что весенний паводок на Днепре

ре приходился на последнюю декаду апреля, к середине мая река входит в меженный (низкий) уровень. Остается допустить, что паводок на Стугне был вызван обильными дождями. В свое время Вс. Миллер в уже упоминавшейся нами работе спрашивал: «Вспоминная об этом печальном событии и укоряя злую реку Стугну, неужели автор мог выразиться так темно и глухо о поступке реки и укорять ее не за потопление князя, а за то, что Стугна затворила для Ростислава реку Днепр?».

К недоумению Миллера присоединим дополнительный вопрос: как вообще мог утонуть молодой (двадцатидвухлетний) сильный юноша, несомненно, умеющий плавать (вспомним его слова: «Мне.., умеюще бродити...»), окруженный своими «воями», на броде, где глубина была максимум по грудь и который русские воины уже успешно форсировали утром того же дня? Даже если Ростислав оступился или угодил в яму, мог же он продержаться минуту-другую, пока к нему подоспеет близкая помощь.

Ответ на эти вопросы может быть таким: Ростислав не утонул, а погиб от половецкой, по всей вероятности, стрелы при переправе через Стугну во время поспешного бегства от наседавших половцев. Как указывает Л. Махновец («Слово о плъку Игоревъ та його поетичнї переклади і переспіви». Київ, «Наукова думка». 1967. С. 509), при вскрытии захоронения Ростислава Всеволодовича в Киевском Софійском соборе в его черепе, в затылке, обнаружен застрявший железный наконечник стрелы (чрезвычайно интересно было бы уточнить, к какому типу — русскому или половецкому — относится этот наконечник).

Может быть, поэтому, зная о непосредственной причине гибели Ростислава, автор «Слова» и не утверждает прямо, что Ростислав утонул в Стугне, а прибегает к метафоре: «князю Ростиславу затвори Днепр темне березе». Сама же Стугна только «ростре на кусту» (распростерла на кусту) тело уже мертвого Ростислава, поскольку попадание стрелы в затылок должно было вызвать практически мгновенную смерть. Наверное, именно потому, что тело Ростислава оказалось *распростертым на кусту*, зацепившись за торчащий на поверхности воды куст, и удалось обнаружить его в мутной реке: «Ростислава же, искавше, обретоша в рече...»

К прямому археологическому свидетельству о гибели Ростислава от стрелы можно добавить и косвенное, базирующееся на результатах применения к рассматриваемому участку текста так называемого аллитерационно-анаграмматического ключа. Хотя к идеям де Соссюра в области анаграммы многие филологи относятся до сего дня скептически, тем более интересно лишний раз прове-

рять их в условиях, когда ключевое слово, анаграмма (в данном случае, по нашему мнению, нечто, связанное с тем, что Ростислав был застрелен или расстрелян на Стугне), с достаточной определенностью прогнозируется на основе информации, в принципе не зависящей от анализируемого текста. Действительно, выделение комплексных аллитерационных элементов *Стугна—СТРую—СТРугы—РО—СТРЕ—куСТу—РО—СтисЛАву: СТ—СТР—СТР—РО—СТРЕ—СТ—РО—СТ—ЛА* с труднооспариваемой очевидностью подталкивает нас к анаграмме *СТР—Е—ЛА* или *РО—СТР—Е—ЛА* (вспомним дополнительно приводившееся ранее сближение Вс. Миллера: «ростре» — «рострела»). С немалой вероятностью анаграмма *СТРЕЛА* свидетельствует об осведомленности Автора в деталях трагедии на Стугне и ставит, может быть, новый вопрос — о политических причинах гибели переяславского князя в условиях, весьма напоминающих обстоятельства убийства Изяслава Ярославича (стрела в затылок — копье в спину), также находившегося в окружении «своих» во время битвы на Нежатице Ниве.

Отталкиваясь в своей защите написания первоиздателей — «ростре на кусту» — от условия нормативности орфографии — предлога *къ* с твердым знаком перед гласной, мы тем не менее не придавали этому соображению характера исчерпывающего аргумента, поскольку пропуски *ъ* в предлогах и приставках перед гласными весьма нередки в памятниках самого разного времени. И в самом тексте «Слова» издания 1800-го года имеются отклонения от присущей ему, по определению Обнорского, «выдержанной графической черты употребления *ъ* в исходе предлогов»: *в моемъ теремъ златовръсемъ*, дважды написано *стугою* вместо *стъугою*, *бес щитов*. Хотя во всех случаях *ъ* пропущен в позиции перед согласной, невозможность существования гарантий против случайной описки или пропуска одного знака вызвала необходимость обращения к более широкому кругу доводов, в числе которых мы рассмотрели летописные материалы, результаты археологических исследований, условия стилистической общности и синтаксической связности текста, данные звукописного и анаграмматического анализа. Все они непротиворечиво свидетельствуют, что наиболее оправданным следует считать чтение — «ростре на кусту уношу», позволяющее сохранить текст издания 1800-го года по существу неизменным, если учесть несомненное отсутствие пунктуации в современном ее виде в Мусин-Пушкинском списке.

Литература и общество накануне Петровских преобразований

А. П. Богданов,
кандидат исторических наук

Современные исследования показывают, что в области общественно-политической мысли и культуры, так же, как в промышленности и торговле, социальной и политической борьбе, дипломатии и военном деле, Россия конца XVII века имела крупные достижения, быстро развивалась на собственной основе, порожденной внутренними закономерностями, что явно противоречит домыслам о «темной, непросвещенной стране», вынужденной «заимствовать явления культуры» Западной Европы.

Важным условием повышения общественной роли литературы был рост уровня грамотности населения. В целом весьма высокий, он заметно различался у разных сословий. Две группы населения — священники и купцы — были к концу XVII века полностью грамотными: то есть умели читать, писать и петь по нотам. Владели грамотой 75 процентов монахов и около 65 — дворян (в том числе немало женщин). «Черные посадские люди» — городские ремесленники и мелкие торговцы, «работные люди» — были грамотными примерно на 40 процентов, но упорно стремились к образованию. Так, в одной лишь Мещанской слободе Москвы в 1670-х годах умело писать 36 процентов горожан, через 10 лет — 40, а еще через 10 — 52: темп роста грамотности увеличился втрое!

Наименее грамотным сословием (не более 15%) было крестьянство. Но следует учесть, что на Русском Севере и в других районах, не охваченных крепостничеством, уровень грамотности был выше. Согласно новейшим исследованиям, крестьяне вели хозяйственную документацию и переписку, учились в школах, имели свои библиотеки и скриптории (мастерские по переписке книг), писали летописи, увлеченно собирали книги. Подчас крестьяне добывали уникальные рукописи, например вести-куранты, писавшиеся в Посольском приказе в двух экземплярах — для царя и Боярской думы.

Спрос на печатную и рукописную книгу был велик. Об этом говорит многое: стремительность, с которой расходились тысячные тиражи московского Печатного двора, Черниговской и Киевской

типографий, передкие допечатки тиражей и переиздания. Говорит об этом и огромная цена на книги, и появление книжных торговых рядов и лавок во многих городах (в Москве книготорговых центров было несколько), и образование многочисленных скрипториев по всей территории государства, где книги специально переписывались на продажу. К настоящему времени ученые выявили сотни монастырских, церковных, государственных и частных, больших и малых библиотек, собиравшихся представителями самых разных слоев общества.

Но книга не просто хранилась в библиотеке. Новые данные позволяют утверждать, что в конце XVII и первых годах XVIII века книги читались гораздо активнее, чем впоследствии. Посмотрим записи владельца одной небольшой библиотеки, знаменитого поэта и просветителя Кариона Истомина. Они показывают, что всего за полгода хозяин дал почитать 26 книг 24-м лицам, причем не только близким знакомым, но всем желающим, если они заслуживали доверия. Книги и читатели были самые разные. Так, «иеродиакон Иов, что по гречески и по латыне умеет», взял Атлас Меркатора, а купец Андрей Филатьев — Календарь Фогта на немецком; дяк читал mineю (том из собрания житий), а монахиня — Историю о Варлааме и Иоасафе Симеона Полоцкого; боярыня читала воинский устав, придворный — «Книгу о хитростях ратных» и грамматику, подьячий — житие, а жена певчего — довольно-таки сложную книгу Григория Богослова; отмечают записи и повышенный интерес к новинкам, только что полученным Истоминным от авторов — своих друзей-литераторов.

Бурное общественное развитие России требовало от писателей ответа на актуальные, наиболее важные вопросы. Вес писательского слова настолько возрос, что вынуждал даже крайних реакционеров идти в ногу со временем. Недаром сторонники «старой веры» выдвинули из своей среды блестящих публицистов, таких, как Аввакум Петров или Савва Романов. Характерно, что для полемики против раскола даже главный «мудроборец» патриарх Иоаким Савелов привлекает не просто ученых людей, а наиболее талантливых литераторов, таких, как Карион Истомин, Игнатий Римский-Корсаков, Дмитрий Ростовский. В разгар движения староверов в 1682 году этот ревнитель безграничной духовной власти патриарха сам должен был апеллировать к читателю, издавать публицистические книги.

Разум дал сражение церковному авторитету. Крупнейшие писатели (Сильвестр Медведев и Дмитрий Ростовский, Иоанникий Галятовский и Лазарь Баранович, Евфимий Чудовский, братья Лихуды, Афанасий Холмогорский и многие другие) приняли учас-

тие в полемике: группа во главе с Сильвестром Медведевым отстаивала право каждого человека «себе разсуждати» и доказывала, что неправую власть «весьма слушати не подобает!». Уже тогда «мудроброрцы» — патриарх и его приближенные — правильно оценили опасность апелляции передовых мыслителей к разуму. «Оный боритель церкви христовы, — писали они в доносе на Медведева, — яко владыка пишет, хотя сицевым образом наступити и поспрати всю власть, царскую же и церковную. Того ради и к людем пишет».

Людам, широкому читателю доказывал Сильвестр Медведев, что каждый из них имеет право «мыслити себе». Его ученые монографии в сотни страниц читались, переписывались и резюмировались в кратких «тетрадках», расходившихся по столице и другим городам. Народ не поверил властям, когда Медведева объявили «еретиком», «латинствующим». Его борьба за право разума была глубоко патриотична, требовала развивать собственное «учение», готовить национальные научные кадры, своим умом постигать лучшие достижения других народов.

Сотни людей ежедневно собирались перед кельей Медведева в Заиконоспасском монастыре, чтобы «отбивать» его от ареста и дать возможность продолжать спор.

Литературная форма полемики подчеркивала полярность писательских позиций. Аргументации «от авторитета» Медведев противопоставил опыт исторической критики текста, а поношениям и откровенным доносам — корректный ученый спор с привлечением сотен источников. Ученый, «книжный» язык Сильвестра четко формулировал мысль, делал максимально понятной логику рассуждения.

Имевшие довольно высокий навык «книгочтения», жители столицы обсуждали работы Сильвестра «на припищах, на торжищах и где-либо случится кто друг с другом». В Москве «то и слово» было о ходе литературной полемики, причем не только у «мужей», но даже «у жен и детищ»! Авторитету патриарха, считавшего, что не следует «ни старья веры знать, ни новья, но како велят начальницы, тако и творить и слушать их во всем», был нанесен смертельный удар. Но победа разума над авторитетом, просветителей над «мудроброрцами» была еще далека.

Жаркая схватка развернулась в литературе вокруг проекта основания в Москве славяно-греко-латинской академии. Правда, «мудроброрцы» вступили в полемику лишь тогда, когда утратили «молчаливое большинство», когда проект Академии стал реален. Зато они немедленно объявили многолетние усилия просветителей и всю их публицистику западнической и призвали «не пущать» в

Россию «огнь западного зламысленного мудрования», «угасить малую искру латинского учения», пока она не «раздмилась» в пламя светской науки.

«Не подобает праведным прельщаться чрез философию», — объявил патриарх, но ему не поверили даже приближенные. Его личный секретарь и придворный поэт Карион Истомирин убеждал правительство поэмами, где просвещение, высшее образование назывались важнейшими государственными задачами, решение которых понималось как необходимое условие процветания и славы России. Другой монах патриаршего Чудова монастыря превозносил проект Академии в своем «Хронографце». Сам автор «Привилегии на Академию» в стихах доказывал важность ее открытия для государства. И хотя вместо Академии в Москве открылись лишь «еллено-славянские школы», хотя учившие в них братья Лихуды были сосланы, как только попытались преподавать там философию, публицистика просветителей необратимо делала свое дело, предрекая «мудроборцам» гибель, а России — «свет свободных наук».

Смело вторгалась литература и в другие вопросы государственной жизни. Крупные народные восстания конца XVII века заставили передовых литераторов четко сформулировать мысль о том, что народ «нельзя страхом единым в покорении имети», и напомнить «верхам» о революционных событиях в Западной Европе. Придворная публицистика играла немалую роль в формировании идеологии утверждавшегося абсолютизма. Она разрабатывала и несла в широкие круги читателей идеи «общего блага» и «государственной пользы», которые легли впоследствии в основу петровской пропаганды.

Обращаясь к богатому литературному наследию, русские книжники развернули активное собирание, изучение и переписку старых рукописей. Особой популярностью пользовались исторические и публицистические сочинения, летописи, хронографы, «Степенная книга». Не все могли позволить себе нанять артель живописцев для поновления огромного Лицевого летописного свода XVI века и заказать копии с некоторых его миниатюр для росписи своих палат, как это сделал царь Федор Алексеевич. Но уже суздальский сын боярский (младший дворянский чин) Иван Нестерович Кичигин и ему подобные ездят по монастырям, переписывая древние сказания с пергаменных рукописей. Именно тогда, в конце 70-х и в 80-х годах, извлекаются из «тьмы изчезнута» и распространяются во многих списках знаменитые «сборники князя Андрея Михайловича Курбского», находят своего читателя гневные обличения, брошенные публицистом XVI века в лицо тирану.

Активная переводческая деятельность, огромная популярность переводной книги в России второй половины «бунташного» столетия позволили некоторым ученым говорить о возникновении большого интереса к зарубежной литературе именно в это время. Но русской, как и любой другой великой литературе, интерес к переводу был свойствен всегда: усвоение лучших достижений культуры является необходимым условием ее развития во всех странах Европы.

Ученому и литературному переводу уделяли внимание почти все известные писатели того времени. Но если одни, во главе с Евфимием Чудовским, превознося греков как своих учителей, старались придать переводу иноземное звучание, сохраняя иноязычную лексику и даже фразеологию, то передовые писатели упорно стремились сделать перевод максимально близким, понятным читателю, включить произведение в фонд русской книги. Известные публицисты, такие, как Сильвестр Медведев, Карион Истомина, Игнатий Римский-Корсаков, выступали против того, «чтобы у иноземцев чести унимати». Но они же указывали на опасность и «разорительность» слепого подражания чужим обычаям и модам.

Перевод в конце XVII века не был односторонним. Так, правительство Софьи и Голицына использовало в международной политике сообщения из Москвы в иностранные газеты. Посольский приказ осуществлял переводы с русского и издания в других странах. Интерес к русским сообщениям и литературным произведениям был весьма велик; в то же время иностранные сочинения о событиях в России быстро переводились в Москве, что навело правительство на мысль использовать изданные за рубежом книги и политическую гравюру во внутренней борьбе.

Обращение к иностранным сочинениям не было, как правило, связано с заимствованием готовых решений. Так, иностранные технологические трактаты бытовали одновременно с оригинальными русскими произведениями, сравнивались с ними, чтобы пропагандировать лучшее. Хорошим примером является большой цикл учебных сочинений Кариона Истомина (см. о нем: Русская речь. № 5. 1985. С. 102), воспринявшего наиболее передовую для того времени педагогическую систему Я. А. Коменского и развившего его идеи на основе русской традиции.

Актуальная, подчас остро-публицистическая литература отражала высокое национальное самосознание писателей, их ответственность за судьбу крепнущего Российского государства.

Сила общественного воздействия книги признавалась и представителями церковной власти. Писателю необходимо было большое мужество, чтобы заявить, как это сделал Сильвестр Медведев:

«И аще господь восхотел писанию сему быти, и никто отвергнути оное смеет!» Недаром Медведев был дважды судим, зверски «истязан» и заточен со строгим указом: «бумаги и чернил отнюдь не давати!» Писателю, страшившему «мудроборцев» и в заточении, была отрублена голова. Преследованиям подверглись и другие крупнейшие литераторы: «тишайшего» Дмитрия Ростовского власти изводили «всяческими досаждениями», Карион Истомин и братья Лихуды были сосланы, Андрей Лызлов в борьбе с казнокрадами и мздоимцами потерял здоровье и умер от инсульта, другого историка-публициста объявили сумасшедшим и уморили в темнице. И все же их смелое слово принесло успех, который можно, пожалуй, считать первым шагом преобразований: литература вошла неотъемлемым элементом в самую ткань общественной и личной жизни.

Если в 70-х годах семнадцатого столетия литераторы писали речи и обширные поэмы-орации на наиболее крупные, исключительные события политической и придворной жизни, то уже в следующем десятилетии многочисленными стихами и прозой отмечались все торжественные собрания во дворцах царей и патриарха. Высокохудожественные орации использовались подчас как оружие в политической схватке. Например, с речами, написанными Карионом Истоминым, патриарх Иоаким выступал против Крымских походов. Но пока он проповедовал в Успенском соборе, на площади и на Девичьем поле перед большим собранием готовых к походу войск новопасский архимандрит Римский-Корсаков говорил речи прямо противоположного содержания, призывая к разгрому последнего наследника Золотой орды, дабы «отъять днесь поношение российское». Слова за и против правительства, его политики или каких-либо предложений звучали перед большими аудиториями, а затем оформлялись в книги. Дополненное цитатами на разных языках и ссылками на авторитетные источники, слово публициста через книгу продолжало завоевывать умы и сердца людей.

Искусство политической речи заняло прочное место во внутренней борьбе. К нему все более прибегало правительство, дополняя орациями писателей отлаженную систему распространения официальных оценок, основанную на создававшихся в приказах «объявительных грамотах», которые обязательно читались во всех уголках страны. Все больше обращались к профессиональным литераторам церковные власти: блестящий поэт и публицист Карион Истомин, например, писал почти все проповеди, речи, письма и грамоты двум последним патриархам — Иоакиму и Адриану. Но услугами писателей широко пользовались и частные лица.

Во второй половине 80-х и в 90-х годах литература буквально пронизывала все сферы человеческой жизни и быта. Выразиться по-старинке, «не изящно», было стыдно. Из привилегии отдельных высокообразованных книжников, обменивавшихся отточенными посланиями в прозе и стихах, литературная речь стала необходимым признаком образованного, современного человека. Дети, не только мальчики, но и девочки, учившиеся по новым учебникам, поздравляли своих родителей с различными праздниками непременно стихами: сначала с помощью учителя, а затем и самостоятельными сочинениями. Новые, ритмически организованные стихи приходили на смену тяжеловесной книжной силлабике. «Протягновенный» тринадцатисложный размер быстро вытеснялся более легким для чтения одиннадцатипяти- и восьмисложником, церковнославянский язык стремительно отступал перед живой современной речью.

Высоко ценя словесность, в бурной литературной полемике по важнейшим вопросам своего бытия Россия вступала в период Петровских преобразований.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Разрешите мои сомнения: правильно ли называть человека в день его рождения *именинником*?»

Н. И. Астапова, *Жданов*

В современной разговорной речи, действительно, человека в день рождения часто называют *именинником*, а сам день рождения — *именинами*. При этом происходит смешение слов *именинник* и *новорождённый*, а также подмена существительным *именины* словосочетания *день рождения*.

Именины — личный праздник человека в тот день, когда христианская церковь отмечает память одноименного святого. Но в наше время это прямое значение, связанное с церковной обрядностью, утрачено. Кроме того, за словом *новорождённый* в общелитературной речи все больше закрепляется в качестве единственного прямое значение: «только что или недавно родившийся». Играет свою роль, очевидно, и влияние переносного, шутливового употребления слова *именинник*: «герой дня, виновник торжества» и т. п.

Русский быт в деловой прозе допетровского времени

А. Н. Качалкин,
кандидат филологических наук

Документы отражают разные стороны жизни и быта. Собрания приказных или мирских учреждений, о которых шла речь в предыдущих статьях (см.: № 6 — 1987 г., № 1 — 1988 г.), характеризуют по преимуществу какую-то определенную, хотя и весьма существенную сторону жизни в ее разнообразных подробностях. Но наиболее разносторонне старинная жизнь, повседневный быт оказываются представленными в докумен-

тах личных фондов. Именно эти фонды дают возможность увидеть русский документооборот в той степени, как он затрагивал обыденную жизнь, имущественные и иные интересы общества.

Как правило, личные архивы создавались самими владельцами документов, передавались из поколения в поколение, хранились как семейные реликвии и со временем по разным обстоятельствам попадали в государственные архивы; в ряде случаев они были сформированы из документов, находившихся в разных фондах, но относившихся к одному лицу. Документы, связанные с именем определенного лица или его семьи, были тщательно подобраны, скрупулезно извлечены из фондов приказных и мирских учреждений, из богатых помещичьих архивов и вообще из «розни» — разрозненных документов. В результате хранилища предоставляют возможность изучать по личным фондам жизнь посадских людей, крестьян, торговых людей, чиновников и других социальных групп. Однако более всего представлена в архивах жизнь помещиков.

Основное назначение личного архива помещика — доказательство документами его феодальных прав на определенные территории и население. Наиболее старым и одновременно наиболее важным среди помещичьих документов является обычно *Ввозная грамота*, дававшая от имени государственной власти право вступить

во владение поместьем, вотчиною. Изредка такой документ назывался и *Вводной грамотой*. На унаследованные, завещанные, пожертвованные, купленные вотчины (то есть в случае смены владельца) выдавалась *Послушная грамота*. Непременным элементом таких грамот было приказание крестьянам повиноваться новому вотчиннику: «и вы б все крестьяне которые па тѣхъ пустошах учнут жити Мякиты Насонова слушали пашню на него пахали и доход вотчинников ему платили» — 1650 г. (ГБЛ, фонд Насонова, карт. 1, № 4).

У новых владельцев часто возникали споры по поводу границ поместья с соседями. Появлялись *Челобитные* к царю с просьбой разрешить эти споры. В ответ шла *Грамота* от имени царя, определяющая права владения землей, и *Раздельная память* — инструкция на проведение новой или подтверждение старой границы. Естественно, что эти документы, твердо устанавливавшие права на определенные территории, также тщательно хранились в личных архивах.

Если дело оказывалось сложным и разбиралось в суде, то по его окончании от имени царя воеводе, в чьем уезде находились спорившие помещики, посылалась *Правая грамота*, предписывавшая выдать документ о выигранном судебном деле. Чаще всего это была *Отдельная выпись*, по которой выигравшему процесс прибавлялись земли («поместные жеребьи»), которыми до этого неправоммерно владели другие помещики. Бывало, что судебное дело прекращалось по полюбовному договору между спорившими, и тогда появлялась *Мировая запись*, составленная обязательно «по противным» — в двух идентичных экземплярах.

Помещики нередко оставляли себе (в копиях) документы, связанные не просто с решением суда, но и с судопроизводством по делам об их имуществе. Сами судебные дела и их фрагменты полны любопытными сюжетами. Такова, например, одна из *Доездных памятей* — отчет приказного человека о выезде на место для разбора обстоятельств по делу о беглой «полонной дворовой жонке», называвшей себя «избываючи холопства» законной женой умершего помещика. К отчету приложены *Обыскные речи* — дословные записи показаний привлеченных по этому делу лиц.

Памятники сохранили описание немалого числа случаев, когда во время бунтов «лихие люди, разбойники... письмяные крепости деревенные, вотчинные, купчие и отписи, и кабалы, и записи, и всякие крепости драли». Многие документы гибли во время пожаров: «письмяные крепости згорели», «грамота на те воды (на права ловли рыбы) была, а сгорела» — подобных жалоб в Челобитных и иных документах встречаем очень много. В таких случаях

бумаги на владение землей и людьми приходилось восстанавливать в виде *Выписей* — копий, извлечений из *Переписных книг*, учитывавших жителей определенного населенного пункта или уезда, из *Писцовых книг*, представлявших собой сводные документы хозяйственных описаний, время от времени проводившихся по всей России (например, в 1638 и 1684—85 гг.). Часто встречаются также выписи из *Отдельных* (описывающих «отдел», отдачу новому владельцу части вотчины) и из *Межевых книг*.

Помещики были предприимчивы в поисках документов о правах на свою землю. Если в приказных канцеляриях не сохранялись Межевые книги или если проведенное межевание считалось неправильным, они делали Выписи из *Наказа* писцам о межевании земли и по ним устанавливали свои имущественные права. Выписи сберегались в личных архивах вместе с подлинными документами. Впоследствии бывали ситуации, когда в приказных архивах книги уже не сохранились, а сделанные из них и сбереженные в личных архивах Выписи позволяли (хотя бы частично) восстанавливать содержание утраченных книг.

В повседневном быту постоянно возникали разные документы, но среди них чаще других различные *Записи*, оформлявшие обязательства о выполнении определенного дела, поручения, о выплате денег и т. п. между помещиками и крестьянами или между самими помещиками. Например, *Короткой записью* оформлялась аренда помещичьей земли: «Се яз Аника да Иван да Никита Демидовы дети Баскаковы... отдали... свое поместье земьли в деревне Селине... Данилу Матфиеву сыну да Парфению Феокистову сыну Журковскимъ волно имъ та наша земьля владеть и наша пахать и трава косить и лесъ сечь и всяким угодемъ угодовать а кортому намъ имать с них... pogodно на год по осми гривей на срок на Богоявление день» — 1696 г. (ГБЛ, фонд И. Д. Беляева, карт. 17/III, № 7).

Другой документ, *Сдаточная запись*, свидетельствуя о сдаче (передаче) поместья в полное владение другому человеку (обычно родственнику) требовала от него выполнения определенных условий. Так, «имянитого человека Данилова дочь Ивановича Строганова девица Анна», условившись со своим двоюродным братом Григорием, «здала ему родителей жалованные родовые выслуженные вотчины» в постоянное пользование, потребовав при этом, чтобы «ему Григорью мать мою Агафью Тимофеевну и меня Анну поить и кормить и одевать и обувать мать мою... покамест богъ продлитъ живота (жизни) ее а меня Анну до замужества. А какъ я Анна буду в совершенном возрасте и ему Григорью меня Анну выдать

замуж... и дать за мною Анною приданого... всего на пять тысяч рублей» (ЦГАДА, фонд Строгановых, опись 2, ч. I, № 47) 1680 г.

Реже деловое письмо с предложениями о действиях между равными по положению лицами (особенно родственниками) называлось *Памятью*. Обычно это была *Уговорная память*:

«Се яз Андрей да яз Петр Семена Аникиевича дети Строганова уговорилис есмя меж собою в том что на речке на Кодласе на перевозе деревня. И та нам деревня купити сопча (сообща — «вместе») а дастъ богъ и как деревню купимъ и та нам деревня промеж собою поверстат по жеребьямъ по половинамъ а мельница ставит на той речке на Кодласе мне Петру под своею деревнею... а Ондрию ставит мельница выше моей мельницы по той же речке поверхъ Петрова братня мельнишнова пруда... а что прудомъ мельнишным моей Петровы земли утопит и ему брату Андрею волно в вину ему тово не ставит а Ондрию за то дать десять рублейъ мне Петру за землю...» (ЦГАДА, фонд Строгановых, опись 2, ч. I, № 43) 1639 г.

И все же наиболее удобной формой документа для оформления отношений, связанных со взаимными обязательствами, был жанр *Записи*. Этим и объясняется исключительное разнообразие в личных фондах именно Записей: в них встречаются Деловая и Дельная (связанные с разделом) записи, Договорная межевальная, Земляная, Исполная, Наемная, Отдаточная, Откупная, Отпускная, Отступная, Очистная (или Очищальная, Очищенная), Переводная, Подможная, Подрядная, Покладная, Покрутная, Полная и другие. Много разновидностей Поручных записей: чаще других замечаем в фондах Поручные жилые, круговые, половничные, рядные записи. Немало разновидностей и у Порядных записей: Жилецкие, Исполные, Половничные, Ссудные и другие.

За каждым названием — документ, оформляющий то или иное явление жизни; уже по определениям можно судить о предметно-тематической стороне дела. Через документы и, в первую очередь, через имущественные обязательства предстает в исключительном разнообразии сама жизнь во все усложняющихся формах межличностных отношений.

Особое место занимают документы, связанные с уступкой личных прав. Часть из них оформлялась жанром *Жилой записи*, фиксирующей тот факт, что задолжавший деньги человек должен был выполнять в доме заимодавца «всякую домовую работу»: «крестьянин Иван Митрофанов дал сию запис столнику Василью Ивановичу Волинскому в томъ что жить мне за долговые ево денги за шестъ рублей... в доме ево... впредь пять летъ... пить и ясть одежда и обувь носить все ево Василья Ивановича и живучи мне в доме

ево господина своего во всемъ слушать и почитать и всякую ево домовную работу работать не пьянствовать с ворами не знатца и пожитков ево не покрасть и для кражи воров не подвести и никаким дурным и воровством не промышлять и не дожив до срока самоволю прочь не отойтить» — 1715 г. (ГБЛ, фонд Волынских, карт. 5, № 58).

Гораздо чаще уступка прав оформлялась жанром *Кабал.* Это документы, устанавливавшие личную правовую зависимость крестьян от помещика (Служилые кабалы), или же определявшие имущественную зависимость крестьянина от помещика — денежные домовые обязательства (Заемные кабалы), или же обязательства, связанные с залогом недвижимого имущества на определенную сумму денег (Закладные кабалы). По *Служилой* и *работной кабале* лицо, получившее ссуду («занел есми я... три рубли денег»), обязывалось служить займодавцу в счет уплаты процентов: «а за ростъ мне заимщику у государя своиво Петра Афонасивича во дворе служить и всякая работа работать» — 1678 г. (ГБЛ, фонд Гарелина, карт. 19, № 59).

Некоторые документы, содержащие имущественные обязательства, имеют обобщенное название *Крепостей*, которое уточняется определением к этому названию: Договорная, Заемная, Закладная, Земляная, Исполная, Меновая, Поступная, Раздельная, Ссудная, Хлебная; другие употребляются в виде субстантивированных прилагательных, среди них особенно часто Купчая, Порядная, Подрядная.

В личных фондах нередко сохраняются частные Родословные книги, Родословные росписи, Поколенные росписи дворян, являющиеся продолжением известного Государева родословца, составленного при Иване Грозном около 1555 года. Долгое время место человека в обществе определялось его происхождением и не только личной служебной карьерой, но также карьерой отца и деда. Поэтому необходимость вести учет всех членов рода вызывалась не только желанием выяснить родство по крови, по свойству, по бракам с лицами, игравшими в истории заметную роль, но и практической потребностью.

Со временем царский указ отменил местничество, но «для утешения» именитых дворян им было предложено для будущих поколений составить родословия. Именно этот царский указ породил такое обилие любопытнейших по материалу *Родословных книг*. Вот краткие отрывки из *Родословной росписи* дворян Зиновьевых: «При державе великого князя Василия Дмитриевича всеа Росии сына великого князя Дмитрия Ивановича Донскаго муж велико-

славень Александръ Зеповцев... прииде к великому князю Василию Дмитриевичю в Московская государство со многими двора своего людьми... А у Александра сынъ Измаиль, у Измаила сынъ Феодоръ, у Феодора дети Михайла да Нефед, у Михайла Феодорова сына сын Зиновей. У Зиновья сынъ Матвей. У Матвея дети Иван прозвища Жук да Федор да Василей бездетен... А каторыя многия родственники наши по указу великих государей в разных годах бывали осадными воеводы и во многих в розных знатных посылках... у нас многия старыя и новыя наказы и грамоты. И с тех наказав и з грамот списав и в сию роспись за множеством не вънесено» — после 1659 г. (ЦГАДА, фонд Юсупова, оп. I, № 252).

Большинство подобных генеалогических разысканий не окончено, но собранный для них материал донес до нас в таких выписках сведения о документах, которые впоследствии оказались утраченными.

Помещичьи фонды сохранили документы собственных небольших канцелярий, из которых исходили указы (*Грамоты, Памяти*) владельцев по делам управления вотчиной, о взыскании с крестьян разных сборов и налогов, о различных хозяйственных делах. В помещичью канцелярию шли *Отписки* приказчиков и старост о посевах и урожаях хлебов, о натуральных и денежных сборах с крестьян, о крестьянских повинностях, о земельных наделах крестьян, о выдаче хлебных ссуд, о работах крестьян и бобылей, о беглых помещичьих крестьянах, о состоянии имений, о промыслах, о торговле.

В личных канцеляриях часто встречаются *Книги*, регистрирующие факты по разнообразным хозяйственным и финансовым вопросам: *Доимочные, Заемные, Оброчные, Окладные, Отдаточные, Отпускные, Платежные, Посевные, Приходные, Расходные, Сборные, Сметные, Сошные, Счетные, Ужинные, Умологные, Хлебные* и некоторые подобные.

Жанры документов во многом повторяют жанристику приказных и земских канцелярий, и это свидетельствует об устойчивости жанров, о сложении системы делопроизводства в целом по стране.

В архивах представлены личные фонды не только помещиков, но и людей других социальных групп. Интересно, что в жизни и деятельности разных по роду занятий лиц преобладают определенные или встречаются специфические жанры документов.

У торгового человека И. Ф. Боковикова (ЛОИИ, ф. 27), например, видим специфические для его деятельности *Проезжие таможенные грамоты, Таможенные выписи, Отписи (расписки) тамо-*

жен в получении пошлин с товаров, *Росписи товаров*, закупленных им на ярмарке, *Сказки о товарах* таможенным и заставным головам, *Отписи* в получении оброка с лавки и другие подобные документы.

В фонде московского купца XVII века Щепоткина (ЛОИИ, коллекция 226) — *Торговые книги*: сам он вел крупную торговлю солью, тканями и пушным товаром, а его приказчики записывали в соответствующие книги сведения о покупке, перевозке и продаже товаров.

У посадских людей города Старой Руссы Сомровых (ЛОИИ, колл. 154), владевших в XVII веке соляными варницами, среди документов отмечаем больше всего *Платежных отписей*, а также *Отписей* о количестве сваренной соли, разнообразных *Порядных записей*, в том числе о постройке нужного для перевозки соли «водовика» — небольшого судна наподобие полубарки.

Существенные элементы жизни и быта отражены в личных документах подьячих Турутиных (ЛОИИ, колл. 27). Среди документов — *Раздельные записи* на имущество, оставшееся после смерти отца, между его тремя сыновьями Павлом, Иваном и Степаном (все они тоже стали подьячими). По примеру отца, сделавшего пожертвования Богословскому монастырю и оформившего это пожертвование *Вкладной*, Павел и Степан со временем сделали вклады в Верхотурскую и Уздринскую пустыни, а старший сын Павел даже стал в Шенкурском посаде «церковным строителем» и получал *Расписки* в сборе «пообежных» церковных денег (то есть собранных по «обжам» — сельским общинам, объединившимся общей папней) на постройку новой церкви. Правда, благочестие Степана Турутина совмещалось с его судебными процессами по налогам, по *Вымученной расписке*, *Займочным кабалам* и другим актам, связанным с крестьянами.

Крестьяне Кушкопольской волости Коврольского уезда Чемакины (ЛОИИ, колл. 248) занимали различные земские должности. В сохранившейся у них части архива волостной избы видим неизвестные по другим волостным фондам *Расходные памяти* — распоряжения мира на расход общественных денег, *Раздельные росписи* — учетные документы, перечисляющие результаты раздела земли и имущества; узнаем о бытовавших в волости выборных должностях окладчиков, сборных целовальников по сбору «пятипных» денег, счетчиков, о специфичной для северной волости должности веревного целовальника — смотрителя дел «верви» — сложившейся по доброй воле общине, основанной на принципе круговой поруки ее членов.

У других крестьян этого же уезда, Ряхиных, бывших церковными приказчиками и денежными сборщиками, сохранились *Книги*

прихожан, Сборные книги (ЛЮИИ, колл. 226). В «Смутное время» начала XVII века уцелело мало документов; тем важнее сбереженные денежным целовальником Ряхиным *Отписки* старосты в получении с местных крестьян податей в виде «посопоного» (ссыпного, в зерне) хлеба «Архангелского города стрельцам», «немецким людям на наем ко князю Михаилу Василевичу Шуйскому в полки», «ратным людям в Ростов в перемену 55 человекам» и другие подобного содержания.

Эти и другие примеры показывают, что документы личных фондов дают возможность восполнять недостаточность материалов приказных и иных канцелярских учреждений. Владельцы родовых, семейных, личных архивов сохранили в копиях, а нередко и в подлинниках не только бытовые бумаги, но и ценные документы, связанные с их служебным положением в качестве посланников, окольных, воевод, дьяков, подьячих.

Личные фонды, широко представленные как в центральных, так и в областных архивах, — оригинальный и глубоко содержательный источник изучения быта, языка, документной культуры русского народа.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Я хотел бы знать, правомерно ли существование наречия *вовнутрь*? Ведь есть же слово *внутрь*, зачем же языку два абсолютно одинаковых наречия (ведь разница лишь в количестве букв?)»

П. Н. Рог, Ленинград

В разговорной речи бытует ошибочное тавтологическое «усиление» предлога *внутрь* и употребление его в форме *вовнутрь* (или *во внутрь*). Неправильно, например: войти во внутрь помещения (надо: *внутрь помещения*), лекарство для принятия вовнутрь (надо: *для принятия внутрь*).

Ошибка возникает, очевидно, в связи с осмыслением наречия *внутрь* как существительного.

■ «Что значит слово *заподлицо*?»

Е. Мартынюк, Минск

Заподлицо — на одном уровне, вровень с какой-либо поверхностью.

■ «Как правильно говорить — *студень* или *стюдень*?»

Б. И. Иванченко, Москва

Слово *студень* образовано от глагола *студить* и первоначально означало «то, что остужено». Это существительное нужно произносить с твердым согласным «т» — *стѹдень*.

В. П. Козлов,
кандидат исторических наук

В конце XVIII — начале XIX века в России возникает целый ряд массовых общественных организаций — официально признанных научных и литературных обществ, уставами которых предусматривались также исторические разыскания. Наиболее значительными из них были «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» (1801 г.), «Беседа любителей русского слова» (1807), «Вольное общество русской словесности» (1816 г.) и др.

В 1803 году при Московском университете было организовано первое в стране официальное общественное объединение исторического профиля — «Общество истории и древностей российских», а в 1811 году там же — «Общество любителей русской словесности». С 1806 года начало работать «Общество любителей отечественной словесности» при Казанском университете, «Общество наук» при Харьковском университете (1812), «Общество любителей русской словесности» при Демидовском училище (1814).

Почти все названные и другие официально признанные объединения выросли из неофициальных кружков и салонов, возникновение которых отразило рост активности различных слоев русского общества, в том числе и демократических, пробуждавшихся под воздействием социально-экономического развития страны и бурных событий эпохи. Наряду с чисто светским характером их деятельности, многие из таких объединений представляли собой центры оживленной научной и литературной жизни. Заметное, а иногда и

преобладающее, место занимали в них исторические разыскания. Именно таким и был кружок «любителей Российских древностей», возглавляемый графом Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным в конце XVIII — начале XIX веков. Как можно понять из сохранившихся источников, организационными центрами кружка были петербургский, а затем московский дома Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, находившиеся соответственно на Мойке и на Разгуляе. Здесь и происходили собрания членов кружка: бывшего статс-секретаря Екатерины II, обер-гофмейстера императорских театров Ивана Перфильевича Елагина, члена Военной коллегии, историка Ивана Никитича Болтина, управляющих Московским архивом Коллегии иностранных дел Николая Федоровича Малиновского и Николая Николаевича Бантыша-Каменского, директора Публичной библиотеки Алексея Ивановича Оленина и др. Кружок скорее напоминал светский салон высокопоставленных государственных деятелей, объявивших себя «в свободное от должности время» скромными «любителями отечественной истории».

Кружок возник около 1784—1786 годов и уж во всяком случае действовал в 1789 году. Елагин в опубликованной части своего «Опыта повествования о России» прямо указал на собрания членов этого объединения и даже коллективный характер их работы. Рассказывая о подготовке членами кружка издания Правды Русской, он писал: «Я сам имел щастие в числе сих любителей русской истории быть, и хотя при издании в печать не участвовал, но первые замечания и сношения летописцев и слов объяснения при мне между прочими происходили».

В начале 90-х годов, находясь на взлете своей деятельности, кружок понес ощутимые потери: в 1792 году умер Болтин, а спустя год — Елагин. Впрочем, после переезда Мусина-Пушкина в Москву, последовавшего в связи с его отставкой (в 1797 г.) с постов обер-прокурора Синода и президента Академии художеств, он привлекает к участию в кружке новых сотрудников: протоиерея Московского Архангельского собора П. А. Алексеева, восстанавливает свои давние связи с одним из управляющих Московским архивом Коллегии иностранных дел Н. Н. Бантышом-Каменским. Около 1797 года знакомится с Карамзиным и будущим преемником Н. Н. Бантыша-Каменского на посту управляющего архивом А. Ф. Малиновским. В начале XIX века укрепляются его связи с директором Публичной библиотеки А. И. Олениным, а через него — со служащим той же библиотеки А. И. Ермолаевым.

Творчество новых членов кружка Мусина-Пушкина увенчалось первым изданием «Слова о полку Игореве». После организации «Общества истории и древностей российских» граф связывал оп-

ределенные надежды с этим объединением. В начале XIX века под влиянием сложных внутриполитических и внешнеполитических коллизий Мусин-Пушкин развернул негласную политическую деятельность, оппозиционную правительственному курсу Александра I. Вместе с Н. М. Карамзиным, Ф. В. Ростопчиным и рядом других современников он входил в так называемый «Тверской салон» великой княгини Екатерины Павловны, которая привлекла в него недовольных преобразовательской деятельностью М. М. Сперанского. Отсюда вышла знаменитая «Записка о древней и новой России» Карамзина. Здесь Мусин-Пушкин был в числе избранного круга лиц, которым историограф читал еще не изданные главы своей «Истории государства Российского».

Кружок Мусина-Пушкина представлял собой неофициальную общественную организацию, в которую входили высокопоставленные чиновники, принадлежавшие к высшему эшелону правительственного аппарата. Все они сделали свою карьеру при Екатерине II и, разумеется, считали себя во многом обязанными правлению «мудрой монархини», являлись решительными сторонниками и идеологами той политики «просвещенного абсолютизма», которую вела русская императрица.

В истории члены кружка видели одно из важных средств воздействия на «общее мнение» в духе идеологии «просвещенного абсолютизма». Вместе с тем изучение отечественного прошлого кружок рассматривал как важное патриотическое предприятие. Этот патриотизм исходил из безусловного признания того факта, что история России ничуть не беднее истории любой другой европейской страны, а самое главное, что процессы, пережитые европейскими странами, во многом были характерны и для России.

В деятельности кружка отчетливо прослеживаются несколько направлений. Первое и, пожалуй, главное из них было связано с собиранием источников. Рукописная, нумизматическая и археологическая коллекции кружка стали едва ли не самыми крупными в России на рубеже двух столетий. Основу рукописного собрания составили источники, приобретенные разными путями: через комиссионеров (которых граф «учредил» во многих городах: в Ярославле им был архиепископ Арсений Верещагин, в Москве — П. А. Алексеев, И. Ф. Ферапонтов, в Петербурге — А. И. Оленин, А. И. Ермолаев), на антикварно-книжном рынке (в том числе через В. С. Сопикова — материалы архива и коллекции историка петровского времени П. Н. Крекшина и его наследников Деденевых), из церковных хранилищ, изъятые по екатерининскому указу 1791 года (не менее 20 номеров), «дарения» современников или передача по завещанию автографов своих трудов, собранных рукописей (Ека-

терины II, Г. Р. Державина, С. Г. Миславского, П. П. Петрова, Евгения Булгариса, И. Потемкина, А. Байбакова и др.), приобретения целых рукописных коллекций (И. Быковского, А. А. Барсова). После смерти Болтина и Елагина Мусин-Пушкин получил в свое распоряжение их коллекции и архивы. Так, число болтинских материалов «простиралось до ста связок», среди елагинских — вся неопубликованная рукопись его многотомного «Опыта повествования о России».

В собрание, последним владельцем которого стал Мусин-Пушкин, вошли рукописи старинной традиции и документы по истории XVIII века и современности. Старинные рукописи были представлены, по всей видимости, материалами историко-литературного содержания. Настоящими «жемчужинами» здесь были сборник со «Словом о полку Игореве», Лаврентьевская летопись, сборник с «Похвалой великому князю Владимиру», пергаменные рукописи богослужебного характера, Никоновская летопись с правкой патриарха, Новгородская летопись из библиотеки царевича Алексея Петровича, Степенная книга из библиотеки А. Волынского, так называемая «Летопись Федора Кемского» и др.

Разнообразный характер имели материалы по истории XVIII века и современности. Наряду с историческими документами, например, из архива Крекшина-Деденевых, здесь находились списки и автографы исторических, публицистических сочинений В. Н. Татищева, И. П. Елагина, И. Н. Болтина, А. А. Барсова, политических трактатов Г. Р. Державина, Екатерины II, литературных произведений Г. Р. Державина, И. П. Елагина, возможно, И. П. Богдановича и др. Мусин-Пушкин оказался одним из первых в России, кто приступил к активному и систематическому комплектованию материалов по истории современности, поняв их значение для потомков.

В настоящее время известно более чем о ста конкретных рукописях утраченного собрания, приблизительно треть которых сохранилась, в частности благодаря наследникам Н. М. Карамзина.

Второе направление деятельности кружка связано с изучением и публикацией исторических источников и изданием трудов предшественников и современников. В их числе — «очищенное» или «восстановленное» издание Правды Русской, осуществленное по шести спискам, в основу которого, по всей видимости, был положен не дошедший до нас пергаменный список, публикации «Поучения Владимира Мономаха», Книги Большому Чертежу, первое издание «Слова о полку Игореве», публикация сочинений Евгения Булгариса о времени крещения великой княгини Ольги, С. Сестренцевича — о языке древних сарматов, И. Н. Болтина — его кри-

тические заметки на первые два тома «Истории» князя Щербатова, историко-географический словарь В. Н. Татищева и др. Публикации источников в большинстве случаев осуществлены на высоком для того времени археографическом уровне. Кружковцы снабжали их предисловиями, комментариями (научными и научно-публицистическими, как, например, в изданиях — Правды Русской и «Поучения Владимира Мономаха»), успешно разрабатывали принципы воспроизведения их текстов.

Вершиной публикаторской деятельности кружка стало издание «Слова о полку Игореве», археографический уровень которого не имел аналогий в предшествующей историографии.

Третье направление деятельности кружка — подготовка историко-географических, историко-филологических и собственно исторических трудов. Среди них работы самого Мусина-Пушкина — исследование о Тмутараканском княжестве и о местоположении Холопьяго города, исследование Н. Н. Бантыша-Каменского о польской унии, «Словарь географический» к «Истории» В. Н. Татищева, подготовленный И. Н. Болтиным, его же незавершенный «Толковый славено-российский словарь», не дошедшая до нас «книга о словоударениях» Мусина-Пушкина и др.

Можно смело сказать, что кружок преуспел во всех избранных направлениях своих «ученых упражнений», хотя, конечно, ему удалось реализовать далеко не все из задуманного. Провозгласив девизом своей деятельности преодоление неведения в отечественной истории и разоблачение заблуждений в ее освещении, сотрудники Мусина-Пушкина сосредоточили свои усилия на разрешении одной из актуальных проблем историографии конца XVIII — начала XIX века — организации источниковой базы о национальной истории, создании корпуса проверенных на основе научных представлений своего времени «свидетельств» о прошлом России. После В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Н. И. Новикова это было первое организованное национальное движение за сохранение и введение в общественный оборот исторических источников, а члены кружка оказались первооткрывателями уникальных древностей. В основе этого движения лежали прежде всего патриотические мотивы.

В начале XIX века эстафету кружка А. И. Мусина-Пушкина приняло и успешно пронесло новое общественное объединение — Румянцевский кружок (подробнее см.: Козлов В. П. Колумбы Российских Древностей. Издание II. М., 1985).

«Издательство — это один из важных очагов культуры и просвещения, и на издателей следует смотреть как на просветителей народа, ибо им обязаны своим появлением много сочинений, которые никогда не вышли бы в свет; издатели, придавая известное направление своей деятельности, развивают, так сказать, вкус к тому или другому отделу науки или литературы, создают читателей, способствуют распространению грамотности». Эти слова принадлежат известному английскому философу, экономисту и общественному деятелю XIX века Джону Стюарту Миллю и как нельзя лучше объясняют интерес нашего современника к замечательным страницам истории и культуры, рассказывающим о жизни и деятельности русских издателей-просветителей. Продолжая публикацию материалов на эту тему, предлагаем вниманию читателей очередной очерк Е. А. Динерштейна, посвященный 150-летию известного русского издателя Адольфа Федоровича Маркса.

Русский издатель А. Ф. Маркс

Е. А. Динерштейн,
кандидат филологических наук

уществует поговорка, что «родина не там, где рождается человек, а там, где он себя находит». Вряд ли она столь уж бесспорна, но в отношении Адольфа Федоровича Маркса — безусловно верна. Выходец из Пруссии, он две трети жизни прожил в России, здесь женился, основал свое «дело», здесь и умер. За заслуги перед второй

родиной был возведен в Российское дворянство, честь по тем временам немалая, но главная его награда — благодарная память потомков.

Адольф Маркс родился ровно сто пятьдесят лет тому назад в столице тогдашней Померании — Штеттине, в семье фабриканта башенных часов. Если бы не ранняя смерть отца, то, вероятно, жизненный путь никогда бы не привел его в Петербург, куда он попал после нескольких лет службы в немецких книготорговых фирмах. Почему он вопреки наставлениям своих родственников выбрал из всех открывавшихся возможностей именно книжное де-

ло, сказать трудно. Известно, что у его отца была хорошая библиотека и что он очень любил читать, отдавая этому занятию все свободное время. Но сказанного явно недостаточно, чтобы ответить на заданный вопрос.

В Россию Маркс приехал в сентябре 1859 года по приглашению известного петербургского книготорговца и комиссионера лейпцигских фирм Ф. А. Битепажа с тем, чтобы вести его дела с Германией. В течение пяти лет он, по словам современников, успешно справлялся со своими обязанностями, и фирма многое преуспела его стараниями. Из-за ликвидации иностранного отдела ему пришлось перейти к другому, гораздо более известному книготорговцу и издателю М. О. Вольфу. Однако их сотрудничество было непродолжительным. Как отмечает современник, «несмотря на свою бедность, он был слишком горд, самонадеян и чересчур настойчиво требовал самостоятельной роли в деле, для того чтобы мириться с скромным положением всецело подчиненного своему хозяину приказчика торговца книгами» (Либрович С. Ф. На книжном посту. Пг., 1915). Плохо зная язык и не имея ломаного гроша в кармане, Адольф Маркс оказался в буквальном смысле слова на улице.

В создавшейся ситуации в полную меру и проявились его деловые и человеческие качества. Некоторое время он перебивался уроками французского и немецкого языка, затем служил «письмоводителем по немецкой корреспонденции» в управлении Варшавской железной дороги. Но и в этих тяжелых условиях его не покидала мысль о возвращении к любимому делу. На весьма скромные личные сбережения и взятые в долг деньги он приобрел в 1869 году право на издание основанного еще А. А. Плюшаром «Живописного сборника замечательных предметов из наук, искусств, промышленности и общежития» и преобразовал его в еженедельный журнал для семейного чтения.

Такие журналы довольно широко были распространены в Германии, в некоторых из них Маркс даже сотрудничал, посылая какие-то корреспонденции из России. Судя по тому, что написано им на русском языке, литературными талантами Маркс не обладал, зато как издатель сделал верный шаг, первым поняв, что нужно той стране, в которой он волею судьбы оказался.

Время благоприятствовало его начинаниям: пореформенная Россия переживала годы промышленного подъема, кардинальные изменения происходили в деревне; не было области социально-экономической жизни страны, которой в той или иной степени не коснулись преобразования. Особенно заметные сдвиги произошли в развитии культуры и просвещения. Широко заявил о себе чита-

тель-разночинец, а к концу века появились читатели из крестьянской и пролетарской среды.

Начиная свое дело, Адольф Маркс в первую очередь рассчитывал именно на эту, как тогда говорили, «большую публику маленьких кошельков». Журнал был предельно дешев и строился по широкой универсальной программе: беллетристика, научная популяризация, практические советы, новости, касавшиеся всех сторон жизни современного общества. Недаром он назывался «Нивой». Читатель вправе был надеяться, что и ему достанется доля сжатого с ее полей урожая знаний.

Чтобы заинтересовать подписчика, Маркс придавал «Ниве» различного рода приложения и премии, от дешевых картинок и журналов мод до литературно-художественных сборников и собраний сочинений известных писателей. Их значимость и ценность росли параллельно увеличению тиража журнала и улучшению материального положения его владельца. По словам И. Н. Потапенко, в конце концов случилось так, что в один прекрасный день Маркс «сделался издателем приложений, а бесплатной премией при них была «Нива». Да она казалась жалкой и ни на что не нужной перед такими колоссами, как полное собрание сочинений Достоевского, полный Гоголь, полный Тургенев, полный Чехов и т. д.». Что же касается читателя, то ему было глубоко безразлично, как надо считать: приложения при «Ниве» или «Ниву» при приложениях. Тем более, что к концу века журнал изменился явно к лучшему и был не так уж безнадежно плох.

Время подсказало Марксу тип журнала, но тематика, формы и характер подачи материалов отражали вкусы его издателя, а главное — требования читателей, к которым он очень чутко прислушивался. Начав с 9 тысяч подписчиков, Маркс довел тираж «Нивы» к началу века до 250 тысяч экземпляров, количества тогда еще в России невиданного.

Читатель журнала был разнолик. Но, что важно, среди подписчиков особенно велика была прослойка разночинной интеллигенции, определившей в конечном счете и политическую ориентацию журнала.

На страницах «Нивы» публиковались (понятно, не каждый раз) произведения крупнейших русских писателей (достаточно сослаться на имена Л. Н. Толстого, Гончарова, Тургенева, Чехова, Фета, Полонского, Григоровича и др.); воспроизводились картины выдающихся художников, печатались научно-популярные очерки, о которых, подчас, даже такой требовательный читатель, как А. П. Чехов, отзывался с похвалой; давались, действительно, ценные советы, которые в равной мере могли заинтересовать всех членов семьи.

Вот в этом расчете журнала на общесемейные интересы и заключался основной секрет его успеха.

«Я часто думаю о том, как хорошо было бы возродить стародавнюю традицию совместного чтения вслух,— писал не так давно академик Д. С. Лихачев.— Тут дело не в информации, которой у нас сегодня и без того предостаточно. Важно соприкосновение душ членов семьи и непременно в «разновозрастном составе». Кстати, по свидетельству автора этих строк, его отец, инженер-электрик, ежегодно подписывался на «Ниву» и приложения к ней. Читалась «Нива» и в семье Ульяновых, о чем можно заключить по письмам Александра Ильича.

По прошествии четверти века существования журнала его издатель подчеркивал, что, определяя программу «Нивы», он сознательно отказался от полемических материалов, поставив своей целью «проведение в общество чисто семейных здравых начал». Он считал выбранное направление «одинаково достойным, как и задачу просвещения...». По его словам, «Нива» всегда стремилась поместить «на своих страницах по возможности то, что может сплотить, соединить семью и оказать ей посильную помощь» (Нива. 1894. № 53. С. 23).

Придерживаясь Адольф Маркс иных взглядов, он вряд ли мог бы спокойно вести свое издание. Подобно другим массовым журналам, «Нива» подвергалась жесткой опеке цензурного ведомства, внимательно следившего не только за ее политической направленностью, но и за тем, чтобы на ее страницах не появились материалы, способные хотя бы в малейшей степени поколебать установившиеся догматы; любые попытки в этом роде решительно пресекались. На протяжении многих лет существования журнал выпускался в рамках «благонамеренности и аккуратности», не касаясь острых проблем общественно-политической жизни страны, постепенно все же склоняясь в своих симпатиях к идеям относительной либерализации государственного строя. Но, в отличие от многих подобных «тонких» журналов, «Нива» практически никогда (за исключением нескольких материалов, помещенных на ее страницах в начале издания) не печатала произведений, проповедующих человеконенавистнические или шовинистические идеи, или носящих откровенно охранительный характер.

Поначалу вынужденный печатать авторов «числом поболее, ценою подешевле», Маркс постепенно улучшил содержание журнала. А выпущенные им собрания сочинений крупнейших отечественных писателей в качестве литературных приложений к «Ниве» стали достоянием сотен тысяч жителей Российской империи. «Литературные приложения к «Ниве» дают А. Ф. Марксу право на вечную

благодарность со стороны русского народа», — не без основания писал Леонид Андреев.

Пятидесятилетний срок авторского права на литературную собственность, существовавший до революции, неминуемо вел к тому, что эти права с течением времени оказывались скупленными крупнейшими издательскими фирмами, становившимися таким образом монополистами в области издания сочинений того или иного писателя. (Исключение составляли произведения Л. Н. Толстого, написанные им после 1881 г., поскольку сам писатель объявил их всенародной собственностью). К чему все это вело, видно из такого примера: за многие годы, предшествовавшие «нивскому» приложению, полное собрание сочинений И. С. Тургенева разошлось в количестве всего 27 тысяч экземпляров, тогда как Марксом оно было выпущено тиражом чуть ли не в 200 тысяч экземпляров. Собрание сочинений Тургенева было отпечатано на белой глазированной бумаге и стоило в Петербурге (без доставки) 5 рублей 50 копеек, а в других городах (с доставкой) — 7 рублей. И это в то время, когда за собрание сочинений Тургенева, выпущенное И. И. Глазуновым, надо было уплатить 15 рублей. К тому же в придачу к сочинениям, изданным Марксом, полагалось пятьдесят два номера «Нивы», альбом мод, выкройки и тому подобные приложения, необходимые каждой семье.

А. Ф. Маркс начал с издания в 1884 году трехтомного собрания сочинений А. Н. Майкова, поэта, чьим стихотворением открывался первый номер «Нивы». Это было обычное коммерческое издание, никоим образом с журналом не связанное. Но опыт его подготовки пригодился издателю, когда он приступил к другому начинанию — серии собраний сочинений русских классиков, первыми в ряду которых стали сочинения М. Ю. Лермонтова.

В 1891 году на них кончился пятидесятилетний срок охраны авторского права, предусмотренный законом. Сочинения писателя становились общим достоянием. Используя это обстоятельство, Маркс выпустил в том же году двухтомник, состоявший из четырех частей, за весьма умеренную плату, по крайней мере, вдвое меньшую, чем назначалась обычно за подобные издания. Будучи через десять лет переизданным, оно принесло немалый доход издателю. В качестве редактора-составителя был приглашен А. И. Введенский, который предложил сверить тексты с сохранившимися рукописями и дополнить их опубликованными к тому времени произведениями поэта и его письмами.

Вслед за тем, в 1892 году, выходят полные собрания сочинений А. С. Грибоедова, И. И. Козлова, А. И. Полежаева и А. В. Кольцова. Все они однотипны: кроме основного текста, содержат биографию

ческий очерк писателя и его портрет. По составу они более полные, чем предшествующие издания, во всех случаях тексты сверены, насколько это было возможно, с рукописями. Особой тщательностью и полнотой отличалось трижды переиздававшееся при жизни Маркса полное собрание стихотворений и писем А. В. Кольцова. На следующий год вышли сочинения М. В. Ломоносова и Д. И. Фонвизина, но в них тексты с рукописями не сверялись. Все перепечатанные издания продавались в розницу, а в 1892 и 1893 годах придавались в качестве приложений к «Ниве». Повсеместный интерес, проявленный к ним современниками, по всей вероятности, утвердил Маркса в мысли о возможности выпуска многотомных изданий в качестве приложений к «Ниве», вернее, убедил его в том, что они могут послужить лучшим стимулом подписки на журнал. Впрочем, уверять читателя, что издатель руководствовался лишь меркантильными соображениями, вещь весьма рискованная. Но факты говорят сами за себя: в 1893 году «Нива» имела 120 тысяч подписчиков, а в 1894 году, когда приложением было объявлено собрание сочинений Ф. М. Достоевского, тираж журнала подскочил до 170 тысяч экземпляров.

Право издания собрания сочинений Достоевского было выкуплено у вдовы писателя за 75 тысяч рублей, при условии, что оно может быть издано в обусловленные сроки только в виде приложения к «Ниве». По мнению современников, да и самой Достоевской, условия эти были крайне невыгодными для издателя. Но, как показали дальнейшие события, он ни в чем не проиграл. Наоборот, успех издания убедил его в правильности избранного пути.

Приобретя за баснословную сумму в 150 тысяч рублей права на произведения Н. В. Гоголя, он выпустил несколько многотомных и однотомных собраний его сочинений под редакцией академика Н. С. Тихонова, признанных вершиной русской текстологии. Одно из них было выпущено как приложение к «Ниве». Кроме того, под редакцией другого известного текстолога В. И. Шенрока он выпустил четырехтомное собрание писем Гоголя, а также целую серию дешевых иллюстрированных изданий наиболее популярных произведений писателя.

Нет необходимости подробно останавливаться на успехе каждого из последующих изданий, достаточно сказать, что в их числе были собрания сочинений И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Н. С. Лескова, Д. В. Григоровича, В. А. Жуковского и, наконец, А. П. Чехова, а на 1905 год, видно, уж такова воля случая, были подготовлены в качестве приложения к «Ниве» собрания сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина и Генриха Гейне.

Кроме того, Маркс приобрел права литературной собственности

на произведения многих других известных русских писателей, сочинения которых вышли как в качестве приложений к журналу, так и в виде самостоятельных изданий. В числе последних можно назвать широко известные собрания сочинений А. А. Фета и Я. П. Полонского.

Было бы ошибкой при указании на заслуги А. Ф. Маркса ограничиться только перечислением выпущенных им собраний сочинений, ведь список всего изданного им составляет не менее 300 наименований. Разве выпущенные им в оригинальных переводах иллюстрированные издания: «Потерянный рай» Мильтона, «Фауст» Гете или «Натан Мудрый» Лессинга и им подобные книги не послужили русскому читателю? А его замечательные картографические издания, казавшиеся современникам образцами типографского искусства? Думается, что, если бы в наши дни на прилавках книжных магазинов появилось издание, подобное «Всеобщему географическому и статистическому карманному атласу» А. Л. Гикмана и А. Ф. Маркса, успех ему был бы обеспечен. А издателем было выпущено, кроме них, немало научно-популярных книг, справочников, пособий, вплоть до курса шахматной игры. Другое дело, что вклад их в отечественную культуру неравноценен и основную заслугу издателя следует видеть именно в демократизации классиков. Недаром одним из первых актов Наркомпроса стало переиздание с матриц издательства Маркса бесплатно распространяемых сочинений классиков.

А. Ф. Маркс был не совсем обычным для дореволюционной России предпринимателем. Он не приобретал акций и недвижимости вне фирмы, не заводил собственной торговли, как многие другие издатели, а, главное, вкладывал все свободные средства только в «дело». После его смерти на счету в банке оказалось полмиллиона рублей, которые предназначались по его завещанию на благотворительные цели. И все же издательство А. Ф. Маркса было капиталистическим предприятием. С той только разницей, что одним из определяющих факторов нормы прибыли служил тираж «Нивы». Жизнедеятельность фирмы не просто зависела от тиража журнала, она была обусловлена его постоянным повышением.

Адольф Федорович скоропостижно скончался от инфаркта (как тогда говорили — разрыва сердца) в ночь на 22 октября 1904 года. Согласно завещанию, его тело кремировали в Германии, а прах захоронили в России, на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря в Петербурге.

Осеред

Е. С. Отин,

доктор филологических наук

Речка с названием *Осеред* впадает слева в Дон, в том месте, где находится город Павловск, районный центр Воронежской области. Впервые название реки (гидроним), в форме *Серет*, отмечается в памятниках начала XVII века. Самая ранняя его запись представлена в «Книге Большому чертежу»: «А ниже Битюка, верст с 15, пала в Дон с Нагаиской стороны река Серет». Другие примеры, относящиеся к третьей четверти XVII века: «та речка Серет ниже Битюка пала в Дон» (Акты Московского государства. Т. 3, СПб., 1901); «на усть речки Серета», «в речку Серед» (Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Т. I. Воронежские акты. Воронеж, 1887).

Гидроним, представленный в написаниях *Серед* и *Серет*, произносился так же, как и сейчас, — *Серёт*. О произношении в XVII веке ударного *о* после мягкого согласного в конечном слоге свидетельствует запись названия реки латинскими буквами на карте Южной России Менгдена и Брюса 1699 г.: flu (<flumen, т. е. река) Serod (Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Вып. I, Киев, 1899). Нередко основа именительного падежа с конечным *т*, появившимся благодаря оглушению *д*, распространялась и на косвенные падежи, откуда нередкие в это время написания формы родительного падежа *Серета* и т. д.

Уже в XVII веке появляются варианты данного речного имени, связанные с тенденцией превращения его в существительное женского рода под влиянием нередко сочетавшегося с ним географического термина *река*. Это происходило, во-первых, за счет смягчения конечного согласного, и, во-вторых, посредством добавления окончания *-а*. Например: «та река Битюк да речка Сереть» (Акты Московского государства), «речка Середь» (Материалы для истории Воронежской и соседних губерний...); «на реку Середу», «на реке Середи» (Материалы по истории монашества на Дону); «на Середи рене город делать ли» (Елагин С. История русского

флота) и др. Запись гидронима в форме *Серёда* мы находим на «Плане части р. Дона и протоки у г. Павловска», составленном в начале нашего века (Журнал Министерства путей сообщения. СПб., 1902).

Вместе с приведенными выше формами уже с XVII века в различных документах отмечаются варианты гидронима с начальным *о*: «до реки Осереды», «за рекою Осередкою» (Межевая книга Павловской крепости); «речка Осеред» (Походный журнал 1696 года); *Осередь* (род. падеж — *Осереди*) и т. д. Варианты *Осереда* и *Осередь* в XIX—XX веках становятся главенствующими, широко проникая на топографические планы и географические карты, в исследования по гидрографии Дона. Начальное *о* в них появилось благодаря мнимоправильной записи слова, по аналогии с теми словами, в которых безударное начальное *а* орфографически передается через *о* (*огонь*, *обрыв*, *обида* и т. д.). Существуют, впрочем, и редкие примеры записи гидронима, ориентированные на разговорную речь, — *Асереда*, на составленном в 1770 году рукописном плане Павловской крепости, который хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве. При этимологизировании названия реки начальное *о* нельзя принимать за префикс. Это своеобразная передача приставного звука *а*, который встречается во многих говорах русского языка, в том числе и в южнорусских, например: *абосой*, *авторник*, *авсегда*, *адвор*, *алипа* и др. В тульских, орловских, курских, рязанских, донских говорах записаны: *алиман* (ср. лиман), *алимон*, *агарох*, *акрамя* (*кроме*) и много других подобных слов. Эта фонетическая особенность южнорусских диалектов получила отражение и при передаче народной речи в ряде произведений художественной литературы. Ограничимся одним примером: «А мы авчера (вчера. — Е. О.) еще знали, что я один полегче вас шестерых» (Дрианский. Записки мелкобурлачного). Вероятно, аналогичным образом возник и географический термин *овраг* из более раннего (в памятниках — с XIV в.) *враг*. *Враг* — «овраг» широко отмечается в диалектах русского языка. Весьма показательно, что такое же приставное *а* в русских говорах развивает и его омоним *враг* — «недруг»: *авраг*. «Убрав» из гидронима *Осеред* этот поздний его звуковой элемент, никогда не выражавший никакого значения, мы получим исконную форму *Серед*, отмеченную многими источниками XVII—XVIII веков. Этимологически она связана с южнорусским диалектным предлогом и наречием *серёд* — «посреди», а также с целым рядом слов, представляющих собой местные географические термины: *серёдок*, *осерёдок* — «остров или приглубная мель среди реки, крутом обр. кодимая» (Даль, Толковый словарь); *осерёдок* — «возвышенное

сухое место между озерами» (Словарь русских донских говоров); *осерёдок, осерёдыш, серёдок* — «остров-мель, образованный из наносного материала вдоль русла реки» (Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов). Ср. еще в документе XVII века: «на Волге ж рыбная ловля песок Золотуха да осередок Мокрой»; «... а Троецкими ловлями они песками и подпесочьем и осередком Мокрым не владеют» (Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Т. I. Киев, 1860). Здесь четко различаются сухие песчаные острова — *пески*, покрытая водой («мокрая») мель — *осередок*, глубокие места ниже островов — *подпесочья*.

В том месте, где река Осеред впадает в Дон, еще в прошлом веке была мель (или пережат), образовавшаяся из наносов реки Осеред. Пережат этот носил название *Павловский* (Краткое описание исследований верхней части Дона от хут. Каланча до устья Сосны и реки Сосны от ее устья до г. Ельца. СПб., 1904). Вначале, по-видимому, именно к этому месту — мели, пережату относилось слово *серёд* (*осерёд*), со временем превратившееся в имя собственное: сначала — в название урочища, а затем и территориально связанного с ним небольшого притока реки Дон. Следует иметь в виду, что очаги возникновения гидронимов, относящихся к протяженным в пространстве объектам — рекам или ручьям, нередко носят узко локальный характер. Часто гидроним возникает вследствие переноса по смежности на водный поток уже «готового» названия сопредельного с ним объекта. Сами эти объекты, в силу их недолговечности, до наших дней часто не сохраняются. Сравните, например, в Донецком бассейне: река *Олым* — приток Быстрой Сосны, правого притока Дона, из тюркского *олым* (*олом, олум*) — «брод» (см.: Топонимия Центральной России. М., 1974); река *Горелый пенёк* в бассейне Бахмута, правого притока Северского Донца; река *Нежеголь* — приток Северского Донца, название которой восходит к старинному русскому слову *нежеголь* — «высохшая на корню, некошенная трава». Так, очевидно, прежде называлось какое-то урочище, давшее название протекавшей рядом реке. Если, конечно, здесь не имел место перенос ранее сложившегося названия населенного пункта на реку (а деревня Нежеголь отмечается уже в документах середины XVII века).

В топонимической литературе высказаны еще две точки зрения, и обе — о неславянском происхождении топонима *Осеред*. Так, у В. П. Загоровского «не вызывают сомнения» тюркские истоки названия: «Видимо, это измененное на русский лад тюркское слово «сырт» — возвышенность, бугор, — пишет он. — Половецкое название урочища могло дать имя реке, а затем в русском языке

слово прошло такие стадии: сырт — сырет — серет — серед — осередь — осереда» (Как возникли названия городов и сел Воронежской области. Воронеж, 1966). В. А. Прохоров выводит гидроним *Осередь* из «скифо-иранского *сырант* — „литься, течь“» (Надпись на карте. Географические названия Центрального Черноземья. Воронеж, 1977).

В начале XVIII века в устье реки Осереды (где уже было оседлое население) возникает «крепость на Осереде», или «Осерецкая крепость». Сюда после заключения в 1711 году мира между Россией и Турцией был переведен гарнизон *крепости святого Павла*, или *Павловской крепости*, находившейся в месте впадения реки Миус в Миусский лиман. Здесь, в восточной части Северного Приазовья и в устье Дона, в конце XVII века было построено несколько крепостей с названиями в честь их «святых» покровителей. На правом берегу Дона, выше Черкаска, находилась *крепость святой Анны*, на мысе Таганий Рог (Таганрог) — *крепость (город) Святая Троица (Троицкая, город Троицкой)*, на месте теперешнего Ростова — *крепость святого Дмитрия Ростовского* (откуда и современное название города Ростова). Две каменные башни, сооруженные турками в устье Дона, — знаменитые каланчи, после того как они были захвачены русскими, получили аналогичные посвятительные имена. Как свидетельствуют карта Азовского моря 1699 года, составленная «под смотрением» самого Петра I, а также карта вице-адмирала К. Крюйса (Крейса) из атласа 1703 года, изданного в Амстердаме, одна из каланчей именовалась в честь святого Никона (Kalantzcha st. Nikon), а другая — в честь святого Сергия (Kalantzcha st. Serie) [Труды Государственного исторического музея. Вып. XIV. Сборник статей по истории СССР XVI—XVIII вв. М., 1941].

После перевода на реку Осеред жителей крепости святого Павла, а затем и городов Азова и Таганрога (Троицкого) населенный пункт еще довольно долго носил такое же, как и река, название, например: «покамест построится город Середа» (1709 г.) [Елагин С. История русского флота], «да в Воронежскую губернию близь города Середы под село Белогорье» (1722 г.) [Зворыкин А. А. Открытие и начало разработки угольных месторождений в России. Исследование и документы. М.—Л., 1952] и т. д. При этом народное название крепости широко употреблялось наравне с официальным: *Середа, Осеред, Осередь, Осерецкая крепость* — наряду с *Павловск, Павловская, или Новопавловская крепость (Ново-)* — по отношению к старой, которая была на Миусе). Так, в 1770 году были составлены два плана крепости, где она названа по-разному: «План Павловской крепости» и «План крепости Но-

вопавловской». Название *Осерецкая крепость* встречается в документе 1705 года; «Осередь, что ныне Павловск» — в тексте 1804 года (Акты по делу города Павловска... Ч. I, СПб., 1891). Дорога, ведущая в город *Осередь*, или *Павловск*, в 1720 году именовалась двойко — *Осерецкой* и *Павловской*: «подле большой Павловской дороги, что ездить на Осередь, а от той вершины налево тою Осерецкою большою дорогою к реке Елане» (Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т. I, СПб., 1896).

Заселенная казаками местность по реке *Серед* (*Осеред*, *Осереда* и т. д.) в памятниках XVII века именуется *Серецким ухажем* (или *Серецкое ухажье*, *Середцкое угодье* и т. д.), где слово *ухажай* значило «территория, имеющая какие-то природные богатства». Реки на Дону и их названия в XVII—XVIII веках нередко выступали в качестве своеобразных единиц территориального деления края, как обозначение земельных наделов определенных групп донского казачества — юртов. В середине XVII века существовал и Серецкой юрт (Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Т. I. Воронежские акты. Воронеж, 1887), на который, например, в 1663 году был наложен в пользу казны «откуп» (налог): «на реку Битюк откупу положить можно 146 рублей, да 10 пудов меду на год, а достальные 20 руб. положить на речку Серет, потому что та речка Серет перед Битюком мала...» (Акты Московского государства. Т. 3, СПб., 1901). Таким образом, топоним *Серед* в этот период употреблялся еще в качестве собственного имени территории, прилегающей к реке, или *Середского юрта*. Для сравнения укажем на случаи аналогичного употребления донских гидронимов и самого слова *река* в документах, составленных в период крестьянского восстания под руководством Кондрата Булавина: «Хопер и Бузулук и Медведица... все изменили ж с Кондрашкою Булавиным»; «И тот де вор велел тем же... провожатым поставить ево Кузьму в Усть-Хоперском городке для того, что де в том городке будет вся река в съезде и что де всею рекою ему, Кузьме, приговорят, казнь ли ему учинят или освободят...» (1708 г.) и т. д. (Булавинское восстание. М., 1935).

Топонимы, возникшие на основе общеупотребительных слов (в частности, местных географических терминов, к которым принадлежало когда-то и слово *серёд* — «перекат, отмель»), с течением времени могут утратить свою смысловую прозрачность, стать для новых поколений или для пришлого населения непонятными названиями с утраченной мотивировкой. Это и произошло с названием *Осередь*.

? ? ? ?
? Как Вас зовут ?
? ? ?

В. А. Никонов

В № 2 «Русской речи» за 1987 год были опубликованы заметки В. А. Никонова о женских именах, которые вызвали живой интерес читателей и многочисленные просьбы продолжить эту тему.

Предлагаем Вам познакомиться с десятью самыми распространенными в нашей стране мужскими именами.

Александр. По происхождению это имя древнегреческое, составное; означало — «защитник людей». К русским принесено христианством из Византии. Стало особенно частым после знаменитой битвы немецких рыцарей с новгородцами, известной под названием Ледового побоища (1242). Победы Александра Невского над шведами (Невская битва, 1240) и немецкими рыцарями обезопасили северо-западные границы Руси, а последующая мудрая политика ослабила тяготы монголо-татарского ига. Таким образом, имя Александра Невского в народе стало «говорящим», оправдывающим свое значение — «защитника людей». С тех пор оно остается популярным и сохраняет частотность до наших дней, занимая первое место в десятке самых распространенных имен.

Сергей. Древнеримское родовое имя Сергиус (в V—I вв. до н. э.) позже стало личным. Этимология неизвестна. К русским принесено христианством из Византии. Каноническая форма *Сѣргий*, с ударением на первом слоге; разговорная речь передвинула ударение и сменила ударный гласный. Позже имя стало частым.

Алексей. Древнегреческое имя — от *алексиа* — «защита, помощь». В Россию пришло с принятием христианства из Византии в форме *Алѣксій*. Теперь *Алексѣй* — одно из самых частых.

Дмитрий. Древнегреческое *Деметриос* — «посвященный Деметре» (богине плодородия). Принесено христианством из Византии в канонической форме *Димитрий*. С XIV века несколько русских князей получили это имя, в том числе московский князь Димитрий, под руководством которого были разбиты орды Мамай и свергнуто монголо-татарское иго. В честь знаменитой битвы на Куликовом поле в верховье Дона 8 сентября 1380 года Димитрий получил титул Донского, а его имя стало очень любимым. В нашем столетии оно приобрело форму *Дмитрий*, утратив первый гласный *и*. Сегодня имя по частоте занимает 4-е место в городах, 5-е — в сельских местностях.

Андрей. Древнегреческое *андрос* — «мужчина». К русским принесено христианством в X веке из Византии. Распространилось широко и за тысячелетие не утратило частоты. Сегодня — в числе самых распространенных.

Евгений. Древнегреческое *эвгенес* — «благородный». К русским принесено христианством из Византии. Несколько столетий оставалось исключительно редким, только в XIX веке вошло в употребление у городского населения, шире — в XX в. Теперь принадлежит к десятку самых частых (интересно, что в городах — реже, чем в сельских местностях).

Владимир. Средневековое составное имя — возможно, из славянских слов *владеть* и *мир* (это одна из гипотез). Вошло в «святцы» как имя киевского князя Владимира I, называемого в русских былинах «Красное Солнышко». Удивительно, что в «святцы» вошло не христианское имя Василий, которое он принял при крещении, а его первое языческое — Володимерь, от этой формы сохранилась современная — *Володя*. Несколько веков имя оставалось только княжеским. На все слои населения оно распространилось в XIX веке, прославилось и стало дорогим всему передовому человечеству в наше время как имя великого вождя Октябрьской социалистической революции, основателя Коммунистической партии Советского Союза — Владимира Ильича Ленина. Сейчас это имя одно из самых популярных.

Николай. Древнегреческое составное *николаос* — «победитель народов». К русским принесено христианством из Византии, но долго оставалось очень редким. Большое распространение получило лишь с XVIII века. В сельских местностях имя еще долго поддерживалось связью с церковными праздниками — «зимнего и

вешнего Николы». В наши дни имя приобрело вновь популярность благодаря «моде на старину».

Михаил. Библейское с первичным значением «равный богу». К русским принесено христианством из Византии, где несколько императоров носили это имя. Рассчитывая на поддержку Византии в борьбе с ордынским гнетом, русские цари все чаще стали называть детей именем Михаил. С тех пор оно удерживает частоту, и сегодня одно из наиболее популярных мужских имен.

Денис. Древнегреческое имя Дионис — бог вина и веселья. У древних греков — самое распространенное имя, 43 человека, носивших его, попали в списки православных «святых». Каноническая форма — *Дионисий*; в обиходном употреблении не свойственное русскому языку стечение гласных *-ио-* упрощено в *-е-*; отброшено грамматическое окончание. В начале XIX века имя прославил Денис Давыдов, герой Отечественной войны 1812 года, командир партизанского отряда, успешно действовавшего в тылу врага; прославленный поэт был близок к декабристам и Пушкину. Имя между тем было редким и к нашему времени почти вышло из употребления. Но широкий успех вышедшей в 1961 году книги В. Ю. Драгунского «Денискины рассказы», переизданной несколькими тиражами, неожиданно вернул имени жизнь, и из почти забытого оно превратилось в широко распространенное.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно образовать отчество от имени *Валерий*?»

И. Л. Коженикова, Киев
В. Д. Катеринчук, Симферополь

Существуют два варианта отчества: *Валериевич (Валериевна)* и *Валерьевич (Валерьевна)*. Оба в разговорной речи произносятся *Валерич — Валерьяна*.

ПОРТНОЙ И ПОРТ

З. А. Носкова

Состав существительного *портной* ни у кого, как правило, не вызывает сомнений. Это слово по происхождению является прилагательным, и в нем легко выделяется окончание *-ой* и суффикс *-н-*, характерные для этой части речи (например, *боль-н-ой*).

А что же значит корень *порт-*?

Хорошо всем известно слово *порт*, обозначающее место у берега, специально оборудованное для стоянки судов. Это заимствование из французского языка. Совершенно очевидно, что оно здесь не подходит: родственных отношений с *портным* у него нет. Не подходит и менее известное слово *порт*, принесящее из английского языка: им называют герметически закрывающиеся вырезы в бортах судна для орудий или для погрузки и разгрузки с нижней палубы, для входа и выхода пассажиров.

Не выдерживает критики и лютучное объяснение происхождения слова *портной*. О плохом мастере говорят: *это портной от слова портить* (как о плохом художнике: *художник от слова худо*). Но ведь далеко не все портные — плохие работники.

Ковечию же, более естественна связь слова *портной* с *порты*, *портки*. Среди портняжеской продукции есть это изделие, но оно не единственное. Было бы странным по одному виду продукции называть профессию. И тем не менее эта связь оправдана, так как в древнерусском языке словом *порты* обозначалась одежда вообще.

Картотекой ДРС Института русского языка АН СССР зафиксировано более пятидесяти примеров употребления этого слова в языке памятников письменности XI—XVII веков. Оно было весьма распространенным названием одежды наряду с такими, как *одеяние*, *одежа*, *платье*, *риза*, и встречалось в произведениях разного содержания.

Так, в «Повести временных лет» читаем: «(И) взложи на нь порты чернецькыя» (1074); «В се же лето рекоша дружина Игоревы отроки Свеньжкы изоделися суть оружьем и порты а мы нази» (там же). Нередко слово встречается и в памятниках деловой письменности — различного рода грамотах. Иван Калита, отправляясь в Орду, в своей духовной грамоте завещал: «А ис порт из моих с(ы)ну моему Семену: кожух черленыи женчужныи, шапка золотая» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950).

Поскольку *порты* могли быть «царские и «чернецкие» (монашеские), «брачные» (свадебные) и «худые» и «драгие», «исподние» и «драгоценные», можно сделать вывод, что это слово в Древней Руси было стилистически нейтральным. В современном русском языке оно имеет оттенок сниженности.

Нынешнее значение «брюки» появилось у слова *порты* и его производного *портки* не раньше XV века. Тверской купец Афанасий Никитин, путешествуя в 1466—1472 годах по Персии и Индии, дивясь быту и правам далекой земли, писал: «Зиме же... князи и бояре толды на себя вздевают порткы, да сорочицу, да кафтан...» (Хождение за три моря Афанасия Никитина). Впрочем, значение «одежда» у слова *порты* еще долго существовало в русском языке. В произведении русской литературы XVII века «Повесть о Горе-Злочастии», написанном в духе фольклорных традиций, *порты* обозначают дорогой наряд: «Безпечална мати меня породила, грешком кудерцы розчесывала, драгими порты меня одеяла».

Постепенно за словом закреплялось значение «брюки». Позже, попав в новый синонимический ряд со словами *штаны*, *гачи*, *шаровары*, *панталоны*, *брюки*, слова *порты* и *портки* приобрели стилистически сниженное значение, так как означали крестьянские мужские штаны из домотканого материала. Неслучайно в расска-

зе К. Паустовского «Последний черт» это слово употребляется в качестве авторской характеристики героя — деревенского деда. Он, получив от зверинца награду за помощь в поимке сбежавшего пеликана и купив на нее штаны, говорит: «Порты у меня — первый сорт... Об моих портах разговор идет до самой Рязани».

Слово *порты* употребляется современными писателями и как историзм, называя определенный продукт крестьянского хозяйства — штаны из домотканой материи. Вот описание одежды маленького разведчика из повести В. О. Богомолова «Иван»: «Грязная рубашонка до бедер и узкие короткие порты на нем были старенькие, холщовые, как я определил, деревенского пошива...»

В древнерусских памятниках письменности мы встречаем, правда, редко, форму единственного числа — *порт*. Это слово могло обозначать не только одежду, но и покрывало, священническую ризу, пелену, оболочку, нить, а также кусок ткани. Как считают ученые, значение «кусок ткани» у слова *порт* является изначальным (см.: Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. По материалам летописей. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена). Правда, в таком значении слово в письменных источниках употребляется редко: «коупил в тѣргоу. или конь или пѣрт. или скотиноу» (1282 г.) [Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976].

Слово *порт* (*портно*, *портнина*, *портянина*) в значении «ткань, кусок полотна» хорошо известно в диалектах русского, украинского, белорусского языков. Наибольшее распространение *порт* и его производные получили в диалектах русского языка: *порт* — «вообще пеньковая, посконная, льняная грубая пряжа, либо холст, пѣртно, портянина»; *портѣ* или *пѣрты* — «пáволоки, пáволочье, ткань» (Даль. Толковый словарь). Многие из них вошли и в состав современного русского литературного языка, относясь к различным лексическим пластам.

Все эти слова в современном русском языке образуют три словообразовательных гнезда. К первому относятся слова *порты* (устаревшее и просторечное), *портки*, *порточки*, *портчишки*, *портчина*, *порточный*, *беспорточный* (все — просторечные). Ко второму — *портянка*, *портяночка*, *портяночный*; сюда же относится и слово *портяной* (устаревшее). Третье большое гнездо образуют слово *портной* и его многочисленные производные: *портника*, *портнишка*, *портняга*, *портняжка*, *портняжество* и др. Есть и сложные слова с корнем *порт-*: устаревшие *портмой*, *портмойка* — те, кто занимается стиркой белья.

До сих пор первоначальное значение корня сохранилось лишь в словах *портянка* и в устаревшем *портяной* (холщовый). По происхождению корень **ръгъ-* является общеславянским; слова с этим корнем есть в болгарском, сербохорватском, словенском, чешском, словацком, польском языках. Этимология слова не является общепризнанной. Наиболее достоверно выглядит связь праславянского **ръгъ* с глаголом *пороть* (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка). Но существует и другой взгляд на происхождение слова. Французский тюрколог Ж. Дени отмечал, что слово *порты* происходит от турецкого *pirtî* — «рвань, отрепье». Этой точки зрения придерживаются и некоторые советские исследователи. Думается, однако, что наличие слова во многих славянских языках является одним из убедительных доказательств того, что **ръгъ* «кусок ткани», «одежда» является общеславянским по происхождению и «не может восходить — по словам И. Г. Добродомова — к стоящему изолированно среди тюркских языков турецкому *pirtî* ... Тюркская (турецкая!) этимология общеславянского «одежда» внеисторична и навязана в основном стилистической окрашенностью слова *порты*, *портки* в современном русском литературном языке и поэтому не может быть принята всерьез» (Добродомов И. Г. К изучению лексики «Русской правды» (*портъ* «топор» и *портъ* «одежда»). — В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978).

Интересна история не только корня, но и самого слова *портной*. В древнерусском языке оно употреблялось как определение. Существовали *портное дело* (это ремесло могло называться и просто *портное*), *портная работа*, *портные швальни* (*швальня* — спец. устар. «портняжная мастерская»), *казна, избы*: «Дано истобнику в портную избу Тимохе оброку полтина» (Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря 1575—1576 гг. — картотека ДРС). О себе ремесленник XVII века писал так: «Се аз Викула Осипов сын портной мастер колуужской посадской человек» (Маркевич А. И. Калужские купцы Дехтеревы. Одесса. 1891). Такое употребление прилагательного *портной* было обычным и в литературе XIX века: «(Мастер) засадил всю ночь работать при свечах портное народонаселение иглами, утюгами и зубами, и фрак на другой день был готов» (Гоголь. Мертвые души).

Но в языке часто случается так, что определяемое слово в словосочетании становится излишним и значение всего оборота сосредоточивается на определении (например, *передняя комната* — *передняя*). Так и вместо *портного мастера*, *швечика*, *швеца* появляется просто *портной*. Случаи использования слова *портной* в качестве существительного отмечены еще в XVII веке: «Февраля

12-го: портным на поставец к шитью государевы постели сашной на нити и на иголки 5 алтын», — читаем мы в Расходной книге... денежной казны Петра I за 1683 год (Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. I. М., 1872). В XVIII веке такое употребление слова *портной* становится привычным. В комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» госпожа Простакова говорит: «Так разве необходимо надобно быть портным, чтобы уметь шить кафтан хорошенько. Экое скотское рассуждение!»

Сейчас в связи с тем, что профессия портного по преимуществу стала женской, наряду с *портника* порой используется и профессиональное слово *портная*: «А Виктории, которая... работает портной на фабрике верхней одежды имени Титякова, комсомольцы Харькова доверили подписать от их имени рапорт...» (Сов. культура. 1986. 31 мая).

Итак, *портной* потому стал называться *портным*, что шил одежду — *порты* — из ткани, из порта.

В заключение отметим, что ранее связанные между собой слова *порты*, *портянка*, *портной* сейчас разошлись по своему значению и уже не воспринимаются как родственные.

Ворошиловград

Рисунок Н. Беланова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В репортаже по телевидению услышала незнакомое слово *аутсайдер*. Слово явно нерусское. Откуда оно у нас и что обозначает?»

З. Носкова, Тула

Аутсайдер [англ. outsider] — 1) капиталистическое предприятие, не входящее в монополистическое объединение; 2) спортсмен или команда, занявшие в соревнованиях одно из последних мест.

СЛУЖБИСТ

У. Д. Эсанов

Порой человека, который старательно, по с крайним формализмом относится к служебным обязанностям, называют *службистом*. Какова же история этого слова?

Составители русских словарей обратили внимание на слово *службист* в конце XIX века. Характерно, что еще в 1886 году ревнители чистоты русского языка не признавали законности новообразования *службист*, которое, по их мнению, употреблялось «преимущественно о военных» и подлежало замене словом *служака*. Это отмечается в «Опыте словаря неправильностей в русской разговорной речи (преимущественно в Южной России)» В. Долопчева, изданном в Одессе в 1886 году. Во втором, пересмотренном и дополненном издании этого же пособия (Варшава, 1909) к первоначальной словарной статье: «*Службист* (преимущественно о военных) — *служака*» — было добавлено еще одно уточнение — «строгий *служака*». Вторым зафиксировал это выразительное слово М. И. Михельсон в словаре «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» (т. 2, СПб., 1903—1904) и истолковал следующим образом, дав примеры употребления слова из произведений Н. С. Лескова:

«*Службист*, военный служака,— требовательный, строго и точно относящийся к службе и только о ней помышляющий.

Ср.— У нас, как я с Кавказа перевелся,— начал майор,— был полковник, превеселый начальник и службист. Лесков, *Соборяне*, 4, 8.

Ср. (Он) был известен как службист и чиновник с головы до пяток. Лесков, *Владычный суд*».

Действительно, в произведениях Н. С. Лескова это слово встречается несколько раз, но обширные контексты из произведений этого автора, которые мы приведем ниже, значение слова *службист* раскрывают более полно. Лаконизм словарной формы изложения не позволил М. И. Михельсону привести столь большие цитаты, но пренебрегать в данном случае таким широким контекстом не стоит.

Впервые Н. С. Лесков употребил слово *службист* в романе «Соборяне» (1872) в прямой речи персонажа и поэтому никак не выделил:

«— У нас, как я с Кавказа перевелся,— начал майор,— был полковник, превеселый начальник и службист. Саблю золотую имел за храбрость».

Зато во «Владычном суде» (1877) это существительное, использованное в речи автора, выделяется кавычками:

«Очень молодым человеком, почти мальчиком, я начал мою службу в Киеве, под начальством Алексея Кириловича Ключарева, который впоследствии служил директором департамента государственного казначейства и был известен как «службист» и «чиновник с головы до пяток». Его боялись в Житомире, боялись в Киеве и только перестали бояться в Петербурге, где этот суровый и сухой формалист почувствовал, что он тут не к масти козырь, и вскоре по удалении от дел скончался».

В следующем примере из произведения «Человек на часах» (1887) слово *службист* также дано в речи автора в кавычках и с развернутой характеристикой самого службиста:

«Подполковник Свиныи не имел той жалостливости и того мягкосердия, которые всегда отличали Николая Ивановича Миллера: Свиныи был человек не бессердечный, но прежде всего и больше всего «службист» (тип, о котором нынче опять вспоминают с сожалением). Свиныи отличался строгостью и даже любил щеголять требовательностью дисциплины. Он не имел вкуса ко злу и никому не искал причинить напрасное страдание; но если человек нарушал какую бы то ни было обязанность службы, то Свиныи был леумолим. Он считал неуместным входить в обсуждение побуждений, какие руководили в данном случае движением

виновного, а держался того правила, что на службе всякая вина виновата. А потому в караульной роте все знали, что придется претерпеть рядовому Постникову за оставление своего поста, то он и оттерпшит, и Свинычи об этом скорбеть не станут».

Обращает на себя внимание то, что в двух приведенных выше примерах Н. С. Лесков слово *службист* выделяет кавычками, но остается не вполне понятным, почему Н. С. Лесков в «Печерских антиках», написанных в 1883 году (до «Владычного суда»), это слово никак не выделяет в своей иронической авторской речи, как будто перерастающей в несобственно прямую речь стилизованного рассказчика:

«К Кесарю Степановичу был вхож и почему-то пользовался его расположением местный квартальный, которого, помнится, как будто звали Дионисей Иванович или Иван Дионисович. Он был полухохол-полуполяк, а по религии «из тунейдского исповедания». Это был человек пожилой и очень неопрятный, а подчас и зашибавшийся хмелем, но службист, заповед и разного мастерства художник. Притом, как человек, получивший воспитание в каких-то иезуитских школах, он знал отлично по-латыни и говорил на этом языке с каким-то престарелым униатским попом, который проживал где-то на Рыбальской улице за лужею. Латынь служила им для объяснений на базаре по преимуществу о дороговизне продуктов и о других предметах, о которых они, как чистые аристократы ума, не хотели разговаривать на низком наречии плебеев».

Слово *службист* употребляли и современники Н. С. Лескова. Так, П. Д. Боборыкин в повести «Поумнел» (1890) использовал его в кавычках и своеобразно характеризовал как повея:

«И он воображает себя чистокровным аристократом, постоянно твердит о превосходительстве отца и не забывает того, что бабушка его — урожденная княжна Токмач-Пересветова. Он не будет кутной и учиться недурно, но лучше бы уже из него вышел повеса, чем тот высокоприличный салонный «службист», — слово, которое она от него же впервые и услышала».

Здесь *службист* используется в рассуждениях матери о судьбе сына, но первичность употребления этого слова отсылается к другому герою, и поэтому оно дается в кавычках. Из примера видно, что слово *службист* тогда еще не было достаточно хорошо известно в русском языке. П. Д. Боборыкин в более позднем своем романе «Таманцев» (1895) возвращается к этому слову и снова дает его в кавычках как еще не привычное:

«И в старшем товарище своем Таманцев чуял неизбежную

двойственность «службиста», воображающего, что он — государственный деятель великого ума, с замашками самоуверенного честолюбца, носящего только личину патриота и радетеля о всенародных пуждах».

Слово *службист* также встречается в напечатанных в 1875 году воспоминаниях А. К. Гриббе (1806—1876) «Граф А. А. Аракчеев», где говорится о событиях начала XIX века:

«Фролов, переведенный в 1807 году, в числе 800 человек, из Архаровского полка в Аракчеевский представлял собой совершеннейший тип капрала старого времени. Геркулес сложением, 12-ти вершков роста, стройный и красивый, он был страшный службист, строгий к самому себе и не дававший пощады своим подчиненным. К такому-то человеку попал я в опеку, и он, своими бесконечными дисциплинарными наставлениями, нередко доводил меня до слез. Поставит, бывало, под ружье и начнет преподавать истину рекрутской школы о том, как должен стоять солдат, пересыпая эти пунктики и до сих пор непонятными для меня фразами» (Гриббе А. К. Граф А. А. Аракчеев // Русская старина. 1875. Т. 12).

Слово *службист* для времени, описанного А. К. Гриббе, является скорее всего анахронизмом, так как нарушает хронологическую точность, ведь этого слова в начале XIX века, по всей вероятности, еще не было.

Несколько позже *службист* появилось в третьем издании Толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля, исправленном и дополненном И. А. Бодуэном-де-Куртене: «...Суровый службист, служака. *Капитан А. был замечательным строевиком и службистом...*» (СПб., М., 1909. Т. 4).

Употребляется *службист* и в произведениях советских писателей, например А. С. Новиков-Прибой использовал его в произведении «Ухабы» (1926): «Я знал его как ретивого службиста, хитрого и злого, подхалимствующего перед начальством». Встречается оно и в произведении «Березовая роща» (1940) Ф. В. Гладкова: «Службист... — неодобрительно подумал Мартын Мартынович, позвякивая пожитками. — У таких адъютантов все силы идут на исполнительность и выправку».

Приведенные цитаты из произведений и словарей показывают, что слово *службист* употреблялось не так уж и редко, однако оно все-таки не получило широкого распространения в языке. Не случайно А. М. Селищев в книге «Язык революционной эпохи» (М., 1928), не зная предшествующей истории слова, отметил *службист* как новообразование с глухой ссылкой на источник: «службисты (Митницкий. Новобранцы)». Поэтому выглядит интересным тот

факт, что вышедший почти в то же время Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова отмечает слово *службист* как устаревшее: «*Службист* (разг. устар.). Педантичный, проникнутый служебным формализмом служащий» (М., 1939. Т. 4). Далее приведена цитата из произведения Н. С. Лескова «Владычный суд». Помета *устаревшее* фигурировала в первых изданиях Словаря русского языка С. И. Ожегова, и только в четвертом издании 1960 года она была убрана. Словарь С. И. Ожегова дает искусственную форму *службистка*, которая вполне возможна, но фактически не встречается.

Отмечает *службист* и «Словарь русского языка» в четырех томах (М., 1984. Т. 4), но почему-то (вместо цитат из произведений Н. С. Лескова) дает более новые, но менее выразительные цитаты из произведений А. С. Новикова-Прибоя и Ф. В. Гладкова.

Таким образом, благодаря прежде всего Н. С. Лескову слово *службист* закрепилось в русском языке и было зафиксировано словарями. Исследователи современного русского языка при упоминании активности заимствованного суффикса *-ист*, который мог присоединяться к русским основам, в своих работах использовали лесковский материал. Например, В. В. Виноградов в книге «Русский язык» (М., 1972) при рассмотрении суффикса *-ист* приводит цитату со словом *службист* из «Печерских антиков» Н. С. Лескова. Материал из произведений Н. С. Лескова занимает важное место и в книге Ю. С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка 30—90 годов XIX века» (М.—Л., 1965) при анализе истории обнаруживших бурный рост с 30-х годов XIX века образований с суффиксом *-ист*, среди которых *службист* оказалось «наиболее устойчивым».

В заключение, вероятно, следует добавить, что слово *службист* подслушано Н. С. Лесковым не только в военной среде, о чем говорит Ю. С. Сорокин, но и в чиновничьей, на что указывает приведенная в начале статьи цитата из «Владычного суда». Во всяком случае, оно связано с социальными диалектами русского прошлого и пришло в литературный язык из военно-чиновничьей среды.

Термез

Рисунок В. Леонова

Стенное письмо — стенная живопись — фреска

Л. Г. Фридендлер

Фреска, один из видов монументального искусства, была известна уже в Киевской Руси. Самым ранним памятником архитектуры этого времени является десятишная церковь в Киеве (989—996), сохранившая небольшие фрагменты фресок.

Различные письменные источники — летописи, акты, отчеты и т. п. — отражают наличие целого ряда наименований, существовавших для обозначения данного вида искусства вплоть до второй половины XVIII века.

О храме, расписанном фресками, говорили: *украшенный всякой хитростью и узорочьем, украшен писанием*. В древней Руси фрески назывались также *совершенным украшением*.

Для данного периода характерна широкая вариантность в обозначении искусствоведческих понятий. Это объясняется, в первую очередь, отсутствием четкого деления изобразительного искусства той поры на виды и жанры. Под «украшением со всякими хитростями и узорочьем», «совершенным украшением» подразумевались не только фрески, но и мозаика, и книжные заставки, и миниатюры и т. п. Но чаще всего в летописных источниках при описании церквей говорится: «украши ю иконами многоцветными». Ср.: «Украши (князь Андрей. — Л. Ф.) ю (церковь. — Л. Ф.) дивно паче шех церквей многоразличными иконами»; «Цркъвь свершиша и иконами оукрасиша» (Полное собрание русских летописей, далее — ПСРЛ).

Эти и многие другие примеры говорят о том, что фресковая живопись обозначалась в раннюю пору русского искусства и словом *икона* (греч. *eikōn* — изображение, образ). Термин был заимствован в эпоху Киевской Руси (X—XI вв.) в связи с принятием христианства и встречается уже в древнейших письменных источниках. Икона — произведение живописи, имеющее культовое назначение. Вместе с другими атрибутами христианства икона входила в единый идейно-художественный комплекс, символизирующий могущество церкви. Несмотря на то, что фреска отличается от иконы прежде всего методом исполнения и объект изображения у нее шире (фреска — это живопись храмовая, на стене, в то время как икона — это образ, лик на доске), в центре фресковых картин, как и иконы, всегда стоял образ святого или богородицы. Это совпадение объектов изображения и сближало в жанровом

отношении фреску с иконописью, что позволило одному наименованию выступать вместо другого.

Но все-таки уже в раннюю пору осознавалась необходимость в разграничении этих двух видов искусства. Для обозначения «стенной» иконы употреблялся термин *писания* (вариант *писмена*): «Украши ю (церковь.— Л. Ф.) дивно иконами и писанием»; «...црковь святых 40 мучеников, яже бе устроена иконами и писменем...» (ПСРЛ). При описании церквей в этот период для обозначения искусства фрески типично широкое употребление глагольной лексикки: *писать, исписать, написать, расписать, подписать, украсить* (церковь, стены и т. п.): «Подписана бысть церквн св. Николы на Вежищах»; «... (князь) исписаша црковь святого Преображения, на городищи»; «...повеле писати цркы в Володимери...»; «Епископ тако украси святую Софью...» (ПСРЛ); «...философ зело хитрый Феофан, родом грек ... расписал много различных церквей каменных...» (1415 г.; Казанский музейный вестник, 1922. № 1).

Следующий этап формирования обозначения связан с расчленением двух понятий: живописи на стене и живописи на доске. Появились словосочетания *писано (писан, писанный) на стене (образ)*: «...в церквах, на стенах и на иконах, писан образ Господа Саваофа и св. Троицы...» (Царственная книга о последних днях царствования Иоанна Грозного.— Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2. СПб., 1861); «написанныя стены...» (ПСРЛ); «пришед во удивление от образа на стене написанного» (Пекарский П. П. Материалы для истории иконописания в России.— Известия Императорского Археологического общества. Т. 5. Вып. 5. СПб., 1865); «...образ, писанный на стенах и досках» (Вопросы и ответы из русской иконописи 17 в.— Вестник Общества древнерусского искусства. СПб., 1876).

Эти словосочетания явились основой для образования современных нам обозначений искусства фрески. С конца XIII века различные письменные источники регулярно отмечают слова и выражения *настенное письмо, стенное письмо, стенопись, стенная живопись, роспись*: «(велел)... написати настенное писмо, на стену...» (ПСРЛ); в «Постановлении церкви Пресвятыя Богородицы честныя ея Знамения» говорится о «подписании стенным написанием (в 1363 г.)» (Каталог собрания славянорусских рукописей П. Д. Богданова. Вып. I. СПб., 1891).

Отвечая естественным требованиям наметившейся тенденции разделения искусства на жанры (особенно четко этот процесс обозначился к XVIII веку), эти словосочетания и слова передавали сие-

цифику фресковой живописи, технику ее создания. Происходит окончательное обособление термина *икона* и обозначений понятия «фреска».

Начало XVIII века связано с широкими преобразованиями во всех сферах деятельности Российского государства. Широкие контакты с зарубежными странами при Петре I отразились на языке, и в первую очередь на лексике, принявшей в этот период много заимствований. К 20-м годам XVIII века относится появление в русском языке слова *фреско*, пришедшего из итальянского *fresco* «свежий».

На протяжении всего XVIII столетия слово встречается в различных обликах, отмечается его широкая вариантность, что сохранилось отчасти и в современном русском языке: *альфреско* — *афреско* — *а-фреско* — *фреско* — *фреска* — *фреск*. Так, например, в «Делах Канцелярии от строений» помещен протокол 1752 года: «20-го сего месяца (Ея Императорскому Величеству) были представлены... архитектором Валериани сочиненные чертежи, каким образом в Петергофе... стены живописною работою, называемою афреска, расписать...» (Успенский А. И. Словарь художников в XVIII в., писавших в Императорских Дворцах. М., 1913). В начале 60-х годов XVIII века отмечаются: *а-фреско*, *афреско*; в приказе от 18 января 1762 года Канцелярией велено «вольному живописному мастеру Серафиму Бароцию за написанием им в новый Зимний каменный дом в проходной галереи... а-темпера, а не а-фреско... выдать деньги...» (там же). С конца 50-х — начала 60-х годов параллельно с уже названными начинают регулярно встречаться варианты *фреска* — *фреск*. Так, в протоколах этого периода, собранных Московским Отделением Общего Архива Министерства Императорского Дворца, отмечается: живописец Иван Крылов в июле 1765 года «пишет фрески в каменном Зимнем Дворце»; «в июле 1767 г. (Николай Афанасьев. — Л. Ф.) пишет фреск в большой церкви Каменного Зимнего дома». (*Альфреско* и *фреска*, а также *фреск* и *фреско* с пометой *устар.* фиксируются Словарем современного русского литературного языка).

С конца XVIII века термин *фреска* и его варианты встречаются не только в специальной, но и в художественной литературе: «В ратуше есть целая зала, расписанная аль-фреско Гольбейном» (Карамзин. Письма русского путешественника). Его отмечают также специальные и толковые словари русского языка с начала XIX века (впервые — Словарь Н. Яновского, ч. I, 1803).

Фреска входит в широкий ряд слов, объединенных общим значением «представлять, изображать (что-, кого-либо)»: *фреска* — *икона* — *лик* — *миниатюра* — *картина* — *портрет* — *пейзаж* и т. п. Опо,

как и каждое из слов данного ряда, приобрело в современном русском языке и переносное значение: «Ее рассказы напоминали фрески на церковной стене» (Леонов. Соть).

Слово *фреска* получило широкое распространение в русском языке. Подчинившись его фонетическим, морфологическим законам, оно прежде всего адаптировалось в системе искусствоведческой терминологии, называя один из важнейших видов монументальной живописи. Но в литературе, начиная уже с XIX века (со времени активного формирования научных стилей), для выражения понятия, обозначаемого словом *фреска*, применяются также адекватные ему по семантике термины *роспись*, *стенопись*, *стенная живопись*, иногда этот термин передается средствами латинской графики — *al fresco*: «Греческое на стенах иконописание (или стенопись, *al fresco*) вторично после Петра Могилы, в недавние годы поновлено по рисункам» (Записки и труды Общества истории и древностей Российских... Ч. 2, 1824); «За стенную живопись пожалован кавалером ордена св. Анны» (Рамазанов Н. Материалы для истории художеств в России. М., 1863); «Замечательной пластичностью и объемностью форм отличаются остатки фресок 1125 года в соборе Антониева монастыря. Эти росписи были открыты при ремонте собора в 1898 г.» (Лихачев Д. С. Новгород Великий. М., 1959); «Здесь медальоны с полуфигурами севастьянских мучеников были набраны не в смальте, а написаны *al fresco*» (Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. М., 1978).

Сохранявшаяся многозначность терминов *роспись*, *стенная живопись* привела к тому, что они встали в родо-видовые отношения с терминами *фреска*, *мозаика*, *плафон*. Роспись может быть хохломская, на шкатулках, на домашней утвари и т. п.; к стенописи, степной живописи может относиться не только фреска, но и мозаика, и орнамент.

Немаловажным свидетельством освоенности заимствованного слова языком является образование на его основе производных слов. В актах, относящихся к 60-м годам XVIII века, встречается прилагательное *фресковый*. Словари его отмечают с опозданием: впервые оно фиксируется в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля и в «Настольном словаре...» Ф. Толля (1864).

В истории русского литературного языка представляет интерес развитие обозначения, связанного с наименованием лица, выполняющего фресковые работы. Когда искусство фрески передавалось термином *икона*, мастеров называли *иконными писцами*, *иконописцами*, *иконниками*: «...церковь у великого княжеского двора, святого архангела Михаила, Князь Великий Семен Иванович подписывал русскими иконники...» (ПСРЛ); «подписаша иконописци на Твери

церковь святого Спаса» (там же). С XI века, как свидетельствуют «Материалы для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, в этом же значении употребляются слова *писецъ*, *писатель* (в отличие от *писательник* — «сочинитель»), *хитрець*, *хытрець*, *хытростьник*. Этим словам была свойственна способность выражать многие смыслы, которые в наше время передаются разными словами: *мозаичист*, *иконописец* и др. С XIV века встречаются в письменных источниках новые обозначения — *стенное письмо*, *стенная живопись*, появление которых происходит вследствие тенденции разграничения видов искусства. С этого времени встречаются *стенописцы* и *стенные мастера*: «Мастера Фряз, стенные и полатные» (ПСРЛ); «Еще в 1493 г. Великий Князь Всероссийский посылал в Венецию и Милан Грека Мануила Ангелова и Данила Мамырева «за полатными и стенными мастерами» (выражение, выделенное автором, — явно цитата, извлеченная из первоисточника описываемого периода)» (Древности Российского государства. М., 1849). В XVIII веке появляется слово *живописцы*: «Живописцы, кои расписывали стены *al fresco*». (Чекалевский П. Рассуждение о свободных художествах... СПб. 1792), а с XIX века в специальной литературе используется *фрескист*, хотя в настоящее время и не зафиксированное ни одним толковым словарем: «Он (Франциск Геррера. — Л. Ф.) ... был славный фрескист...» (Андреев А. Н. Живопись и живописцы главнейших европейских школ. СПб., 1857).

Ленинград

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Прочел в газете непонятное слово — *марикультура*...»

И. Зарайский, Киев

Марикультура (морская культура) — культивируемые человеком морские продукты. Так называется новая отрасль в рыбном хозяйстве: съедобные моллюски и водоросли не добываются промысловым путем, а выращиваются на специально созданных подводных «фермах».

АНАЛИЗ СЛОВА

Н. А. Каламова,
доцент Московского университета

В школьной практике понятия морфемного, словообразовательного, морфологического анализа слова часто смешиваются, и абитуриенты, особенно поступающие на филологические факультеты, затрудняются в их различии.

МОРФЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Любое слово состоит из морфем — частей, имеющих свое значение. Есть слова, в которых только одна морфема — корневая (такими являются неизменяемые слова: *здесь, там; депо, метро; за, у, над; и, но, а; же, бы* и др.); в слове *стол* — две морфемы: корень *стол-* и нулевое окончание; в слове *окно* — корень *окн-* и окончание *о*.

По месту, которое морфема занимает в слове, они делятся на следующие части: корень (основная часть слова); приставка (префикс), которая стоит перед корнем; суффикс — стоит после корня или другого суффикса; соединительная морфема, которая всегда соединяет два или больше корней и встречается только в сложных словах; самолет, ракетопоситель (это не соединительная гласная, так как при морфемном анализе мы имеем дело не со звуками или буквами, а со значащими частями слова); окончание, или флексия — изменяемая часть слова, стоящая после суффикса или корня и устанавливающая отношения между словами, и постфикс — может стоять не только после суффикса (*торговаться*), но и после окончания (*торгуюсь*).

Все морфемы, кроме корня, называются служебными, или аффиксами. По своей функции морфемы бывают словообразовательными, формообразующими и словоформообразующими (синкретическими). Корень, как правило, выполняет словообразовательную функцию (*каналстрой, рудовоз*), то есть с его помощью образуются новые слова; только иногда в русском языке корни выполняют формообразующую функцию, например в существительных *человек — люди, ребенок — дети* формы единственного и множественно-

го числа образуются от разных корней; в глаголах *брать — взять, говорить — сказать, ловить — поймать* корни различают вид глагола, то есть форму глагола, а не сами глаголы, так как лексическое значение у этих пар глаголов одно и то же. Аналогичное явление имеет место в формах сравнительной степени некоторых качественных прилагательных (*плохой — хуже, хороший — лучше*) и падежных формах личных местоимений (*я — меня — мне; мы — нас — нам; он — его — ему* и т. д.).

Корень — это общая часть целой группы родственных слов, в которой заключено основное, исходное значение всех этих слов: *дом, домовый, надомница, домовничать*.

Приставка — часть слова, стоящая перед корнем, которая может менять или только лексическое значение слова (*ходить — переходить — заходить — входить — отходить — обходить*; *город — пригород*; *толковый — бестолковый*), то есть выполнять словообразовательную функцию, или только грамматическое значение, то есть менять форму слова, не изменяя лексического значения, а изменяя только вид глагола и выполняя формообразующую функцию (*писать — написать, делать — сделать, читать — прочитать*). И, наконец, есть приставки в глаголах, которые одновременно меняют и лексическое значение слова и грамматическое (изменяется вид глагола), выполняя функцию словоформообразующую (*писать — описать — отписать — вписать — переписать — списать — записать — приписать — уписать*).

Суффикс — часть слова, стоящая после корня (*печник*), которая чаще всего служит для образования новых слов (*город — городской, воспитать — воспитательный*), реже для образования форм слов (*красивый — красивее: -ее* — суффикс сравнительной степени качественного прилагательного; *делать — делающий: -ющ-* — суффикс действительного причастия настоящего времени). Вместе с тем суффикс может выступать как синкретическая морфема: в словах *сварщик, бетонщик* — *-щик* участвует в образовании слов (*сварить, бетон+щик*) и указывает на форму мужского рода (в словах *сварщица, бетонщица*, суффикс *-щиц-а* — показатель женского рода).

Соединительные морфемы *-о-, -е-* и др. выполняют только словообразовательную функцию: участвуют в образовании сложных слов (*кроветворный, кровообращение*).

Постфиксы (*-ся* в возвратных глаголах: *носиться, возиться, торговаться; -то, -либо, -нибудь* в неопределенных местоимениях и наречиях: *кто-то, что-либо, куда-нибудь*) участвуют в образовании слов от уже известных глаголов, местоимений, наречий: *носить, возить, торговать; кто, что, куда*, то есть выполняют словообразо-

вательную функцию. Но постфикс *-ся* может выступать и как формообразующий в глаголах страдательного залога. *Мы строимся* (*-ся* — словообразовательная морфема) — глагол *строимся* здесь означает «нам кто-то строит» или «мы сами себе строим собственный дом»; *Дом строится рабочими* — постфикс *-ся* не меняет значения глагола *строить*, а только указывает на страдательный залог (вместе с другими словами, выражающими отношение к субъекту и объекту).

Окончание, или флексия, всегда служит средством выражения грамматических значений, то есть так или иначе изменяет форму слова. В словах *стена — стены — стене, пишу — пишешь — пишет* окончания *-а, -ы, -е* указывают на падежные значения и единственное число существительного, а окончания *-у, -ешь, -ет* обозначают 1, 2, 3-е лицо ед. числа глагола. Очень редко окончания выступают в двойной роли: меняют и форму слова и само слово; в парах *был — бывлой, бывал — бывалый, супруг — супруга* вторые слова образовались путем присоединения к глаголам *был, бывал* и к существительному *супруг* окончаний *-ой, -ый* и *-а*. Слова *был, бывал* — глаголы, в которых нулевые окончания. Прилагательные *бывлой, бывалый*, образованные от этих глаголов, как видим, отличаются не только значением, но и грамматической характеристикой. Нулевые окончания в глаголах указывают на мужской род единственного числа, а окончания *-ой, -ый* в прилагательных — на мужской род, единственное число и именительный (или винительный) падеж. В существительном *супруг* нулевое окончание указывает на лицо мужского пола, а в слове *супруга* окончание *-а* — женского.

Нулевые морфемы — это тоже значимые части слова, которые указывают на различные грамматические значения в слове, противопоставляясь и в то же время соотносясь с материально выраженными морфемами в тех же словах. Нулевыми бывают окончания и суффиксы. Так, в словах *стол, студент* окончания нулевые, которые являются средством выражения мужского рода, единственного числа, именительного падежа. Слово *стена* в родительном падеже множественного числа также имеет нулевое окончание — *стен*, но это уже форма, образованная от слова женского рода, и здесь выражены грамматические значения родительного падежа, множественного числа. В кратких прилагательных и кратких страдательных причастиях нулевое окончание указывает на мужской род и единственное число: *красив, написан*; в женском и среднем роде появляются материально выраженные звуком, буквой окончания: *красива(-о), написана(-о)*.

Нулевым может быть и суффикс. В глаголах выразителем прошедшего времени является суффикс *-л* (*читал — читала, писал —*

писала, носил — носила), однако в некоторых глаголах в мужском роде суффикс нулевой (*вёз, нёс, грёб, нёк*), в женском и среднем роде, а также во множественном числе он материально выражен (*везла — везло — везли, несла — несло — несли*). То же наблюдается в форме повелительного наклонения. Обычно показателем его является суффикс *-и* (*пиши, говори, неси*), но в целых группах глаголов он нулевой (*режь, вынь, сядь* и др.)

Морфемный анализ слов — это объект особого раздела науки о языке — морфемики.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В отличие от морфемного, словообразовательный анализ нельзя сделать на базе одного слова; он всегда проводится только на основе соотношения с другими словами. Если морфемный анализ возможен во всех словах, то словообразовательный — только в производных, то есть в тех, в которых обязательно ощущается их мотивированность другими словами. Основываясь на морфемном анализе, словообразовательный имеет целью выяснить, как могут быть образованы и как образовались новые слова (*прилуниться, ракетодром, уборщик, вездеход*), в том числе и индивидуальные образования писателей (*огончарован, кюхельбекерно, нянь, нимф* и др.), как образовались слова, существующие в языке давно, но имеющие производные основы (*землепроходец, приземлиться, предъюбилейный* и пр.). Словообразовательный анализ проводится на основе соотношения однокоренных и одноструктурных слов (*столяр — столярничать, плотник — плотничать, лентяй — лентяйничать* и др.) и является объектом изучения особого раздела — словообразования.

Первым этапом словообразовательного анализа является установление характера основы (ее производность).

Основа слова — это часть изменяемого слова до окончания, в которой заключено лексическое значение отдельного конкретного слова. В школьном учебнике говорится, что в основу самостоятельных слов могут входить, кроме корня, суффиксы и приставки. Надо особо отметить, что в основу слова входят только словообразовательные суффиксы и приставки, так как только они изменяют лексическое значение слова; формообразующие же аффиксы в основу слова не входят, так как они выражают грамматические значения. Основа неизменяемых слов — это целое слово: *депо, кашне, быстро, темно, вблизи, за, под, и, не, а, ах* и др.

Основы по своей структуре бывают производные и непроизводные. В непроизводной основе есть корень, но нет словообразовательных аффиксов: в словах *весна, кашне, здесь, но, же* и др.

основы *весн-*, *кашне-*, *здес-*, *но-*, *же-*. В производной основе есть словообразовательные аффиксы или второй корень: в словах *весенний*, *здешний*, *метрострой* основы *весенн-*, *здешн-*, *метро-* *строй-*.

Вторым этапом словообразовательного анализа является выяснение основы, от которой образовалось производное слово. Такая основа называется производящей, или образующей.

Производящая основа может представлять собой и основу слова, как в слове *оконный* (*окон-*), и основу предложно-падежной формы, как в слове *подоконник* (*под окном*), и целое слово, как в слове *переговорить* (*говорить*), и лексикализованное словосочетание, как в словах *электричка*, *зачетка*, *открытка*, *винтовка* (*электрический поезд*, *зачетная книжка*, *открытое письмо*, *винтовое ружье*).

Установив производящую основу, определяем способ словообразования производного слова (суффиксация — *комсомолец*, префиксация — *антимиры*, суффиксально-префиксальный — *предвоенный*, аббревиация — *вуз*, *МГУ*, сращение — *вечнозеленый*, *быстро-растворимый* и др.) — это третий этап словообразовательного анализа.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

При морфологическом анализе прежде всего необходимо установить, какому из четырех основных лексико-грамматических разрядов (знаменательная часть речи, служебная часть речи, междометие, модальное слово) относится рассматриваемое слово. Если это знаменательная часть речи — существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол и др., то определяют общее значение части речи (предметность, признак предмета, действие и т. д.), грамматические категории, которые присущи определенной части речи (у существительного — род, число, падеж; у прилагательного — род, число, падеж, зависимые от существительного, у глагола — вид, время, лицо, наклонение, залог и т. д.) и их грамматические формы (число, лицо, время, падеж, род и т. д.).

Вот образец морфологического анализа.

«Не обгорят рябиновые кисти, От желтизны не пропадет трава»
(Есенин. Отговорила роща золотая...).

Не — служебная часть речи — отрицательная частица, первообразная (первичная), непроеводная, не изменяется;

обгорят — глагол, исходная форма — *обгореть*, II спряжение (морфологический показатель — ударное личное окончание *-ат/-ят*); совершенный вид (морфологический показатель — суффикс *-е-*),

имеет видовую пару *обгорать* (показатель — суффикс *-а-*); будущее время простое (так как глагол совершенного вида); изъявительное наклонение (всегда выражается в формах времени); 3-е лицо, множ. число (показатель — личное окончание *-ат/-ят*); глагол непереходный, поэтому не имеет залога;

рябиновые — прилагательное относительное (можно заменить формой род. пад. — *кисти рябины*), поэтому не имеет, в отличие от качественных, степеней сравнения; краткую форму образовать от него нельзя; им. пад. множ. число (падеж и число данного прилагательного зависят от падежа и числа существительного *кисти*; показатель — окончание *-ые*); о роде говорить нельзя, так как во множ. числе родовые различия стираются;

кисти — существительное, исходная форма — *кисть*, III склонение; конкретное (имеет форму ед. и множ. числа, может сочетаться с количественными числительными), нарицательное, неодушевленное (вин. пад. множ. числа для всех родов существительных совпадает с им. пад. в отличие от одушевленных, в которых вин. пад. совпадает с род.); им. пад., множ. число (показатель — окончание *-и*);

от — служебная часть речи — предлог, первообразный, неизводный, относится к существительному *желтизна*, уточняет его падежное значение (род. пад.); как любой предлог, устанавливает отношения имени существительного (или его заменителя) с другими словами — здесь с глаголом *пропадет*;

желтизны — существительное, исходная форма — *желтизна*, I склонение (по школьной грамматике, по вузовской — II); абстрактное (поэтому имеет только ед. число, хотя некоторые абстрактные существительные имеют только множ.: *проводы, горелки, каникулы, бега* и др.), не сочетается с количественными числительными; нарицательное, неодушевленное, жен. род, ед. число (окончание *-ы* является показателем жен. рода, едн. числа и вместе с предлогом *от* — род. пад.);

не — (см. выше);

пропадёт — глагол, исходная форма — *пропасть*, I спряжение (показатель — личное окончание *-ёт* под ударением), 3-е лицо, ед. число, совершенный вид (имеет видовую пару *пропадать*), будущее время простое, изъявительное наклонение; глагол непереходный — залога нет;

трава — существительное вещественное, нарицательное, неодушевленное, им. пад., ед. число, I склонение (по школьной грамматике, по вузовской — II).

Морфологическим анализом слов занимается раздел грамматики, изучающий формы слов, — морфология.

ТЕМЫ СОЧИНЕНИЙ НА ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНАХ В МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (1987 г.)

Филологический и философский факультеты

1. «Недотепы» в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад».
2. Тема борьбы в творчестве М. Ю. Лермонтова.
3. Художественное изображение врагов в романе М. Горького «Мать».

Факультет журналистики

1. Лирические отступления в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» и их функции.
2. «Гроза» А. Н. Островского в оценке Н. А. Добролюбова.
3. Октябрь в поэзии В. Маяковского.

Исторический факультет

1. Лирика любви в творчестве А. С. Пушкина.
2. Бородинская битва в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Бородино» и в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».
3. Роман Н. А. Островского «Как закалялась сталь» — произведение социалистического реализма.

Институт стран Азии и Африки (ИСАА)

1. Изображение петербургского и московского общества в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин».
 2. Д. И. Писарев о романе И. С. Тургенева «Отцы и дети».
 3. Образ В. И. Ленина в творчестве М. Горького и В. Маяковского.
-

Как склоняются топонимы?

Житель г. Белорецка Башкирской АССР Н. Худовеков спрашивает: «В нашем Белорецком районе есть населенные пункты с окончанием *-ово*, *-ево*, например: Абзаково, Серменево, Азнагулово и др. И у нас возникают разногласия в том, как следует писать названия этих населенных пунктов в других падежах, например в предложном: в Абзаково или в Абзакове? Какова норма современного русского языка?»

Вопрос не случаен. Его задает человек, живущий в местности, изобилующей топонимами на *-ово*, *-ево*. В районах Башкирии, примыкающих к Челябинской области, довольно много, как и в самой Челябинской области, названий станций, автовокзалов, автостоянок, сел, поселков, деревень с такими окончаниями. Вот некоторые из них (в Челябинской области): Арсланово, Байрамгулово, Белово, Белоносолово, Беляево, Буланово, Болотово, Вахрушево, Варламово, Дербнишево, Дробышево, Злоказово, Кропачево и т. д. В Башкирии: Абзаково, Ахупово, Азнагулово, Байсакалово, Барангулово, Баимово, Новоабзаково, Новобайрамгулово, Муракаево, Мясосутово, Серменево, Таймеево, Ташбулатово и другие.

География подобных топонимов очень широка. Так, в «Алфавитном указателе железнодорожных станций» (См.: Справочное пособие «Железные дороги СССР. Направления и станции». М., 1965) в списке названий станций на одну только букву А обнаруживаем около 10 процентов топонимов на *-ово*, *-ево*.

Существительные на *-ово*, *-ёво*, *-ево* в системе склонения испытывают значительные колебания, переходя в разряд существительных, не изменяемых по падежам» (См.: Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря. М., 1976, с. 138). Не будем касаться их происхождения и морфологической структуры. Об этом сообщалось в статье Г. А. Качевской «Склоняются ли Пушкино, Тушино, Шувалово?» (Русская речь, № 4, 1968, с. 112–114). Попробуем ответить на два, органически взаимосвязанных вопроса — место топонимов на *-ово*, *-ёво*, *-ево* в грамматической системе современного русского литературного языка и особенности их употребления (склонение, изменяемость).

Топонимы па -ово, -ёво, -ево по отношению к определяемому имени со значением родового понятия (станция, село и т. п.) выступают в функционально-синтаксической системе современного русского литературного языка как приложение, то есть как особое определение, которое согласуется с определяемым существительным в именительном падеже и, как правило, не согласуется в других падежах определяемого имени. Например: им. п. — станция Абзаково, род. п. — станции Абзаково, дат. п. — к станции Абзаково, вин. п. — станцию Абзаково и т. д. Это подтверждает «Грамматика современного русского литературного языка» АН СССР (М., 1970, с. 377): «в современном языке обнаруживают тенденцию пополнить группу слов нулевого склонения слова-топонимы с финалями -ов(о), -ёв(о), -ев(о) и -ин(о), -ын(о). Например: Иваново, Бирюлёво, Князево, Болдино...» А «Русская грамматика» АН СССР (М., 1980, с. 58) уже констатирует, что «для многих сочетаний отсутствие изменения стало нормой, например: озеро Байкал — на озере Байкал, аэропорт Шереметьево — в аэропорту Шереметьево...» и т. п.

Однако в литературном письменном языке можно обнаружить колебания. Так, в сочетании с определяемым существительным в косвенных падежных формах топоним приобретает соответствующую падежную форму этого существительного. Например: «Родился... в селе Константинове» (С. Есенин о себе), «пароход остановился на пристани села Константинова», «Церковь в селе Константинове», «...владеи селом Константиновом», «Мы... села Константинова временнообязанные» (все примеры из книги: «На родине Есенина». — М., 1969). Это поддерживается общепризнанным фактом согласования с определяемым существительным во всех падежных формах широко употребительных и широко известных топонимов типа *Москва, Ленинград, Киев* и др.: *в городе Москве, Ленинграде, Киеве и в городе Москве, Ленинграду, Киеву* и т. п. Село Константиново для русского человека и не менее известно народу, чем многие крупнейшие города. С другой стороны, это имеет и психологическую поддержку в виде склоняемого топонима, когда он употребляется вместо отсутствующего определяемого имени.

В речи возможно ощущение определяемого слова и замещение его топонимом, который в этом случае берет на себя специфические функционально-грамматические свойства отсутствующего определяемого имени — склоняется, выступает в той или иной падежной форме в зависимости от сочетаемости с другими словами высказывания. Это с достаточной полнотой и последовательностью отражается в практике современной печати. Вот некоторые приме-

ры: «...в 7 верстах от Шахматова», «спектакль в Шахматове», «Свадьба Блока и Л. Д. Менделеевой в церкви с. Тараканово, возле Шахматова» (А. Блок. Сочинения в двух томах. Т. 1. — М., 1955, с. 705 и след.); «В Остафьеве Пушкин читал главы романа «Евгений Онегин», «Пушкин подъезжал к Остафьеву...» (Русская речь, 1977, № 3, с. 121); «Подарок из Жостова», по «живописцы деревни Жостово» (Советская Россия, 1986, 6 марта).

Склоняемость топонима в этом случае является нормой. Не склоняются, во избежание недоразумения, лишь топонимы, совпадающие с именами собственными: Лермонтово — Лермонтов, Кирово — Киров и т. п. (см. об этом: Грамматическая правильность русской речи... с. 139).

Таким образом, топонимы на *-ово*, *-ёво*, *-ево* имеют две парадигмы склонения, отвечающие современным нормам: 1) в сочетании с определяемым словом — наименованием родового понятия, 2) вне сочетания с определяемым именем, которое отсутствует в речи (и замещается топонимом).

В первом случае топоним согласуется только в именительном падеже с определяемым словом и не согласуется (т. е. не склоняется) в других падежных формах этого слова. Парадигма топонима состоит из омонимичных форм (пулевое склонение). Например:

- И. станция (поселок, деревня и т. п.) Абзаково,
- Р. станции Абзаково,
- Д. (к) станции Абзаково,
- В. станцию Абзаково,
- Т. станцией Абзаково,
- П. (о, в, на) станции Абзаково

Во втором случае топоним, замещающий синтаксическую позицию отсутствующего определяемого имени существительного со значением родового понятия, то есть употребляясь вместо этого имени, склоняется во всех возможных падежных формах, исключая топонимы, совпадающие с именами собственными, не имеющими материально выраженного окончания. Например:

- И. Абзаково,
- Р. (до, около) Абзакова,
- Д. (к) Абзакову,
- В. (в) Абзаково,
- Т. (под, перед) Абзаковым,
- П. (в, о, об) Абзакове.

В. Г. Глухих,
доцент Магнитогорского педагогического института

А сам не плошай

По данным словарей русского языка, обладающий разговорно-просторечной окраской глагол *плошай* употребляется обычно в форме повелительного наклонения с отрицанием. Например: — «Судно крепкое, доброе, только рулевые *не плошай* и держи в разрез волны» (Станюкович. В тропиках); «— Назначаю тебя в штабную разведку. Только, смотри, другой раз *не плошай*. Разведчику ошибаться нельзя» (Рудный. Гангутцы). Весьма употребительна также и поговорка *На бога надейся, а сам не плошай*, которая теперь используется часто видоизмененно: «— На дядю надейся, а сам не плошай!» (Наседкин. Большая семья); «*На помощь надейся, но сам не плошай*» (заголовок: Советский спорт. 1985. 20 окт.) и т. д.

В других формах *плошай* используется достаточно редко или совсем не используется. Значительно чаще в этом случае мы встречаемся с формами *оплошай* и *сплошай* — видовых парных соответствий. Сравните: «И тут Мишка Пигарев *не оплошал*. Носком ноги он ухитрился пробить по воротам» (Багрянец. Отдать швартову); «Где враг *сплошал*, где враг устал, Где ночь тиха, где мгла пуста, Сражайся, партизан» (Лебский. Партизанам); «Все теперь зависит от меня. Только бы не проштрафиться в чем-нибудь, только бы *не сплошать*» (Арамилев. В лесах Урала).

Насколько употребительны эти формы? В языке обычно: чем тот или иной элемент древнее, тем шире употребляется. Формой, в которой впервые возникло и начало жить слово *плошай* в русском языке, была, по-видимому, форма повелительного наклонения (*плошай*); глаголы же *оплошай* и *сплошай*, несмотря на кажущуюся производность их от *плошай*, возникли в русском языке раньше.

Глагол *плошай*, по-видимому, был образован путем отбрасывания приставок от форм, которые раньше образовались префиксально-суффиксальным способом от основы прилагательного *плох*-(*плош*-).

Так же — префиксально-суффиксальным способом — были образованы в русском языке их синонимы *сплоховать*, *опростоволоситься*, *обмишуриться*, о чем свидетельствует отсутствие в русском языке соотносительных бесприставочных глаголов *плоховать*, *простоволосить(ся)*, *мишурить(ся)*. Эти формы до сих пор употребляются в русской речи столь же активно, как и формы *оплошай* и *сплошай*, отражая богатство возможных оттенков обозначения действий, связанных с ошибками, оплошностями,

промахами. Сравните: «Там, в центре участка, куда не дошел, наверное, взгляд агронома, намолото меньше центнеров на десять. *Сплохо*вал тот, кто сеял и обрабатывал» (Известия. 1985. 25 ноября); «— Честно говоря, никак я не думал, что придется нам вас спасать. Что ж вы, братцы мои, так *опростоволосились*? А еще моряки!» (Багрянцев. Отдать швартовы); «*Обмишурились...*» (заголовок фельетона; Советский спорт. 1972. 1 авг.).

У глагола *оплошать* вдвое больше производных, чем у *плошать*, что свидетельствует о его более раннем возникновении. Ср. предположительно производные от обоих глаголов слова: *оплошка*, *оплошный*, *оплошно*, *оплошность* — с одной стороны (эти слова, как известно, входят в литературный язык) и *плошак*, *плошливый* — с другой (используются только в диалектах; см. словарь В. И. Даля).

Так же, как и *плошать*, — путем опущения приставки, в русском языке были образованы, по-видимому, семантически близко стоящие к соответствующим приставочным образованиям глаголы: *должать* «быть должным кому-либо что-либо; иметь долги, задерживая их уплату» (от *задолжать*, ср.: «И какие требования, когда сдавали за гроши и им годами *должали*?» (Цветаева. История одного посвящения); *половинить* «делить что-либо надвое» (от *переполовинить*, ср.: «Да, век мой срок не *половинил* И перевел за перевал...» (Львов. «О, гибель ранняя поэтов...»); *сиротеть* «становиться сиротой» (от *осиротеть*, ср.: «Рыдала я, внезапно *сиротя*, И океан молила быть добрее...» (Одинцова. Ньютон); *кулачить* «раскулачивать» (от *раскулачить*, ср.: «Ну что ж, говорю, хозяин, давай потолкуем». — «Давай,— говорит. И со смешком так: — Сказывай, как бывшего красноармейца *кулачить* станешь» (Почивалин. Запас прочности) и др.

Важно и необходимо вспомнить также, что в повелительном наклонении с отрицанием глаголы совершенного вида указывают не на то, чего не следует делать в определенной или вообще каких-либо других аналогичных ситуациях, а выражают значение предупреждения, предостережения (*не упади! не забудь!* и т. п.), то есть обозначают как раз то, что может произойти помимо воли действующего или повелевающего лица. Таким образом, именно в форме повелительного наклонения глаголы *оплошать* и *сплошать* должны были «искать» видовое соответствие, заменяться формой парного глагола несовершенного вида. Таким парным видовым соответствием к *оплошать* и *сплошать* и стал глагол *плошать*. Форма повелительного наклонения послужила в дальнейшем основой для образования других форм — настоящего и прошедшего времени, инфинитива. Смысловая производность этих форм от

формы повелительного наклонения в какой-то мере ощутима до сих пор, особенно в контекстах, где, помимо формы повелительного наклонения, употребляется какая-либо другая форма. Ср.: «— Возможно, конечно,— возразил Меньшов... — Но, как говорится, на бога надейся, а сам не плошай.— А мы разве *плошаем*? — спросил Яворский... — Разве мы не делаем все, что нужно, для того, чтобы они поняли?» (Казакевич. Дом на площади).

Следовательно, *площадь* иллюстрирует интересный и своеобразный способ образования глаголов несовершенного вида от глаголов совершенного вида путем опущения приставки (*оплошать*→*плошать*, *задолжать*→*должать*, *осиротеть*→*сиротеть*, *раскулачить*→*кулачить*, *возвеличить*→*величить* и т. д.).

Н. А. Луценко
Донецк

От лягушника к водокрасу

В конце июня в озерах и прудах среднерусской полосы зацветает неброское, но удивительно изящное плавучее растение *водокрас*: венчик цветка — три больших белых полупрозрачных лепестка, как бы светящихся в поздних летних сумерках. По красоте цветы уступят разве белым кувшинкам, так что имя у водокраса очень подходящее.

Но... называют его и по-другому, куда прозаичней — *лягушник*, *жабник*. На первый взгляд, непонятно, отчего. Оттого, что водокрас встречается в стоячих водах, где водится много лягушек? Но рядом растут десятки других видов растений, которые с успехом могли называться так же, а не называются же...

Разгадка в том, что, как ни странно, слова *водокрас* и *лягушник* этимологически связаны между собой.

Латинское название водокраса — *Hydrocharis*. Так звали одного из героев древнегреческой комической поэмы «Война мышей и лягушек». Имя это образовано сложением греческого *hydro* — вода и *charis* — красота, прелесть, привлекательность, и его можно было перевести как «водяная прелесть», как «краса вод» — лягушкам автор намеренно дал имена пародийно пышные.

От этого «лягушачьего» имени и появилось у русских ботаников слово *лягушник* — вместо красы вод. *Лягушник* и *жабник* (синоним!) находим в книге «Словарь ботанический, содержащий наименование растений и их частей. Трудami и изданным Вольного экономического общества изданный 1795 года во граде святого Петра», — таким образом, название фиксируется и закрепляется еще в XVIII веке. Затем в «Словаре истории естественной

царства животных, растений и ископаемых» Б. А. Соколова, изданным в 1801 году, вновь встречается *лягушник*.

Попытку перевести название поточнее предпринял в 1802 году Г. Ф. Соболевский в своей книге «Санкт-Петербургская флора или описание находящихся в Санкт-Петербургской губернии природных растений»: «Водопринятность лягушная... иначе лягушник называется». Перевод вышел точным, но термин получился слишком громоздким и не прижился в русской ботанической литературе. То что двумя годами позже «Новый ботанический словарь на латинском, немецком и российском языках... сочиненный Пестором Амбодиком-Максимовичем» привел прежнее название: *лягушник*, *жабник* и даже *жабий кус*, что буквально переводит немецкое *Froschbiß*.

И, наконец, *лягушник* и похожее *лягушечник* фиксируется Словарем Академии наук (1847 г.).

Однако поиски нового, более точного перевода продолжались. И вот удача! Н. Кауфман в своем труде «Московская флора или описание высших растений и ботанико-географический обзор Московской губернии» (1866 г.) нашел словечко *водокрас*, название точное, емкое и — не правда ли? — яркое.

Таким был путь от неблагозвучного *лягушник* к щеголеватому *водокрас*. И непохожи они, а — родственники.

И. С. Арапова,

кандидат филологических наук

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как нужно писать правильно: *ординарный* или *одинарный*?»

Т. Жгенти, Тбилиси

Дело в том, что это два различных по значению слова.

Ординарный — обыкновенный, ничем не выдающийся, заурядный. Например: *ординарное* лицо, *ординарная* одежда, *ординарное* исследование. Слово восходит к латинскому *ordinarius* (буквально *обычный, правильный*).

Одинарный же — не двойной, без второго подобного в составе. Не следует смешивать иноязычное по происхождению *ординарный* со словом *одинарный*, образованным на русской почве (из корня *один-* и суффикса *-ар-*).

Неправильно, например: *ординарная* ставня (надо: *одинарная* ставня); *ординарная* клавиатура (надо: *одинарная*); *оплата в ординарном* размере (надо: *в одинарном* размере); *ординарный* костюм (надо: *одинарный*, т. е. обыкновенный, костюм).

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала следует обращаться в типографию № 2 издательства «Наука»: 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6.

Всеми вопросами подписки и доставки журнала занимаются местные отделения «Союзпечати».

На вопросы читателей в этом номере журнала отвечали: кандидаты филологических наук С. И. Алаторцева, Г. Г. Тимофеева; Т. И. Тагунова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, П. Н. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ

Заведующая редакцией
Т. С. Колмакова
Художественный редактор
Е. Н. Сапожникова
Корректоры
В. В. Беляев, М. Б. Рыбина

Сдано в набор 19.10.87.
Подписано к печати 28.01.88
Формат бумаги 84×108/32.
Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4.
Усл. кр.-отт. 425,9 тыс. Уч.-изд.
л. 10,0. Бум. л. 2,5. Тираж 49500.
Заказ 1148

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
Адрес редакции: 121099, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография изд-ва «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6
